

ARS HISTORICA

Сборник научных статей

Выпуск 14

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

Ars Historica

Сборник научных статей

Выпуск 14

Архангельск
САФУ
2024

УДК 94(470)(08)
ББК 63.3(2)я43
А80

Редактор-составитель:

Г.С. Рагозин, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории ВШСГНиМК САФУ

Ars Historica: сборник научных статей. Вып. 15 / сост. Г.С. Рагозин;
А80 Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ,
2024. – 239 с. – Текст: электронный.
ISBN 978-5-261-01746-2

Сборник содержит материалы V Всероссийского междисциплинарного молодежного Конгресса «Проблемы интерпретации исторических источников», проходившего в Северном (Арктическом) федеральном университете 22–24 мая 2023 г.

Для студентов и преподавателей вузов, широкого круга интересующихся исторической наукой.

УДК 94(470)(08)
ББК 63.3(2)я43

В авторской редакции.

Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д.56

ISBN 978-5-261-01746-2

© Рагозин Г.С., составление, 2024
© Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова, 2024

Содержание

Секция I. Пресса и мемуаристика как исторические источники.....	6
А.А. Алямовская, С.А. Гриценко. Отчеты Оргкомитета Олимпиады-80 о пресс-конференциях с иностранными журналистами как исторический источник времен «Холодной войны».....	6
С.И. Малахова. Изучение мемуаров участников Фронды.....	11
А.И. Павленко. Листовки как исторический источник при изучении политического кризиса 1993 года в России.....	16
К. В. Сущева. Разделённая по признаку пола периодика: журналы для женщин США в XIX в.	23
Н.С. Федюлин. Материалы газеты «Архангельск» как источник по истории проведения исторических юбилеев в Архангельске в 1909-1913 гг.....	29
Р.Р. Хадиев. Сведения о Казанском крае в конце XVI века в записках Джильса Флетчера.....	36
В.В. Хатанзейская. Освещение деятельности канадских миссионеров в Корее второй половины XIX в. в церковных изданиях Канады.....	40
А. Д. Чудинова. Мемуары капитана О'Брайена как источник имагологического исследования.....	46
Секция II. Предметы искусства как исторический источник.....	54
Е.Д. Нистратова. Формирование образа Парагвайской войны 1864–1870 гг. в бразильской академической батальной живописи.....	54
Е.А. Покачева. Историография советской плакатной живописи 2000-2021 гг. как исторический источник.....	59
В.И. Субботин. Немецкая поэзия XIX века как источник по изучению социальной и политической истории.....	66
А.С. Циганкова. Неофициальное искусство в СССР. Проблемы интерпретации.....	70
Секция III. Источники по социальной истории.....	75
А.И. Гриценко. Отчеты Императорского Московского университета как источник для изучения социального состава студенчества второй трети XIX века.....	75
А.С. Дариенко. Документы по истории школ-интернатов для коренных народов Канады в Национальном центре истины и примирения (National Centre for Truth and Reconciliation).....	80
Н.Д. Куракин. Студенческие волнения 1868-1869 гг. в Российской империи (по материалам отчетов III отделения Его императорского Величества Канцелярии).....	87
Д. Д. Николиди. Функциональная типология азбук-прописей на базе собраний РНБ.....	92
М.А. Новикова. Частное женское дворянское письмо Петровской эпохи....	97

В.А. Охлопкова. Роль источниковедческого анализа формуляра и структуры расходных книг Патриаршего Казенного приказа второй половины XVII в. в изучении благотворительности московских патриархов.....	102
С.А. Соковнина Wolny szafunek в сознании брестских мещан первой половины XVII века.....	107
Н.А. Хребтов. Государственные льготы военнослужащих Архангельска во второй половине XVIII в. по материалам ГААО.....	112
Секция IV. Официальные источники и источники по политической истории.....	120
В.В. Антоновская. Проблема «изгнанных» в общественно-политическом дискурсе ранней Второй Австрийской Республики по материалам речей К. Реннера и К. Грубера (1945 – 1955).....	120
С. Ю. Вакорин. Арктическая стратегия России 2010 г. Идеология или экономика?.....	127
И. В. Кондратьев. Протоколы парламентских дебатов как исторический источник при изучении истории внешней политики Швеции.....	132
В.А. Опарин. Эволюция риторики предвыборных программ национал-консервативных движений Швеции, 1980-н.в.....	138
В.С. Свергунов. Памятники советским воинам-освободителям как объекты исторической политики (на примере «войн памятников» в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии).....	145
А.А. Таслахчян. «Проект регламента Главной и Московской Полицмейстерским канцеляриям...» как исторический источник.....	151
М.Л. Янглеева. «Закон об интеграции» 2003 года как отражение политики мультикультурализма Королевства Норвегия.....	157
Секция V. Источники по региональной истории.....	167
В.О. Богданов. Писцовая книга 1624-1626 гг. как источник исторической географии Ржевского уезда первой половины XVII в.....	167
А.И. Герасимова. Клировые ведомости как исторический источник по истории церквей Нёнокского прихода XIX века.....	172
А.А. Калашников. «Краткая инструкция» реорганизации управления Алтайским округом от 24 января 1918 г. как нормативная основа советизации управления в регионе.....	179
С.Н. Кипреев. Пастырское служение протоиерея Михаила Кипреева на Русском Севере на рубеже XIX-XX вв.: генеалогия и историческая память.....	183
К.М. Колегичев. Отчеты о состоянии начальных народных училищ Каргопольского уезда Олонецкой губернии как исторический источник по истории образования на Севере России в начале XX века.....	192
Копосова Е.А., Яковлева В.В. Протоколы волостных судов как источник правовых обычаев крестьян Архангельской губернии.....	199

Д. К. Рощина. Взаимоотношения интервентов и руководства Северной области в Гражданской войне в Архангельской губернии в 1918-1919 гг. (по материалам фонда генерал-губернатора Северной области).....	204
Секция VI. Исторический источник в музееведении, архивном деле и археологии.....	208
Л.Г. Богданов. Комплектование музейных фондов в 1960-1970-е гг. как процесс конструирования памяти.....	208
Е.А. Брюханова. Репрезентация первичных материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в сети интернет (на примере переписных листов по городскому населению Сибири).....	213
М.А. Ключкина. Фонд «Департамент образования и науки администрации муниципального образования город Сургут» как источник по проблемам в развитии образования в Сургуте 1966-1976 гг.....	218
А.Д. Малярова, А.С. Тараканов. Опыт графической реконструкции сосудов гребенчато-ямочной керамики средствами трехмерного моделирования.....	222
Д.В. Раздьяконова. Украшения в контексте детского погребального обряда периода средней бронзы: по материалам погребальных комплексов низовьев Северского Донца.....	226
А.Ю. Чурлик. Исторический источник как элемент музейной педагогики (на примере малых музеев, посвященных Великой Отечественной войне)..	231
Сведения об авторах.....	234

СЕКЦИЯ I. ПРЕССА И МЕМУАРИСТИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

А.А. Алямовская,

С.А. Гриценко

Отчеты Оргкомитета Олимпиады-80 о пресс-конференциях с иностранными журналистами как исторический источник времен «Холодной войны»

Ключевые слова: Олимпийские Игры в Москве, «холодная война», В.И. Попов, Оргкомитет Олимпиады-80.

Олимпийские Игры 1980 г. в Москве стали одной из самых значимых вех в истории нашей страны, настоящим «мегасобытием» [5, с. 39-40] советского спорта. Первая Олимпиада в странах соцлагеря, первые Игры в славянской стране и первые – на территории Восточной Европы... К сожалению, проведение Олимпиады в СССР пришлось на очередной виток «холодной войны», и Игры закономерно стали площадкой острейшего идеологического противостояния советской России с представителями стран Запада. В данном контексте история московской Олимпиады, на наш взгляд, изучена еще далеко не полностью, и ряд доступных исследователям архивных документов могут пролить свет на ранее не известные аспекты организации и проведения праздника олимпийского спорта в советской столице.

Для исследования указанной проблематики нами были использованы фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в частности фонд Организационного комитета по проведению Олимпиады 1980 г. (ф. Р9610), акты которого, в особенности ответы официальных представителей советского Оргкомитета Олимпиады-80 на острые вопросы западных журналистов (которые, в отличие от многих спортсменов, в немалом количестве приехали в олимпийскую Москву) освещают многие скрытые от мировой общественности обстоятельства подготовки и проведения Олимпиады.

Одной из важнейших площадок идеологического противостояния с критически настроенной к Играм западной прессой стали ежедневные пресс-конференции советской стороны, проводившиеся в Главном пресс-центре (ГПЦ) Олимпиады на Зубовском бульваре. ГПЦ торжественно открылся 28 июня 1980 г. в присутствии 400 человек, 250 из которых были иностранными журналистами, и для них был организован синхронный перевод на английский, французский, немецкий и испанский языки [1, л. 5]. Открытие ГПЦ обеспечивалось дежурством «ответственных лиц и студентов-переводчиков», действовавших по «заранее разработанному плану». Очевидно, организаторы тогда и позднее стремились охватить своим вниманием каждого иностранного участника мероприятия [1, л. 6].

С 20 июля 1980 г. ежедневно в 13-00 в ГПЦ проходила пресс-конференция с участием первого заместителя директора Оргкомитета «Олимпиада-80» В.И. Попова. Всего состоялось 16 мероприятий, по расчетам советской стороны, журналистами было задано советским властям суммарно более 200 вопросов. Сами иностранные журналисты, участники этих встреч отмечали, что эти беседы очень помогали им в освещении Олимпиады [2, л. 40], а В.И. Попов был ярким оратором, спокойно реагирующим на острые вопросы и доброжелательно относившимся к своим западным оппонентам [3].

К сожалению, отчеты Оргкомитета о пресс-конференциях не содержат полных стенограмм общения В.И. Попова с прессой, а только некоторые «избранные» острые вопросы и ответы советской стороны на них. Так, «значительный интерес» у журналистов, как сообщали представители ГПЦ вызвала пресс-конференция 14 июля 1980 г., посвященная программе спортивного строительства в Москве. На ней советские представители рапортовали, что программа расширенного строительства 1974 г. была успешно выполнена в полном объеме, все олимпийские объекты введены в эксплуатацию и будут продолжать функционировать и по завершении Игр [1, л. 10].

Впрочем, и в процессе подготовки к Олимпиаде, и в дни Игр вопросы о финансовой стороне Олимпиады воспринимались советской

стороной как идеологические диверсии, особенно предположения журналистов о непропорционально больших тратах СССР на проведение Олимпиады. В.И. Попов на одной из пресс-конференций прямо назовет их «выдумками» Запада о советской Олимпиаде, «которые даже не заслуживают внимания [1, л. 26]».

Технические проблемы, связанные с повышенной нагрузкой на каналы связи Москвы с остальным миром, зачастую также становились поводом для возобновления идеологической борьбы. Так, по поводу возникавших ранее проблем с телефонной связью журналист американской Los Angeles Times на конференции 21 июля насмешливо поинтересовался у Попова: «Вы не могли бы сказать, кто именно, по вашему мнению, препятствует связи между Востоком и Западом?» Еще более острым был вопрос от представителя Sunday Times – не виновата ли сама советская сторона в телефонных помехах и обрывах связи [1, л. 19]? Позднее представитель France-Press также упомянет, что советская сторона имеет претензии к Швеции по данному вопросу, но упорно отказывается признавать технические проблемы на московском узле связи [1, л. 20].

В конечном счете, качество телефонной связи было повышено усилиями советской стороны, и более данный вопрос журналистами не поднимался. Значительно серьезнее обстояли дела с периодически задававшимися участниками пресс-конференций политическими вопросами, особенно связанными с проблематикой влияния бойкота Игр на результаты соревнований в Москве. Еще на конференции 21 июля 1980 г. некий «журналист из Нигерии» задал Попову вопрос: «Каково, по вашему мнению, влияние отсутствие команды США и других команд Европы? [1, л. 15]», подразумевая необъективность результатов Олимпиады в отсутствие ряда сильнейших спортсменов из западных стран.

Два дня спустя представителю Оргкомитета пришлось отвечать на проблемные вопросы о мотивах приглашения лидера Организации освобождения Палестины (ООП) Ясира Арафата на Олимпиаду, несмотря на террористическую деятельность против олимпийцев из Израиля в прошлом. Также журналистов на встрече 23 июля 1980 г. волновала

конечная стоимость проведения Олимпиады и количество реально проданных билетов и присутствующих зрителей на Играх [1, л. 18], особенно в свете того, что еще весной 1980 г. в США были прекращены продажи билетов на Игры [4, с. 150], и американскому примеру последовал еще ряд стран, поддержавших бойкот Олимпиады в СССР.

Наконец, журналистов в тот день волновали избыточные, по их мнению, меры безопасности, а именно полноценные «обыски» представителей прессы на входе во все объекты олимпийской Москвы, кроме стадионов [1, л. 18]. И позднее, на пресс-конференции 26 июля, представитель LA Times задал Попову провокационный вопрос, спросив, сколько всего персонала задействовано на Олимпиаде, «кроме представителей госбезопасности [1, л. 24]». Дело в том, что представителей КГБ, обеспечивавших безопасность и общественный порядок, действительно было много в Москве в дни Игр, и это можно было определить, что называется, «на глаз».

На пресс-конференции 24 июля 1980 г. представитель британской Daily Telegraph поднял вопрос о не поехавших в олимпийскую Москву «туристах», которые якобы были «запуганы», «боялись за свое благополучие» ввиду обилия сотрудников КГБ в советской столице и потому не приехали на Олимпиаду [1, л. 20]. Журналист нью-йоркского издания Intersport также на встрече 27 июля отмечал излишнее рвение сотрудников КГБ на Играх [1, л. 27], но едва ли такие «наскоки» комментировались советской стороной. Обычно Представители Оргкомитета в привычной манере попросту отвергали все эти обвинения.

Иногда в ходе пресс-конференций с представителями западной прессы представители Оргкомитета «бросались в контратаку», то есть также демонстрировали приемы пропагандистской борьбы. Так, в конце встречи 24 июля 1980 г. Попов «представил американского туриста Ника Пола, который присутствовал практически на всех Олимпийских Играх современности», а теперь посетил и советскую столицу, что само по себе стало ярким пропагандистским жестом советской стороны [1, л. 19].

На последующих пресс-конференциях острые вопросы также неоднократно возникали, и в рамках данной работы невозможно их осветить в полном объеме. Однако в целом необходимо сказать, что представителю Оргкомитета Попову обычно не составляло труда нейтрализовывать обвинения западных журналистов в недостаточно качественном сервисе, излишних мерах безопасности, плохом питании или техническом оснащении Московской Олимпиады. При этом иногда советский представитель уходил от прямого ответа или отказывался комментировать острые вопросы, связанные с политическими трениями между соцлагерем и Западом. Тем не менее, пропагандистскую работу Оргкомитета Олимпиады-80 и в целом советской стороны в дни Игр следует признать достаточно эффективной, и ее результатом стал рост симпатий к СССР в мире, а также укрепление его политических позиций как не только военной, но и, можно сказать, спортивной и культурной сверхдержавы того времени.

Список литературы

1. ГАРФ. Р-9610. Оп. 1. Д. 590.
2. Официальный отчет Оргкомитета «Олимпиада-80» МОКУ [Проект] // ГАРФ. Ф. Р-9610. Оп. 1. Д. 677.
3. Попова И.В. СМИ на летних Олимпийских играх 1980 года в Москве // Международная жизнь. 2020. № 8. С. 112-119.
4. Пуховская Н.Е., Макиева А.А. Олимпийские Игры 1980 и 2014 гг.: взаимосвязь спорта и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2016. С. 149-152.
5. Чепурная О. «Олимпиада-80»: советское мегасобытие в контекстах «Холодной войны» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 5. С. 39-53.

Изучение мемуаров участников Фронды

Ключевые слова: Франция Старого порядка, Фронда, фрондеры, мемуары, интерпретация источников

Середина XVII в. была непростым периодом для Французского королевства. Знать и народ, недовольные засильем иностранцев в высших сферах власти, выступили против непопулярного первого министра, кардинала Джулио Мазарини (1602-1661). Гражданскую войну, охватившую Францию, современники называли Фрондой.

К счастью для исследователей, период Фронды изобилует источниками. Многие активные участники гражданской войны оставили мемуары, в которых подробно рассказали о событиях, своих действиях, дали оценки происходящему. В моих работах я исследую межличностные отношения аристократов во время гражданской войны. Для этого я анализирую мемуары мадемуазель де Монпансье [4], герцога де Ларошфуко [2], кардинала де Реца [3], герцога де Бюсси-Рабютена [1].

Изучая эти тексты, невозможно не столкнуться с проблемой интерпретации исторических источников. Мемуары часто называют предвзятым и неточным источником, но именно они позволяют приблизиться к тому, как исторические персонажи воспринимали события и свою роль в гражданской войне. Конечно, каждый из мемуаристов стремился показать себя в лучшем свете и объяснить, почему именно его поступки во время гражданской войны были наиболее правильными. С моей точки зрения, объективное исследование дворянства во время Фронды по мемуарам возможно только с опорой на большое количество источников. Это объясняется тем, что сведения из мемуаров не всегда соотносятся даже в одном произведении.

При всей их противоречивости и предвзятости источники личного происхождения участников событий в большей мере по сравнению с другими источниками позволяют исследователю проанализировать ментальность людей далекой от нас эпохи, понять мотивацию их

поступков и причины того или иного поведения, что представляет важность для изучения отношений в обществе. В письмах или дневниковых записях авторы имели возможность сразу же фиксировать заинтересовавшие их события, не упуская подробностей, но и не всегда успевали проанализировать события.

Само количество дошедших до наших дней мемуаров по периоду Фронды уже говорит о том, что у современников была потребность в рефлексии и в анализе. Авторы воспоминаний представляли оригинальные трактовки поступков своих сторонников и противников, обращали внимание на подробности их повседневной жизни или политической деятельности. К счастью для исследователей, в большинстве случаев сведения из разных воспоминаний дополняют друг друга. Однако в процессе написания мемуаров их автор мог забыть какие-то детали за давностью лет, а какие-то намеренно исказить.

При отборе мемуарных источников я руководствовалась в первую очередь степенью вовлеченности мемуариста в события гражданской войны. Поскольку мне важно рассматривать конфликты во фракциях, интриги их участников, отношения между дворянами и дворянками, важнее всего использовать воспоминания активных участников событий, которые лично общались с членами королевской семьи или принадлежали к ней, посещали Парламент, были на полях сражений. К таким мемуаристам относятся принцесса Монпансье, герцог де Ларошфуко. В статье я расскажу об их трудах и особенностях их интерпретации.

Мадемуазель де Монпансье и ее «Мемуары»

Анна-Мария Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье, Старшая Мадемуазель* родилась в Лувре 29 мая 1627 г. в семье Гастона Орлеанского. Герцогиня была богатой невестой, активной фрондеркой, действовавшей в партии принца де Конде (1621-1686). Вместо того, чтобы плести интриги и вдохновлять на подвиги мужчин, как это делали другие фрондерки, Мадемуазель сама приняла участие в военных действиях: во

* Монпансье с рождения имела титул Мадемуазель, который носили незамужние внучки, племянницы и двоюродные сестры короля.

взятии Орлеана и вступлении в Париж войска Конде во время битвы за Сент-Антуанское предместье^{*}, приказав стрелять из пушек Бастилии по королевским частям.

В 1653 г., во время ссылки, Монпансье начала писать «Мемуары», целью написания которых была потребность в самоанализе и в оценке собственной роли в гражданской войне. Ее пример разрушает стереотип о том, что мемуары пишут пожилые — на момент начала работы над произведением ей было 26 лет. В отличие от ее современников-мемуаристов[†], это было не описание пережитых событий, а история ее собственной личности. Мадемуазель де Монпансье сделала важный шаг в развитии жанра мемуаров, так как она показала, что не только исторические события, но и частная жизнь заслуживает описания в воспоминаниях.

Воспоминания Мадемуазель можно назвать произведением эпическим — в них мы можем встретить переломные исторические события, развитие человеческих судеб, современную ей действительность. Принцесса была склонна рассуждать о том, чего на самом деле не произошло [6, Р. 41]. Напор и энергичность герцогини проявляются в глаголах, которые она употребляла для описания своих действий, к примеру: «я разгорячилась», «я вскарабкалась, как кошка», «перепрыгнула через все изгороди» [4, Р. 360]. Для стиля герцогини характерно внимание к мелким деталям. Она останавливается на таких подробностях, как еда, одежда, сон, обстановка. Именно в этих мелочах заключается дух эпохи, особенности частной жизни того времени. Можно с уверенностью сказать, что именно эти частности и подробности представляют особую ценность в данном произведении. При этом у Мадемуазель не было перед глазами никаких источников, она полагалась только на свою прекрасную память. Однако это было причиной ошибок, неточностей в датировках.

Герцог де Ларошфуко и его «Мемуары»

^{*} Битва за Сент-Антуанское предместье (2 июля 1652 г.) — важное сражение Фронды между королевским войском под руководством маршала де Тюренна и армией принца де Конде.

[†] Таких как кардинал де Рец и герцог де Ларошфуко.

Герцог де Ларошфуко, принц Марсийяк, автор известных «Максим», родился 15 сентября 1613 г. в Париже. Род де Ларошфуко восходил к XI в., и он считался во Франции одним из наиболее древних [5, С. 237-238]. Герцог оказался в пучине военных действий во время Фронды под предводительством принца Конде. Ларошфуко, как и мадемуазель де Монпансье, за все время гражданской войны не предавал выбранной им стороны [6, С. 206-207].

«Мемуары» де Ларошфуко были написаны в ссылке в 1650-х гг. Как и многие аристократы XVII в., Ларошфуко не считал себя профессиональным писателем. «Мемуары» были написаны «в праздности опалы» для узкого круга друзей, автор не предполагал и не хотел их обнародования. Композиционно произведение состоит из шести частей: 1-2 части посвящены молодости герцога, 3-6 части – событиям Фронды. Интересно, что в первых двух частях автор пишет о себе в первом лице, а в частях, посвященных событиям Фронды, – в третьем. «Отвлеченность» его воспоминаний хорошо заметна – автор хотел представиться не участником событий, а объективным сторонним наблюдателем. Этим он существенно отличается от мадемуазель де Монпансье. Свои деяния писатель хотел вписать в историю Франции, надеясь показать, что они были направлены на служение отечеству. Сквозь повествование красной нитью проходит горькое разочарование в товарищах по гражданской войне, которые с легкостью меняли политические воззрения и стороны баррикад, думая только о своих эгоистических интересах, а не о благе Франции.

Этот краткий анализ источников показывает, что многие дворяне во время Фронды вели активную политическую жизнь, участвовали в деятельности партий, боролись за свои идеалы и интересы, глубоко анализировали события гражданской войны и свою роль в них.

Список источников и литературы:

1. Bussy-Rabutin R. Histoire amoureuse des Gaules. Liege, 1665.

2. La Rochefoucauld F. Oeuvres complètes de La Rochefoucauld, précédées d'une étude inédite par M. Alexis Doinet. Maximes, mémoires et lettres. P., 1865.

3. Cardinal de Retz. Oeuvres du Cardinal de Retz / Ed. A. Feillet, J. Gourdault et R. de Chantelauze. Grands écrivains de la France. P., Hachette. 1870-1920. Vol. 1-10.

4. Montpensier A.-M. Mémoires de m-lle de Montpensier, petite fille de Henri IV. P., 1858. T. 1-2.

5. Разумовская М.В. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Франсуа де Ларошфуко. Мемуары. Максимумы. Л., 1971.

6. Стогова А. Загадочный Ларошфуко // Новая и новейшая история. №3. 1999.

7. Garapon J. L'autobiographie d'une princesse du sang // Cahier de l'Association internationale des études française, mai 1988, N 40.

**Листовки как исторический источник при изучении
политического кризиса 1993 года в России**

Ключевые слова: политический кризис 1993 г. в России, постсоветская история России, листовки, агитация, разгон Верховного совета РФ, Борис Ельцин

Политический кризис 1993 года спустя тридцать лет остаётся малоизученным периодом в российской истории. В первую очередь на качество и содержание исследований влияет масштаб и трагичность тех событий, которые пришлось пережить соотечественникам. Во-вторых, изобилие источниковой базы, с одной стороны, открывает перед учеными новые грани изучения проблемы власти и общества в 1993 году и расширяет представления о природе политического кризиса. С другой – этот же массив исторических источников от личных дневников до законодательных актов мало систематизирован, не в полной мере осмыслен учеными, поэтому необходимо детальное изучение накопленных материалов. Из всего объема письменных источников, на наш взгляд, выделяются листовки, обращенные к гражданам России с призывами бороться с новой демократической властью весной-зимой 1993 года. Тональность содержания, которую мы находим в данной агитационно-политической литературе, проливает свет на общественные настроения по поводу либеральных реформ и политической борьбы, как выразился Государственный секретарь при первом Президенте РФ Геннадий Бурбулис, в «Новой России».

Впервые после распада СССР российские активисты применили листовки с призывами противодействовать власти накануне Всероссийского референдума 25 апреля 1993 года. Листовки содержали требования бойкотировать голосование, выражать недоверие Президенту, голосовать за досрочные выборы депутатов и Президента [22]. Граждане, недовольные политикой Правительства РФ, считали, что «Ельцин ведет Россию к гибели» [5], «Ельцин – это вымирание нации» [8]. В этих

листовках содержалась информация о губительности экономического курса, т.к. «жить становится всё труднее» [17]. Российское христианское демократическое движение считало, что «народ втягивают в бесконечный и во многом надуманный спор между законодательной и исполнительной властью» [16]. Наличие такой агитации свидетельствует о желании привлечь как можно больше граждан на сторону оппозиции Б.Н. Ельцину.

Содержательно листовки носили эмоциональную негативную окраску. Эти листовки выпускались в основном общественными объединениями и движениями, которые вели активную агитационную деятельность в столице. Это был своеобразный крик общественности, которая таким образом пыталась достучаться до властей, сообщить им о тяготах жизни. К сожалению, мы не можем из-за отсутствия данных установить, в какой типографии и когда именно были напечатаны данные листовки в большинстве случаев. Также на данный момент трудно сказать, в каких городах помимо Москвы распространялись данные листовки весной 1993 года.

Следующее массовое использование листовок для агитации началось спустя пять месяцев, когда в столице обозначилось открытое противостояние Президента России и депутатов Верховного Совета. В данном случае историки обладают более обширным материалом для исследования политического кризиса и общественных настроений в связи с большим количеством агитационных листовок.

Общество, разочаровавшееся в демократических устремлениях команды Бориса Ельцина, вступило в фазу активного сопротивления политическим изменениям с конца сентября 1993 года. Борьба Правительства с Советами была воспринята людьми как процесс ликвидации «нового» парламента — одного из важных завоеваний перестройки, ассоциировавшимся с реальной демократией [9, С.8]. Президента России представляли «диктатором», «кровавым» [4]. Его фигура карикатурно изображалась с кровавым топором в руках на фоне черепов, трупов и пожара Белого дома [1]. Граждане вновь призывали единомышленников бойкотировать выборы [10, 12]. Коммунистическая

рабочая партия доводила до сведения, что с помощью выборов «режим Ельцина хочет узаконить свои преступления» [2]. Левые силы, представленные Аграрной партией, Коммунистической партией РФ и «Достоинством и милосердием» надеялись, что Россия выйдет из кризиса и восстановит положение страны как великой державы в случае их победы [7]. Движение за рабочую справедливость агитировало против рыночной экономики в связи с обнищанием народа России [18]. Также распространялись листовки, где сообщалось, что «обманувшим народ доверия – нет!» [6]. Объединение оппозиционных партий, представленных РПК, РКРП, ВКППБ, движением «Трудовая Россия», движением «Трудовая Москва», считало главной целью Бориса Ельцина узаконение государственного переворота посредством выборов в Государственную Думу РФ и референдума по предложенному им же проекту Конституции [19]. Поэтому, чтобы избежать жизни в разоренной реформаторами России и диктатуре, активисты призывали голосовать 12 декабря против принятия нового Основного закона страны [3].

Очевидно, с осени 1993 года листовки наполнились более смелыми требованиями и звучными заголовками. Активисты, используя непарламентские выражения и разговорный стиль, пытались самым кратким способом донести до граждан всю трагичность происходящих событий в столице. Можно отметить, что градус общественных настроений рос на фоне политических решений.

Заметим, что агитация велась не только против Правительства и Президента. Часть вовлеченных в политическую жизнь граждан, разделявших идеи анархистов, обвинила в развязывании кризиса депутатов Верховного Совета [13], называла их «бандитами» [14]. Стоит заметить, что те, кто встали под знамена анархистов, были против всех в российской власти. Тем не менее подавляющее большинство листовок демонстрирует крайне негативное отношение к деятельности либеральных реформаторов. Например, Трудовая Россия считала, что «все идиотизмы экономической «реформы» есть дело рук лично дорогого Бориса Николаевича Ельцина» [11].

По имеющейся листовке, напечатанной в Тамбове, агитация шла также в провинции [21]. Объединение избирателей «Русь» выражало мнение о лишении населения всех социальных гарантий в случае принятия новой Конституции 12 декабря 1993 года. Оно призывало голосовать против Основного закона. Это свидетельствует о расширении общественной борьбы, выходе агитации за пределы столицы.

Подводя итоги, можно заключить, что левая оппозиция в крайней степени отрицательно относилась к либеральным преобразованиям в стране. Представители политических течений самого разного толка были вовлечены в политический процесс и агитировали против фигуры Бориса Ельцина, выборов в Государственную Думу и референдума по принятию новой Конституции. Агитационные материалы в основном распространялись в столице как эпицентре политической борьбы без указания типографии и даты публикации листовок. Данная информация могла бы помочь в историческом исследовании, чтобы лучше понимать, например, при каких конкретных условиях печатались те или иные тексты, отражением каких событий была та или иная информация в листовках. Данные о типографии помогли бы узнать место печати и коллективе, которые решился помочь распространить оппозиционные материалы. По имеющимся данным мы можем оценить тональность агитационных листовок, их содержание и коллектив, если таковой указывался в публикации, который занимался разработкой пропагандистских материалов весны-зимы 1993 года.

Таким образом, листовки как вид агитационных материалов и один из способов ведения общественно-политической пропаганды являются источником по изучению политического кризиса 1993 года в России. Эти печатные материалы обладали одной особенностью, которая вырисовывается при анализе их содержания: тексты листовок по большей части были обращены к простым гражданам, которые в повседневной жизни не имели рычагов влияния на власть, против которой велась пропаганда. Можно заключить, что общественная агитация, призванная сплотить граждан на почве неодобрения деятельности Президента и

Правительства, не достигла желаемого результата в полном объеме, т.к. результаты апрельского референдума и декабрьского голосования по проекту Конституции свидетельствуют о крайне малой степени участия оппозиционных сил. Действительно, агитация при помощи листовок как часть антиправительственной кампании не повлияла существенным образом на ход политического кризиса 1993 года, не предопределила и не изменила его, но сбрасывать со счетов данное положение видится нецелесообразным. Можно предположить, что общественная агитация повлияла на процент людей, которые не пришли на голосования, т.к. поддержали обозначенную в листовках идею бойкотировать референдумы.

Листовки – крайне важный источник при изучении политического кризиса 1993 года в России. Они отражают в определенном смысле палитру общественных настроений. Это был первый опыт публичного выражения общественного мнения после распада СССР, массового использования печатной продукции для агитации, когда интернет ещё не был доступен широким слоям населения.

Список источников и литературы:

1. А теперь голосуйте за мой выбор «России» [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060012
2. Бойкотируйте выборы [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060043
3. Вам еще не надоело быть пешками в чужой игре?! Подумайте и скажите НЕТ проекту Конституции! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/424. Инв. №1060049
4. Граждане России! [Листовка] Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. Инв. №1060017
5. Демократическое объединение «Свободная Россия»: Ельцин ведет Россию к гибели – Нет, нет, да, нет! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/127. Инв. №1156068
6. Дорогие земляки! [листовка]. Москва, 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060022

7. Дорогие сограждане! Не голосуйте за ВЫБРОСС, ПРЕС, РДРД! [Листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1156074
8. Ельцин – это вымирание нации! Ельцин не пройдет! Листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/127. Инв. №1104089
9. Журавлев С.В. Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР // Российская история. – №6. – 2022. – С.3-14
10. За общенародный бойкот «выборов» [Листовка] Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060026
11. Информация к размышлению [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060046
12. Конституция Е.Б.На – кровь, насилие и бесправие народа! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060029
13. Не ходите на избирательные участки! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1070615
14. Не ходите на избирательные участки! Бойкот декабрьскому голосованию! Нет президентскому самодержавию! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060030
15. Опомнись и воспрянь! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №106033
16. О референдуме 25 апреля 1993 года [листовка]. Б.м., 05.04.1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/127. Инв. №1156970
17. Приходите на Референдум 25 апреля! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/127. Инв. №1104089
18. Россияне!!! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060021
19. Соотечественники! Прочти и передай другому! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №1060036

20. Только последний идиот наступает на одну и ту же швабру два раза подряд! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/422. Инв. №106044

21. Уважаемые тамбовчане! [листовка]. Тамбов, 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/329. Инв. №1104099

22. 25 апреля – Всенародный Референдум. Москвичи! [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. Шифр НП 4/127. Инв. №1156073

23. 25 апреля референдум. День всенародного волеизъявления [листовка]. Б.м., 1993 // ГПИБ, ОСК. Коллекция листовок. – Шифр НП 4/127. Инв. №1156072

**Разделённая по признаку пола периодика: журналы для женщин
США в XIX в.**

Ключевые слова: периодическая печать, журналы для женщин, гендерная история, США

Переосмысление роли и места женщины в различных сферах жизни шло разными путями и привносило что-то новое в общественное сознание. Исторически сложившиеся ограничения не позволяли женской части человечества выражать свои интересы самостоятельно, поэтому долгое время этим занимались мужчины. Они диктовали женщинам, как выглядеть, как себя вести, чем заниматься. Подавление самостоятельности женщин за всю историю принимало самые разные формы, одной из которых является печать. Тенденция притеснения женского сегмента наблюдалась в XIX в. в США, что проявилось в создании и распространении отдельных изданий для женщин. Многие тезисы, представленные в упомянутых журналах, остаются неоднозначными и не изученными достаточно хорошо в исторической науке. Однако, с уверенностью можно сказать, что американские женские журналы XIX в. являются репрезентативным источником по исследованию притеснения американских женщин, поэтому данная проблема заслуживает большего внимания со стороны исследователей.

Женские журналы образовали сферу, в которой отражались нормы и стандарты поведения женской части населения. О том, зачем понадобились издания для женщин, можно узнать из журнала «The Portico»: они нужны «во имя обеспечения выгод для нашего пола, во имя интересов мужчин как таковых» [7, с. 5]. То есть культура для женщин создавалась мужчинами с одной целью – управление женским сознанием во благо мужского пола. Этому способствовало конкретное содержание, а женщины, на которых на протяжении всей истории оказывалось патриархальное влияние, ухватились за что-то, созданное, казалось бы, для них. Но действительное положение дел было недвусмысленно изложено

такими словами: «Чаще перечитывайте наставления и не пропустите слова «повинуйтесь». Только сделав счастливым своего мужа, вы можете добиться счастья для себя лично...» – вот основной посыл периодики для женщин [7, с. 5].

В XIX в. журналы являлись самым массовым и самым влиятельным средством информации. В США это понимали и не могли не воспользоваться, решив извлечь максимальную выгоду. Так появились специализированные журналы для женщин, которые давали как материальную, так и идеологическую выгоду. Бесспорное первенство здесь принадлежит таким изданиям, как «Godey's Lady's Book», «Arthur's Home Magazine», «Ladies' Home Journal». В рамках статьи рассматриваются журналы 30-80 гг. выпуска. Объём журналов варьируется от выпуска к выпуску, и отдельный номер мог составлять от 40 до 100 страниц. Опираясь на направленность журнала, можно выделить несколько особенностей: во-первых – аккуратный язык колонок, чтобы не оттолкнуть читательниц, мужа которых платят за подписку. Во-вторых – продвижение идеи об исключительности женщин, их особых и важных ролях в обществе. Однако, вместе с этим в текстах, особенно в ранних изданиях, прослеживается убеждение в природной неполноценности женщин, что является третьей особенностью. То есть периодика для женщин действовала незаметно, маскируя свои истинные цели под благие намерения. Однако, при внимательном рассмотрении этих изданий не остаётся сомнений в том, чего хотели добиться издатели журналов – это обеспечение возможности эффективно управлять поведением американок, и способов для этого оказывается предостаточно: от коротких рассказов с образами героинь, обладающих традиционным набором желательных для образцовых женщин норм поведения, до прямых порицаний и осуждения тех или иных действий со стороны женского пола [4, p. 44].

Обзор журналов стоит начать с их направленности – изначально позиционировались и преподносились они как развлекательные, для того, чтобы дамы не скучали дома, но таковыми они были отчасти. При более глубоком анализе изданий становится видно, что материалы излагались в

них с одной целью – сделать женщину образцовой женой, матерью и хозяйкой, а также ограничить её вольнодумство множеством «подобающих» для женщины занятий. В статьях читательницам даются советы по домоводству, кулинарии, рукоделию, воспитанию детей, уходом за собой и мужем. Издатели предлагают женщинам познакомиться с новинками моды, литературными произведениями не вредными для женского пола и содержащими в себе некую полезную мораль, уроками рисования или музыки. Публиковать темы, связанные с политикой, экономикой или высокой культурой редакторы не видят необходимости в силу ненужности подобных знаний женщине. Фактически, до определённого времени женские журналы были чем-то сродни профессиональному или образовательному изданию.

Американок воспитывали в духе пуританских нравов, которые являлись составной частью викторианской морали, активно использовавшейся создателями журналов. Редакторы были осторожны и не допускали в журналы то, что могло подорвать убеждённость женщин в непрекословном следовании изложенным в колонках предписаниям. По меткому выражению американской исследовательницы М. Сесиль, в то время журналы для женщин поклонялись *«двуликому богу – частной собственности и целомудрию»* [1, р. 37]. *Собственность, разумеется, оставалась мужчинам, а вопросы добродетели, точнее, максимальное её проявление, – женщинам. Как и в античности,* поведение американских женщин регламентировалось двойным стандартом половой морали, который заключался в снисхождении к проступкам мужчины и суровых санкциях за аналогичные ошибки к женщине, что, несомненно, было удобно и выгодно мужчинам.

Однако вместо того, чтобы учить добродетели самих мужчин, они пошли по более простому пути – наставлению женщин на терпимое отношение. Это осуществлялось с помощью романтических рассказов, которые также периодически публиковались в журналах. «Романтика – это то, чего хотят читательницы от своих журналов; не просто рассказов о любви, а волнующей, сладостной романтики, в отношении которой жизнь

так часто обманывает их» [1, р. 49]. Американским женщинам всячески внушали, что благо достигается, лишь если не сворачивая идти по дороге добродетели. Награда обязательно ожидала тех героинь, которые стойко сопротивлялись всяческому соблазнам, проявляли терпение и покорность. Если же пойти по пути безнравственности и впасть в порок, то всю жизнь героиню (и читательницу) будут сопровождать страдания. Так американкам внушалась мысль о необходимости смирения даже с самой тяжёлой судьбой. Самым страшным наказанием было не встретиться со своим единственным, а самой высокой наградой – жизнь со своим истинным, настоящая любовь. Таким образом, мы видим, что женщину привязывают к мужчине – её мечты, цели, образ жизни. И это кочевало из номера в номер.

Много было написано в журналах, как полагали издатели, о мечте и цели каждой женщины – браке. Редакторы писали на волнующие дам темы, например, могла ли прачка или горничная, обладающая всем, что так восхваляется обществом – внешность, порядочность, скромность, – стать женой мужчины из высшего общества. Редакторы дают читательницам однозначный ответ – могла, но лишь будучи благонравной. Исследовательница Б. Велтер же утверждает обратное: «Свобода выбора на брачном рынке была больше кажущейся, чем реальной: большинство девушек находили женихов, не выходя за рамки собственного класса, веры и места жительства» [5, р. 111]. Это уже представляется более правдоподобным, поскольку журналы, рассказы и романы были призваны не изложить всю правду жизни, а отвлечь американок от тягот повседневности, которые были осознаваемы мужским полом.

Так, возникла и укреплялась классическая теория женского успеха, которая и по настоящее время заключается в том, что можно просто выйти замуж и жить безоблачной жизнью.

Рассказы вызвали большой интерес, поэтому беллетристика закрепилась в женской периодике в качестве постоянной рубрики. Активно воспользовался этим журнал «Godey's Lady's Book», публиковавшийся с 1830 по 1898 гг., и пользовавшийся большой

популярностью и влиянием на протяжении своего существования. Исследователь американских журналов Дж. Вуд назвал этот журнал «американским институтом XIX века», подразумевая влияние, оказанное журналом, на формирование морали, вкусов и поведения нескольких поколений американских женщин [6, р. 265]. Особенность данного журнала являлось то, что на протяжении 40 лет пост его редактора занимала женщина – Сара Джозефа Хейл. Женщина-редактор лучше, чем какой-либо мужчина, знала болезненные темы «женского вопроса» – она писала о проблемах женского образования и занятости, что несомненно повысило доверие читательниц к журналу. В свою очередь Хейл предусмотрительно заверила мужей, что на страницах издания по-прежнему не будет напечатано ничего, что могло бы настроить женскую половину общества против мужской [2, р. 154]. Иначе говоря, сохраняются традиционные представления американского общества о роли женщины, как о хранительнице очага и утешительнице «своего благоверного» – важнейшие социальные функции женщины.

Может возникнуть впечатление, что роль женщины возвышается, она пользуется уважением. В действительности идеологи, говоря о том, как мужчины нуждаются в незаменимых, чутких и нежных женщинах, лишь стремились компенсировать отсутствие у них других привилегий. Всё её существование привязывалось к мужчине или к дому, а её исключительное призвание – деторождение и обслуживание супруга, проистекающие, конечно, из природы, а не навязывания мужчин. Столько бумаги и чернил ушло на то, чтобы подавить в американках поиски большей свободы, заставить их поверить в незыблемость существующих законов бытия и отведённой им роли. Один из авторов журнала писал: «Женская независимость – абсурдная вещь. Лишь подчиненная женщина может стать компаньоном, создателем уюта, ангелом-хранителем. Но женщина, равная мужчине, – нечто совсем другое. <...> амбиции... превращают женщину либо в социальную аномалию, либо в отвратительного монстра» [7, с. 15].

Особое внимание уделялось и женщинам, которые не соответствовали классическим требованиям к женскому полу. Журналы не признавали настоящими женщинами тех, кто придерживался других убеждений. Так «синие чулки» (так называли женщин, не поставивших личную жизнь на первое место и зарабатывающих на жизнь собственным трудом) выставались безнадёжными неудачницами, которые якобы не смогли постичь самую необходимую и единственную для женщины науку – науку познания мужчины [3, с. 56].

Таким образом, на протяжении всего XIX в. в журналах продвигалась идея жёсткого распределения гендерных ролей, основывавшееся на убеждении, что по-другому и быть не может – как в интересах семьи и общества, так и в силу природных особенностей полов. Женские журналы XIX в. не оставляют нам сомнений о своём предназначении – манипулировать женским сознанием и тормозить женскую эмансипацию с помощью определённых идей. Основные из них – быть скромной и послушной, думать только о том, что должна делать женщина, а будучи в браке – о том, как бы сделать жизнь семьи комфортнее и беззаботнее. Издатели журналов понимали незавидную судьбу женщин, и с помощью периодики предприняли попытку скрасить их жизнь, создать сладкую иллюзию их положения, но на деле об истинных интересах женщин никто не думал.

Список источников и литературы

1. Cecil M. Heroines in Love. 1750-1974. L., 1974.– 273 p.
2. Finley R. E. The Lady of Godey's: Sarah Josepha Hale. Philadelphia; L.: I. B. Lippincott Co., 1931. – 318 p.
3. Godey's Lady's Book. 1850 January.
4. Godey's Lady's Book. 1855 July.
5. Welter B. Dimity Convictions: The American Women in the Nineteenth Century. S. 1.: Ohio Univ. Press, 1976.– 230 p.
6. Wood J. Magazines in the United States. N. Y., 1971. – 579 p.
7. Кирьянова, О. Г. Американская женщина вчера и сегодня: (Иллюзии на продажу) / О. Г. Кирьянова. М. : Мысль, 1988. – 238 с.

Материалы газеты «Архангельск» как источник по истории проведения исторических юбилеев в Архангельске в 1909-1913 гг.

Ключевые слова: исторические юбилеи, Архангельск, Петр I, периодика, практики коммеморации

Традиция проведения городских торжеств и праздников, инициатором которых выступала государственная светская и/или церковная власть, имеет давнюю историю. К данному социокультурному явлению можно отнести и юбилейные торжества. В России коммеморативные практики отмечания исторических юбилеев сложились в XVIII веке и активно использовались государством в XIX – начале XX вв.

На начало XX века в Российской империи пришелся настоящий юбилейный «бум». Причиной частого проведения исторических юбилеев в данный период исследователи считают стремление власти «напомнить» о наиболее значимых для России исторических событиях, транслировать в общественное сознание идею преемственности величия «власть предержащих». Из наиболее крупных исторических юбилеев этого периода можно выделить: 200-летие Полтавской битвы (1909 г.), 100-летие Бородинского сражения (1912 г.), 300-летие царствования дома Романовых (1913 г.). Обращения к знаменательным событиям русской истории, неразрывно связанным с царствующей династией, были способом единения самодержавия и народа, укрепления промонархических настроений в обществе [11, с. 710-711].

Наиболее важную роль в освещении подготовки и событий исторических юбилеев в городах Российской империи играла местная периодическая печать. В Архангельске на момент проведения юбилеев пресса была представлена двумя видами: официальной и частной (негосударственной, партийной). К правительственной прессе относились газеты «Архангельские губернские ведомости» (далее – АГВ) и «Архангельские епархиальные ведомости» (далее – АЕВ). Однако,

исследователи отмечают, что в начале XX в. происходил постепенный «упадок» АГВ [14, с. 69]. К этому времени газета в основном специализировалась на публикации распоряжений, передаваемых по телеграфу из столицы. Поэтому полного освещения подготовки и празднования юбилеев 1909-1913 гг. АГВ не осуществляли. АЕВ ввиду своей конфессиональной специфики уделяли внимание только отдельным аспектам празднований. Роль главного «рупора» событий в городе выполняла частная (партийная) периодика, появившаяся в стране в результате событий Первой российской революции 1905-1907 гг. Одной из наиболее влиятельных изданий этого вида была газета «Архангельск», имевшая ярко выраженный политический оттенок и именовавшая себя кадетской [15]. Газета «Архангельск» являлась негосударственной по финансированию и партийной по направленности, что определило характер её повестки. Однако, считавшаяся оппозиционной газета «Архангельск» была на деле ограничена в свободе слова. Даже в сравнительно либеральные годы власть старалась препятствовать появлению компрометирующей её информации в СМИ [9, С. 51].

Основной аудиторией газеты являлись жители Архангельска и потому освещение городской жизни, наряду с трансляцией событий внешней политики и деятельностью Государственной думы, являлось одной из важных задач издания. Повседневная жизнь провинциального города не отличалась разнообразием, между тем как городские праздники становились главными событиями года, а иногда и десятилетий. Поэтому городские газеты старались как можно более полно осветить как сами юбилейные мероприятия, так и стадии подготовки к ним.

Организацией торжественных дней в Архангельске занимались губернатор и городская управа во главе с городским головой. Для подготовки праздников создавались специальные комитеты, которые собирались в городской думе. Главным думским обозревателем в «Архангельске» был журналист В.А. Симановский, писавший статьи под псевдонимом «С.У.». Он практически не пропускал ни одного заседания

комитета по подготовке торжеств и подробно освещал все актуальные вопросы [10, с. 148].

Кроме того, в преддверии некоторых юбилеев создавались и особенные комитеты и комиссии. Так, накануне празднования 200-летнего юбилея Полтавской битвы в Архангельске был создан специальный комитет по постройке Народного дома имени Петра Великого в Соломбале [1, с. 3]. В выпусках газеты сообщалось о подготовке к печати Архангельским губернским комитетом юбилейного сборника, посвященного Полтавской победе и сборах денег на Народный дом. Важное значение имели публикации, посвященные обустройству и переносу домика Петра Великого. «Думцы» ассигновали на это мероприятие 5 тыс. руб. и еще 7 тыс. руб. на покупку памятника Петру I работы М.М. Антокольского. [3, с. 4; 2, с. 3]. Такие крупные ассигнования объясняются тем, что юбилей Полтавской битвы являлся для Архангельска наиболее важным, так как имел отношение к личности Петра I. Как отмечают исследователи городского культурного ландшафта, «среди «гениев места» востребован в Архангельске ... Петр I. ... Образ Петра – сильного, волевого, решительного, часть своих черт передал образу города» [13, с. 121]. Можно предположить, что реализация крупных городских проектов, связанных с именем первого императора, являлась способом упрочения региональной идентичности архангелогородцев, утверждала важное место Архангельска в российской истории.

Действительно, на проведение других юбилеев средств из городской казны отпускалось гораздо меньше. Так, по сообщениям корреспондентов газеты «Архангельск», на юбилейные торжества по случаю 100-летия Бородинского сражения городская дума Архангельска ассигновала 200 рублей на проведение городского праздника и 100 рублей директору народных училищ на покупку брошюр и картинок, посвященных 1812 г., для раздачи ученикам начальных школ [4. С. 2]. Однако, следует отметить, что «отцы города» и региона приняли личное активное участие в организации праздника. Губернатор вместе с городским головой посетили Народный дом в Соломбале, где накануне случился пожар, для выяснения

вопроса о возможном использовании здания для проведения юбилейных мероприятий. «Удовлетворившись состоянием здания», губернатор дал согласие на его открытие к празднествам и за несколько дней до юбилея в Народном доме были открыты чайный буфет, столовая и библиотека-читальня. Кроме того, к юбилею Отечественной войны Архангельский статистический комитет издал сборник «1812 год в Архангельской губернии», составленный секретарём комитета Н.А. Голубцовым [5, с. 3].

Публикации в газете «Архангельск» позволяют оценить масштаб, а также выявить специфику проведения на севере юбилейных мероприятий 1913 года. Первые известия о подготовке празднования 300-летия царствования дома Романовых появились в газете «Архангельск» за месяц до торжеств. Под председательством вице-губернатора был организован специальный комитет для организации юбилея. Городской думой было выделено 500 руб. на украшение города. Кроме того, в честь праздника предполагалась раздача юбилейных брошюр и картин, связанных с царствующей династией, учащимся средних и низших учебных заведений и открытие новых начальных училищ [7, с. 3].

Таким образом, анализ публикаций в газете «Архангельск», посвященных юбилейным мероприятиям 1909-1913 гг., позволяет дать обобщающую характеристику проведению государственных праздников в городе. Исследователи отмечают, что к концу XIX в. в Архангельске, как и в других крупных городах России, сложились особые ритуалы празднования юбилейных дат [12, с. 59]. Они начинались с религиозных обрядов: панихид, литургий, молебнов и крестных ходов. Кроме того, празднования исторических юбилеев сопровождалось проведением военных парадов и шествий. В парадах, как правило, участвовали местный гарнизон, пожарная команда и ученики мужской гимназии.

Следующий этап торжественных мероприятий проходил в здании городской думы, где на «торжественный акт» собирались высшие чины города по пригласительным билетам. Эти приемы в городской думе являлись наиболее важными из официальных мероприятий и сопровождалось речами губернатора, должностных лиц мужской гимназии

и музыкальными выступлениями. Так, в Архангельске юбилейные речи произносили губернаторы И.В. Сосновский и С.Д. Бибиков, преподаватели русского языка и словесности Н.К. Кизель и В.И. Мазюкевич, инспектор мужской гимназии А.П. Ерюхин. Активно участвовали в написании и исполнении юбилейных произведений местные музыканты П.А. Самойлович и Н.Г. Карташев.

После официальных торжеств в городской думе праздничные мероприятия обычно продолжались в учебных заведениях города и проходили в формате музыкально-литературных выступлений учеников и докладов преподавателей. Для широкой публики народные гулянья устраивались в Народном доме и Александровском саду, где демонстрировались «живые картины», «апофеозы», играл оркестр, запускались фейерверки, проходили народные чтения. Во время юбилейных празднеств частные дома и правительственные здания украшались национальными флагами, хвойными гирляндами, электрическими лампочками, вензелями, портретами Романовых и т.д. Ход мероприятий подробно освещался в прессе, наиболее полно – в газете «Архангельск».

Следует отметить, что корреспонденты «Архангельска» отваживались публиковать и критические статьи об организации юбилеев. Так, анонимный автор в статье «На юбилее» в 1912 году писал о том, что по случаю 100-летия Отечественной войны чиновники явились на праздник в городскую думу «как будто по обязанностям службы», а речь губернатора была полна пафосных фраз о необходимости нести службу монарху, «как служили предки». Совсем иная атмосфера, по мнению автора заметки, царила в Александровском саду, где проходил «подлинно народный праздник» [6, с. 1]. По случаю празднования 300-летия царствования дома Романовых журналист В.А. Симановский писал: «Не везет нам с национальными праздниками. Все еще не научились мы делать их действительно национальными, общими для всех», – приводя в пример то, что акт в городской думе являлся образцом «казенного торжества» [8, с. 2].

Таким образом, материалы газеты «Архангельск» являются важным источником по репрезентации празднований исторических юбилеев 1909-1913 гг. в Архангельске, транслируя как подготовку к празднованиям, так и сам ход торжественных мероприятий в городе. Сравнивая сообщения прессы с архивными материалами, следует отметить, что процесс проведения праздников слабо отражен в делах городской управы: дело о принятии участия города в праздновании 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых (Ф. 50. Оп. 1. Д. 1346.), дело о праздновании 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова (Ф. 50. Оп.1. Д. 1225), дело о праздновании в Архангельске 200-летия Полтавской победы (Ф.50. Оп.1. Д. 1186), дело о праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года (Ф.50. Оп. 1. Д.1321).

Основываясь на репортажах и статьях газеты «Архангельск», можно сделать вывод о том, что все наиболее активное участие в торжествах принимали губернатор, деятели городской управы, местная интеллигенция, а также к проведению торжеств привлекались учебные заведения города. Для «простой публики» городские власти устраивали торжества у Народного дома и в Александровском саду. В целом газета «Архангельск» описывала исторические юбилеи 1909-1913 гг. как важные общественно-политические и культурные события в жизни города, представляющие собой часть общегосударственной политики укрепления авторитета монархии. С другой стороны, газета отражала точку зрения «прогрессивно настроенных демократических масс» [9, 49], поэтому в ней появлялись критические замечания об организации и проведении праздников, направленные в адрес городских властей. Следует еще раз подчеркнуть значимость проведения исторических юбилеев в провинциальных городах России, так как актуализация коллективной памяти о важных событиях прошлого способствует укреплению национального самосознания, идентификации общества как единого народа с общими культурно-политическими ценностями.

Список источников и литературы

1. Архангельск. 1909. №72. 4 апреля
2. Архангельск. 1909. № 120. 4 июня.
3. Архангельск. 1909. № 95. 1 мая.
4. Архангельск. 1912. №186. 17 августа.
5. Архангельск. 1912. №194. 26 августа.
6. Архангельск. 1912. №195. 28 августа.
7. Архангельск. 1913. №17. 20 января.
8. Архангельск. 1913. №45. 26 февраля.
9. Коротаев В.И. Периодическая печать как исторически источник. Учебно-методическое пособие. Архангельск., 2007.
10. Лукнов И.Н. Редакция открыта: жизнь журналистов старого Архангельска. Архангельск., 2020.
11. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.
12. Фролова А.В. Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX - начала XXI века. М., 2010.
13. Фельдт И.Н. Образ города как феномен междисциплинарных исследований: (На примере г. Архангельска) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 5. С. 116 -122.
14. Шурупова Е.Е. "Губернские ведомости" и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции: на материалах Архангельской губернии. Дисс...на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Архангельск., 2005.
15. Электронная краеведческая библиотека «Русский Север». Газеты и журналы «Архангельск». [Электронный ресурс] URL: <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=62> (10.05.2023).

Сведения о Казанском крае в конце XVI века в записках

Джилльса Флетчера.

Ключевые слова: Дж. Флетчер, Казанский край, Московское царство, XVI в.

Во второй половине XVI в. в Россию посещало множество купцов и дипломатов. В основном это были представители Англии. Это, как известно, связано с развитием торговых отношений с представителями Московской компании. Некоторые из тех, кто побывал в России того времени, оставили записки об устройстве и быте нашей страны.

Одним из дипломатов, который составил одно из самых подробных описаний Московского царства конца XVI вв., был Джильс Флетчер. Он прибыл в Россию в ноября 1588 г., а уехал летом 1589 г. так и не добившись поставленных дипломатических целей (монополии торговли компании, изъято право беспошлинной торговли). Дипломат обратил внимание не только на нравы и методы руководства государством, но и на систему управления. Он дал описание приказов Московского царства. Англичанин в своей работе неоднократно обращает внимание на Казань и говорит о значении этого города для Русского государства.[1]

Как и многие сочинения иностранцев о России, труд Флетчера следует подвергнуть критическому анализу и не воспринимать все содержащиеся в нём сведения за абсолютную правду.

В первые описательный труд английского дипломата фрагментарно опубликовали в николаевскую эпоху. Инициатором перевода и издания произведения выступило Общество Истории и Древностей Российских при Московском университете. Работа была проведена князем М.А. Оболенским в 1848 г. Сразу же после издания министр просвещения граф С.С. Уваров распорядился изъять труд, по причине содержания негативных описаний российской монархии и православной церкви. [2, с.7]

В отечественной историографии существуют различные позиции по поводу истинности данных о России в работе Дж. Флетчера. С. М.

Середонин одним из первых исследовал сочинение англичанина, как исторический источник. Историк детально проанализировал каждую главу труда и прокомментировал сведения, и пришел к выводу, что дипломат близко к действительности отразил политическое устройство России конца XVI в. [3, с.375]

С.Ф. Платонов придерживался точки зрения, что Флетчер смог показать явную причину введения Иваном Грозным опричнины. Историк считал английского дипломата хорошим прогнозистом, который смог предсказать грядущую Смуту в России. [4, с.367]

Диаметрально противоположной точки зрения по вопросу ценности труда Флетчера придерживался С.Б. Веселовский. Исследователь считал, что англичанин не мог знать истинных причин опричнины, так как описывал события со слов бояр и служащих и вовсе не знал русских традиций и языка. [5, с.51]

Р.Г. Скрынников полагал, что по причине недостижения своих целей дипломат мог намеренно описывать Московское государство в негативных тонах. [6, с.109]

Современный московский исследователь Д. М. Володихин допускает возможность некоторых ошибок в описании, но в целом приведенным сведениям можно доверять, так как при написании работы автор использовал документы Московской компании. [7, с. 33]

Флетчер в своей работе описывает различные стороны жизни Московского государства. Обращая внимание на Поволжские города, дипломат отмечает, что Казань очень хорошо укрепленный город и более там примечательного нет. Автор утверждает, что земли Поволжья достаточно плодородны, но очень мало заселены. В данном случае дипломат, вероятно мог ошибаться в сравнении населения Поволжья с Москвой. При условии территории Московского государства и плотности его населения. Уровень народонаселения в среднем Поволжье был приемлемым для конца XVI века. Англичанин отмечает природные богатства Казанской земли. На территории Поволжья можно найти мед, рыбные богатства. [1, с.495]

Дж. Флетчер очень подробно описывает систему приказов Московского государств. Автор дает описание функций приказов, в число которых входит приказ Казанского дворца. Помимо прочего, освещен принцип назначения глав органов управления. По представлению дипломата приказы занимаются решением гражданских споров. Судопроизводство также находилось в ведении приказа. Сбор податей и обнародование законов, сбор ратников тоже относилось к функции приказа. Во главе структуры стоят князья и дьяки, назначаемые царем сроком на один год, но автор делает акцент на том, что некоторые представители, кто пользовался благосклонностью царя могли пребывать на посту больше. [1, с.513] Из этого можно предположить, что, лица, занимаемые пост несколько лет были одаренными управленцами и были на хорошем счету у царя. Важно сказать, что Дж. Флетчер отмечает важность назначения глав приказов в приграничных городах в том числе и в Казани. В городах на границе приказы возглавляли лица, пользующиеся большим доверием. [1, с. 515] Это можно подтвердить так как, точно известно, что с 1574 до 1587 г. приказ Казанского дворца возглавлял думный дьяк А.Я. Щелкалов. [8, с. 75] Возглавляя Казанский приказ дьяк одновременно на руководил другими приказами Московского государства и это как известно было обыденным явлением для того времени. [8, с. 298] На страницах работы можно найти оклады глав приграничных приказов (400-700 рублей в год). [1, с. 515] Такая сумма была вполне возможна, для конца XVI в.

Дипломат расписывает суммы налогов с различных городов и называет сумму тягло, которое платит Казань в царскую казну. Нужно отметить, что налог с города не очень большой, по сравнению с городами центральной и западной части страны. [1, с. 521] Вероятно, это связано с тем, что часть средств оставалась в регионе.

Дж. Флетчер в своем труде посвятил целую главу, описывающую нравы и взаимоотношения татар. [1, с. 550], уделяя больше внимания крымским татарам. Но из большого описания есть детали, показывающие методы войны всех татар. Ошибочно дипломат черемисов относит к

татарам, хотя черемисы — это предки сегодняшних марийцев. На страницах своего труда автор попытался отразить историю названия Казанского царства «В истории написанной Пахимером Греком встречается, как помнится мне известия об одном Нагае, полководце Татарском, служившем царю восточных Татар, по имени Казану, от которого город и царство Казань заимствовали своё название». [1, с. 557]

Подводя итог, можно отметить, что в исторической науке существует множество точек зрения, по поводу истинности записок английского дипломата. К труду, написанному иностранцем нужно относиться с особой критичностью. Но даже при вышеупомянутом условии, благодаря наблюдениям иностранца мы можем лучше понять, что из себя представлял Казанский край в конце XVI в., какие суммы налогов отходили в центр, какие оклады имели воеводы города, но самое важное мы можем понять функции Казанского приказа, который распространял свои полномочия не только на Казанский край, но и на другие регионы страны (Астраханское ханство и Западная Сибирь).

Список литературы

1. Накануне Смуты: [Сборник / Сост., предисл., с. 5-48, коммент. С. Елисеева; Иллюстрации С. Соколова]. М., 1990. 621 с.
2. О государстве русском / соч. Флетчера. Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина, 1906. 138 с.
3. Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. 399 с.
4. Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. 479 с.
5. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины М., 1963. 539 с.
6. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени» М., 1981. 205 с.
7. Володихин Д.М. Россия и Запад: диалог культур М., 1994. 358 с.
8. Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин Приказы Московского государства XVI-XVII вв. Словарь-справочник М., СПб., 2015. 303 с.

**Освещение деятельности канадских миссионеров в Корее второй
половины XIX в. в церковных изданиях Канады**

Ключевые слова: История Кореи, канадское миссионерство, культуртрегерство, периодическая печать, протестантизм.

Исторические события, явления, процессы невозможно изучать без исторических источников, которые являются основой любого исторического исследования, одним из них является периодическая печать. Предназначение периодики – воздействовать посредством информации на мнение, как отдельных людей, так и общества в целом. Так в двух канадских газетах в конце XIXв. Публиковались сообщения и письма протестантских миссионеров в Корее, которые знакомили канадцев с экзотической для них страной, а также делились взлетами и падениями прозелитистской деятельности. Цель данной работы рассмотреть деятельность первых канадских миссионеров-медиков в церковной периодической печати Канады в конце XIXв.

История христианства в Корее насчитывает несколько веков. Широко известно, что к моменту открытия страны для контактов с европейскими державами и Японией из всех направлений христианства протестантские миссионеры сумели добиться в Корее наибольшего успеха [13].

К 1880-м годам Корея стали привлекать внимание и среди канадских протестантов. Главным каналом для получения информации, касающейся церковных дел, а также основных сведений о работе иностранных миссий являлась периодическая печать. Это могли быть как университетские, так и церковные газеты, и журналы. В университетской среде интерес подогревался у студентов, в церковной – у рядовых прихожан. Самым ранним сохранившимся источником относительно миссии Канады в Корее считается майский выпуск 1887 года ежемесячного журнала колледжа Нокс в Торонто. В нем содержалась просьба канадского миссионера в Китае Дж. Гофорта о том, что в Корее так же нужны миссионеры [1, с. 105].

Первым контактом между корейцами и канадскими протестантскими миссионерами следует считать прибытие в Корею в 1888г. группы независимых канадцев, самым известным из которых был Дж. Гейл. Гейл был самым важным из протестантских миссионеров, работавших в Корее на рубеже веков [14, с. 83]. Помимо протестантских миссионеров в Корею прибывали медицинские работники. Первым был доктор Р.А. Харди, прибывший от Университета Торонто. В 1890г. он отправился в Вонсан чтобы открыть станцию для Северной пресвитерианской миссии, доктор Харди поселился здесь и служил медицинским миссионером до 1898 года [13, с. 265].

В Канаде многие врачи работали в тесном союзе или под руководством церкви. Одним из таких был Уильям Джеймс Холл – медицинский и религиозный миссионер, работавший в Корее в 1890-х годах. Холл родился в Глен-Бьюэлле в провинции Онтарио. Получив образование преподавателя, он отправился в Нью-Йорк в 1887 году, где он окончил медицинскую школу при медицинском колледже больницы Бельвью в 1889 году [5, с. 64-65]. Холл был назначен медицинским суперинтендантом в Медицинской миссии на Мэдисон-стрит, которая находилась в ведении Методистской епископальной церкви.

Его официальное назначение на миссионерскую службу в Корею произошло 19 сентября 1891 года. Как позже отмечал Холл, это было более поздним призывом «от Канадского миссионерского совета и от Небес наверху». 19 ноября 1891 Холл отправился прибыл в Сеул в декабре 1891 года [6, с. 86]. По прибытии он работал в Сеуле в течение четырех месяцев до своего отъезда во внутренние районы Кореи.

Своими впечатлениями Холл делился в канадском методистском журнале «Христиан Гардиан», который был основан в Верхней Канаде в 1829 году. Тематика журнала, исходя из названия, носила религиозный характер [11]. Статьи и заметки прямо или косвенно касались новостей протестантского мира, сюда входили сообщения о жизни обычных прихожан и видных деятелей Методистской церкви. Помимо этого, в журнале читателей знакомили с событиями, которые происходили в мире в

данный период [3, с. 66]. Так, работа канадских миссионеров в Корее не могла не остаться не замеченной. Поэтому новость о том, что Дж. Холл, который был членом Методистской епископальной церкви, начал свою работу в далекой Корее сразу попала на страницы журнала.

В августе 1892 года он был направлен в миссию в Пхеньян, и чтобы работать внутри страны, Холл должен был пройти 700 миль с другими миссионерами до предполагаемой станции, однако несмотря на тяжелый путь, он оставался верным своему делу: «Испытания, лишения, опасности и трудности, с которыми сталкивается жизнь миссионера, кажутся ничем по сравнению с радостью спасения заблудших» [2, с. 3].

Дж. Холл был первым миссионером, назначенным на исключительную работу вглубь страны: «До прошлого года мало что делалось за пределами портов, подпадающих под действие договора. Время от времени совершались визиты в глубь страны, но никто специально не был назначен для этой работы. В прошлом году на ежегодном собрании Миссии я был первым протестантским миссионером, назначенным для исключительной работы на юге Кореи» [7, с. 707]. Во время своего трехлетнего пребывания в Корее Холл значительно расширил методистскую миссию, обеспечивал уход за корейскими солдатами и жителями Пхеньяна во время Первой китайско-японской войны [5, с. 122-123].

Во время своей последней поездки по пхеньянской трассе Холл лечил многочисленные военные травмы. Однако он заразился малярией и был вынужден вернуться в Сеул. По возвращении он заразился тифом на японском транспорте, когда ухаживал за ранеными. Он умер от тифа 24 ноября 1894 года, после возвращения в Сеул [5, с. 370].

Другим канадским миссионером-медиком был Оливер Р. Эйвисон, который более четырёх десятилетий распространял западные медицинские знания в Корее в период позднего Чосона и японского колониализма. Опыт миссионерского служения Эйвисона был вдохновлен главным образом его отношениями с Горацием Андервудом, его образцом для подражания, и

восхищением им. Андервуд был первым американским пресвитерианским миссионером, работавшим в Корее в 1885 году.

Ависон считал, что распространение любви к Богу лучше всего достигается с помощью образовательных миссий наряду с медицинскими. И Совет иностранных миссий пресвитерианской организации в Нью-Йорке искал подходящего человека для поездки в Корею в качестве медицинского миссионера и, в конечном счете, для того, чтобы возглавить там больницу. Благодаря содействию Андервуда, которым так восхищался Эйвисон, к 1893 году он был назначен официальным медицинским миссионером в Корее [9].

Каналом сообщений о начале работы Р. Эйвисона на полуострове являлась газета «Альмонт Газет». Она была неотъемлемой частью истории города Альмонт в провинции Онтарио, Канада. «Альмонт Газет» является богатым источником об общественной жизни, социальной и религиозной сферах в этом районе, а также о жизни известных выходцах Альмонта [11]. Таким и являлся Оливер Эйвисон. В детстве он с семьей поселился здесь, окончил школу, и даже какое-то время помогал редактору этой газеты [10, с. 188]. Поэтому о том, что Эйвисон отправился в Корею, редакция узнала сразу, и ему даже выделили собственную колонку «Письма из Кореи», где он делился новостями, проблемами и достижениями. Одной из таких являлась весть о том, что Эйвисон занял пост главы больницы: «Итак, в прошлом месяце состоялось ежегодное собрание Миссии, и таким образом, наша судьба была решена. Я был назначен главой Государственной больницы, и 1 ноября [1893] я начал там работать» [8].

По прибытии Ависона в Сеул он был очень огорчен плохим состоянием корейской системы здравоохранения, а именно отсутствием медицинской осведомленности среди населения: «Я пока не буду много говорить об этом. За исключением того, что она [больница] находится в самом плачевном состоянии, и я ожидаю, что приложу все усилия, чтобы вернуть ей полезное состояние» [8]. Причины такого положения Эйвисон искал в пережитках корейского традиционного прошлого. В то время

существовало большое расхождение в знаниях о причинах болезней, так как были широко распространены суеверия [14].

По словам Эйвисона, корейские обычаи управляют жизнью всех людей до такой степени, что они скорее умрут, чем сделают что-либо противоречащее обычаям. И предполагается, что эти обычаи не должны меняться. «Самым большим и глубоко укоренившимся предрассудком в умах этих людей является их поклонение своим предкам. <...> Это одно из величайших препятствий на пути привития христианства» [8].

Однако несмотря сложившуюся ситуацию, Эйвисон продолжал верить, что Корея сможет встать на христианский путь, и благодаря миссионерам и медикам страна сможет модернизироваться: «Корейцы еще не совсем прислушались к учению Евангелия, но все миссионеры думают, что они пробуждаются. Возможно, война [японо-китайская] открыла им глаза на грехи их нации. Мы молим Бога, чтобы их сердца открылись для принятия истины, чтобы мы могли ожидать великих свершений» [4].

Эйвисон считается основателем западной медицины в Корее. Он основал больницу Северанс, которая заложила основы современной медицины в Корее, и благодаря усилиям Эйвисона здесь появилось много врачей и медсестер и улучшилось медицинское обслуживание. А предоставление медицинского образования местному населению через больницу было исключительно революционным. Больница Северанс считалась «штаб-квартирой» медицины в Корее [10, с. 189].

Официальная миссия Канады в Корее открылась в 1898г., этому предшествовало много событий, произошедших в Корее. Однако стоит взять во внимание факт, что информация, которая публиковалась в местных канадских газетах о делах миссионеров в Корее, сыграла немаловажную роль в решении высших кругов Канады отправить в Корею официальных представителей. Помимо этого, истории миссионеров, которые публиковались на страницах газет и журналов знакомили канадцев с доселе неизвестной им стране, а также популяризировали профессию миссионера.

Список источников и литературы

1. «Seven new missionaries» / The Knox College monthly and Presbyterian magazine: [Vol. 10, no. 2 (June 1889) / Library and Archives Canada.
2. A trip through Korea // Christian Guardian 1892 09.07. Vol. LXIII. No. 36.
3. Affairs in Japan and Korea // Christian Guardian 1889 01.30 Vol. LX. No. 5.
4. From Korea // The Almonte Gazette, 22.03.1895.
5. Hall, S. The Life of Rev. William James Hall. New York: Press of Eaton & Mains, 1897. 438 p.
6. Hall, S. With stethoscope in Asia: Korea / Korean. Ed. Kim Don Yeol. Seoul, 2003. 751 p.
7. Letter from Korea // Christian Guardian 1893 11.08. Vol. LXIV. No. 45.
8. Letter from Korea // The Almonte Gazette, 12.01.1894.
9. Rhodes, H. History of the Korea mission, Presbyterian Church, U.S.A.: 1884-1934 / Mission Presbyterian Church U.S.A. Seoul, 1934. 896 p.
10. Ryue, Sook-hee., Yang, Eun Bae. Medical Professionalism Development of Oliver R. Avison / Korean Journal of Medical Education 2009; 21(2): 185-193.
11. The Almonte Gazette / Mississippi Valley Textile Museum [Electronic resource] <https://mvtm.ca/mvt2/the-almonte-gazette/> (20.03.2023)
12. Withrow, W. H. Methodist Literature and Methodist Sunday-schools [Electronic resource] URL: <http://www.electriccanadian.com/Religion/methodism/chapter11.htm> (20.03.2023)
13. Yoo, Young-sik. The impact of Canadian missionaries in Korea: A historical survey of early Canadian mission work, 1888-1898 / Ph.D. Dissertation. Canada: University of Toronto, 1996. 499 p.
14. Ким Г.Н. История религий Кореи [Электронный ресурс]. Алматы, 2001. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ghjt6rtf.shtml (20.03.2023)
15. Хатанзейская, В.В. «Канадская протестантская миссия Дж. Гейла в Корею: между прозелитизмом и накоплением знаний о Востоке // Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности: сборник научных статей / сост. О.В. Зарецкая; Сев. (Арктич.) федер. Ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2022. – Вып. VI. – С. 81-89.

Мемуары капитана О'Брайена как источник имагологического исследования

Ключевые слова: Наполеоновские войны, мемуары, Донат Хенси О'Брайен, военно-историческая антропология, военный плен

В 90-е годы XX в. в изучении военной истории произошел так называемый «антропологический поворот». Известный франковед А. В. Гладышев определяет его как появление нового дисциплинарного направления, объектом изучения которого становились не столько даже военные действия, сколько всё, что связано с поведением на войне людей, военных и гражданских, в том числе за «кромкой поля боя» [1; 2].

Одна из самых важных и актуальных составляющих военной антропологии — имагология: изучение взаимных представлений противников друг о друге. К числу наиболее широко используемых источников для таких исследований относятся личные воспоминания участников событий. Хотя в плане изложения фактов к мемуарам нужно относиться с большой осторожностью, при изучении взаимных представлений они имеют несомненную ценность. Работая над мемуарами годы спустя, человек может забыть те или иные фактические детали, но едва ли забудет какие эмоции испытывал в определенный момент. В своем докладе я попытаюсь показать это на конкретном примере, рассмотрев, как взаимные представления французов и англичан в период Наполеоновских войн нашли отражение в мемуарах британского капитана О'Брайена, проведенного в французском плену 5 лет.

Донат Хенчи О'Брайен, был выходцем из Ирландии, сыном капитана Королевского флота. Поступив на службу в качестве рядового матроса в 1796 г. в возрасте 11 лет, он в 1799 г. участвовал в англо-русском вторжении в Голландию, а уже в 1801 получил звание лейтенанта. В феврале 1804 г. О'Брайен попал в плен к французам. Начиная с 1807 г. он предпринял три попытки побега, но только на третий раз преуспел, благодаря чему в 1809 г. вернулся к службе на британском флоте. Свой

опыт пребывания во французском плену и последующих попыток освобождения он описал в двухтомном сочинении, изданном в 1814 г. и переизданном в 1839 г., на которое я и опираюсь в данной работе [3].

Свой рассказ О'Брайен начинает с описания обстоятельств попадания во французский плен и дальнейшего перемещения к месту заключения. В начале февраля 1804 г. его корабль наткнулся на риф у берегов Франции и затонул. Английские моряки высадились на островок, где располагалось маленькое рыбацкое поселение, изъяли у рыбаков лодки, чтобы добраться до Англии, но из-за шторма не смогли этого сделать и вынуждены были сдаться в плен. От Бреста до места заключения в Вердене пленники отправились пешком в сопровождении конвоя французских солдат.

Уже с первых дней своего пребывания на французской земле О'Брайен заметил, что простые французы враждебно относятся к англичанам и не питают ни малейшего сострадания к пленникам, несмотря на всю тяжесть их положения. Более того, они все время старались нажиться за счет этих несчастных. О'Брайен пишет: «После долгого перехода мы прибыли в какую-то деревушку, где остановились на ночь. Она была чрезвычайно бедной и маленькой, но жители требовали двойную цену за каждую вещь. Тогда-то я и обнаружил, что это весьма распространено по всей Франции» [3, vol. 1, p. 32].

При этом французы, ничуть не стесняясь в выражениях, откровенно демонстрировали свое отношение к этим «чертовым англичанам», которых они явно не считали людьми, заслуживающими человеческого обращения. Капитан так описывает одну из подобных ситуаций: «Нам было очень трудно попасть на какой-либо из постоянных дворов, а еще труднее раздобыть какое-либо пропитание. После жалобы хозяину двора на скудный ужин, который он нам предоставил, и на очень высокую цену за него, он назвал нас “английскими собаками” и сказал, что мы должны быть рады получить хоть что-то, и что только благодаря [сопровождавшему нас] офицеру он не поместил нас в конюшню или в какое-нибудь другое место,

более подходящее для таких скотов, чем постоянный двор. Будь его воля, он бы угостил нас так, как того заслуживают собаки» [3, vol. 1, p. 36].

Иногда пленным казалось, что с ними действительно обращаются как с собаками. В местечке близ Руана хозяйка дома, где они остановились, придумала хитрый способ поживиться за счет и без того несчастных англичан. Она приготовила офицерам мясо, после чего слила подливку из-под него в кипящую воду, добавила туда соли с перцем и принялась продавать это подобие супа простым матросам по непомерной цене.

Столь же грубое и корыстное отношение к себе пленники встречали не только в частных домах. Так, остановившись в гостинице на сутки, они столкнулись с проявлением открытой ненависти со стороны ее владельца. О'Брайен описывает его как «законченного негодяя», который использовал любую возможность, чтобы оскорблять своих вынужденных постояльцев. Наутро он выставил им гигантский счет без каких-либо объяснений. На все их жалобы о невозможности заплатить такие деньги и об ограниченности денежных ресурсов владелец наотрез отказывался отвечать, настаивая на оплате и продолжая сыпать бесчисленными оскорблениями.

Казалось бы, куда хуже? Однако трудности коммуникации между пленниками и местными жителям этим не ограничивались, а напротив, порою доходили до абсурда. Остановившись в очередной раз на отдых, англичане за ужином обнаружили, что к столу им поданы только используемые при готовке большие ложки, которыми очень неудобно есть. По их просьбе хозяйка всё же выдала набор серебряных ложечек. Какого же было их удивление, когда в конце трапезы англичане увидели в выставленном им счете еще по одному пенни за каждый прибор. Даже сопровождавший пленников французский офицер не понял, как такое возможно. Однако на его вопрос старая женщина невозмутимо ответила: «Видите ли, эти англичане такие привередливые, что не могут есть так, как другие люди. Эти ложки не вынимались из моего сундука уже несколько лет; и я полна решимости взыскать с них за те хлопоты, которые они мне причинили» [3, vol. 1, p. 42].

В отличие от гражданских, откровенно выражавших свою неприязнь к англичанам и пытавшихся их обобрать, французские офицеры, приставленные следить за пленниками, относились к ним с уважением и даже неким сочувствием. Они, отмечает капитан, проявляли вежливость, «которая когда-то была свойственна их стране».

Описывая свой повседневный быт в плену, О'Брайен вспоминает, что главным развлечением для него в Вердене были прогулки вдоль руин крепостных стен. Пленные англичане часто встречались с французскими армейскими офицерами, «которые всегда вели себя со строжайшей вежливостью» и звали присоединиться к игре в бильярд, на что всегда получали отказ [3, vol. 1, p. 85-86].

Иногда проблемы в личном общении возникали из-за различия культур представителей обеих стран. Так, у главного героя и его товарищей по несчастью как-то произошел такой курьезный случай: «Во второй половине июня комендант сильно переменился [в отношении к нам] и стал держаться весьма отстраненно. Мы не могли понять причину столь внезапной перемены. Но мистер Брэдшоу сообщил нам, что комендант однажды заметил ему: английские офицеры (так он любезно назвал нас) чрезмерно горды. “Я не знаком ни с одним из них, – сказал он, – но я [при встрече] снимаю шляпу, в то время как они только приподнимают свои”. Мы признали, что это так, но были лучшего мнения о нем для того, чтобы предположить, что такой пустяковый вопрос мог вызвать столь сильные перемены в его поведении» [3, vol. 1, p. 83].

Как видим, восприятие английских военнопленных гражданскими лицами и офицерами значительно разнилось. Очевидно, военные проявляли значительно большую терпимость, понимая, что в силу переменчивости удачи на войне и сами могут однажды оказаться в таком же положении. Что же касается гражданских, отзывавшихся с таким отвращением об «английских собаках», то смогли бы они отличить представителя этой нации, если бы англичанин, сбежавший из плена, прикинулся французом-призывником?

Совершая свой поистине отчаянный побег, О'Брайен и его товарищи решили, что во время передвижения по стране они будут представляться французскими новобранцами, идущими на войну. И вот тут, как по взмаху волшебной палочки, еще вчера враждебные и наглые местные жители превратились в сущих ангелов, полных сочувствия и желания помочь. Некоторые владельцы домов и трактиров, где останавливались беглецы, отказывались брать с них плату. Другие предоставляли наилучшие условия для размещения и подавали им даже те яства, которыми и сами в больших количествах не обладали. В одной из таверн, где останавливались мнимые новобранцы, крестьяне и их жены настаивали на том, чтобы они взяли что-нибудь из теплой одежды в дорогу, а хозяева таверны обеспечили возможность высушить одежду у камина и с комфортом переночевать. Такие условия, несмотря на все тягости их «путешествия»: скудные ужины, жилища не самого хорошего качества за чрезмерно большую плату, постоянные грубость и язвительность, - были воистину королевскими. Но жизнь на то и жизнь, что счастливый исход здесь случается гораздо реже, чем несчастливый. Вот и О'Брайен с друзьями угодили снова в руки французских солдат.

Теперь уже и французские военные, вежливость которых ранее удивляла даже англичан, стали относиться к ним даже с большим презрением, чем ранее все гражданские вместе взятые. Столь дерзкое, в их понимании, бегство и последующее передвижение по стране без каких-либо документов давало основание отдать несчастных скитальцев под суд как шпионов, которые не заслуживают жизни.

Впоследствии О'Брайен и его товарищи предприняли еще одну попытку побега, но только ему удалось пробыть на свободе больше нескольких часов. Добравшись до Страсбурга, капитан снова оказался пленен, причем солдаты обращались с ним весьма жестоко: «Затем они обыскали меня, забрали всю мою одежду, несколько серебряных монет, которые нашли при мне, нож, бритву и т.д., сказав, что я смогу вернуть их себе в свое время. Я убедил их оставить мне панталоны, а так как от рубашки остались только воротник и рукава, я не боялся, что меня лишат

возможности сохранить и ее. Я попросил их объяснить причину такого жестокого обращения со мной. Они сказали, что таков обычай их страны, и они хотят предотвратить мое повторное бегство. Затем солдаты заперли меня и удалились. Теперь я с невыразимой скорбью и печалью стал размышлять о своей несчастной судьбе» [3, vol. 1, p. 369].

Но здесь, в Эльзасе, в отличие от Северной и Северо-Восточной Франции, где капитан находился ранее, некоторые местные жители сочувствовали его судьбе и пытались хоть как-то смягчить те суровые условия, в которые его поместили французские солдаты. Так, жена коменданта тюрьмы, где О'Брайен пребывал в первое после поимки время, искренне сочувствовала его судьбе и старалась обращаться с ним как можно лучше, несмотря на все запреты, которые она считала бесчеловечными. На время обратной дороги капитана заковали в тяжелые кандалы, в том числе надев цепь и на шею, чтобы предотвратить любую возможность его побега. Эта конструкция была настолько тяжелой и неудобной, что стирала ему кожу до крови. Его товарищами по несчастью оказались несколько человек родом с Корсики, однако даже с ними обращались лучше. Во время остановки на ночлег корсиканцам позволяли выйти и приобрести еду, в то время как «проклятому англичанину» с трудом удалось раздобыть скудное пропитание, которое ему продали вдвое дороже и подали через маленькое вентиляционное отверстие в двери камеры.

Прибыв к месту своего постоянного заключения, капитан увидел, в какие поистине нечеловеческие условия помещены те его собраты и друзья, которым не удалось убежать так далеко, как ему: «Они сидели на найденной ими двери, которая служила им платформой, отделяющей от экскрементов и грязи на полу <...> Я спросил своих спутников, неужели им никогда не разрешают дышать свежим воздухом? Они ответили, что никогда не пользовались такой милостью».

Условия содержания были действительно кошмарными: многие заболели, оставались надолго прикованными к постели и в конце концов умирали, так и не выйдя на свободу. После прибытия О'Брайена он и его

товарищи обратились к коменданту, и им разрешили прогулки на свежем воздухе с одиннадцати утра до часа дня. Несмотря на это, пленные англичане, живя в такой грязи, чувствовали себя хуже свиней. За взятки они смогли добыть бренди и табак, однако это слабо помогало заглушить тошнотворный запах, а руководство тюрьмы не считало нужным что-либо с этим сделать. К тому же теперь за любое нарушение, в особенности побег, пленным грозили отправкой на галеры или расстрелом. К пленникам относились с большим подозрением и бдительностью, зная об их прошлом опыте бегства.

Но даже такие строгие меры не сломили англичан и не лишили их решимости бежать из ненавистой «страны тиранов». После долгой и тщательной подготовки капитан и некоторые его товарищи смогли совершить, казалось бы, невозможное — выбраться из столь охраняемой тюрьмы и не быть пойманными. Эта попытка побега оказалась самой сложной из всех: К тому времени О'Брайен и его товарищи обрели своего рода известность, как «заядлые рецидивисты», и французские власти активно информировали местное население о вознаграждении за поимку столь опасных «преступников». Скрываться им становилось все труднее. Вздохнуть спокойно англичане смогли, только добравшись до австрийского города Зальцбург. Австрийское правительство постаралось помочь сбежавшим из французского плена, предоставив страдальцам документы, деньги и что самое главное — возможность вернуться на Родину [3, vol. 2, p. 145].

Таким образом на примере опыта капитана О'Брайена мы можем видеть, что при отсутствии в то время четко определенного международно-правового статуса военнопленных, отношение французов к пленным англичанам могло колебаться весьма существенно в зависимости от того, с каким слоем населения тем приходилось иметь дело, и от ситуации, в которой это происходило. Если французские военные изначально относились к пленникам с *большим* сочувствием, чем гражданские лица, то в дальнейшем на их отношение к англичанам повлияли попытки побегов, что привело к потере доверия и эмпатии к пленным со стороны

французских солдат. В целом же, несмотря на некоторые случаи проявления сострадания к судьбе пленников, особенно среди жителей Эльзаса, большая часть населения Франции относилась к ним весьма враждебно, грубо и без всякого уважения, что по факту существенно усугубляло и без того трудные условия пребывания англичан в плену.

Список источников и литературы

1. Гладышев А.В. 1814 год. «Варвары Севера имеют честь приветствовать французов». М.: Политическая энциклопедия, 2019. - 407 с.
2. Гладышев А. В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник. – 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. С. 10-21.
3. O'Brien D.H. My adventures during the late war comprising a narrative of shipwreck, captivity, escapes from French prisons, etc. from 1804 to 1827. London: Henry Colburn, 1839. In 2 vol.

СЕКЦИЯ II. ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Е.Д. Нистратова

Формирование образа Парагвайской войны 1864–1870 гг. в бразильской академической батальной живописи

Ключевые слова: визуальный источник, батальная живопись, Парагвайская война, Бразилия

Признание визуального источника в качестве самостоятельного произошло в результате визуального поворота, коснувшегося целого ряда гуманитарных дисциплин, что существенно расширило возможности исторического исследования, но вместе с тем обусловило возникновение ряда методологических проблем. Процесс его изучения предполагает применение методов, характерных для работы с письменными источниками. Однако обработка информации, которую включает в себе визуальный источник, поднимает методологическую проблему его «прочтения»: перевода визуальных образов в вербальные [1, с. 59]. Задача исследователя – путем поэтапного анализа визуальной информации выявить внутреннее содержание предмета и транслировать в текстовой форме заключенный в нем смысл, что отвечает теории интерпретации Э. Бетти [3, с. 87–88].

В первую очередь необходимо обратиться к историческому контексту создания визуального источника, что является основой для его дальнейшей интерпретации. При изучении контекста, в котором находится автор, а также произведение отдельно от его личности, следует обратить особое внимание на условия и мотивы создания изображения, агентские отношения, связанные с ним: кто является заказчиком произведения изобразительного искусства или иного зрительного источника информации, где оно экспонировалось. В определенных случаях не менее важно выяснить, как объект исследования был воспринят публикой и как отношение к нему менялось со временем, для чего необходимо

проанализировать соответствующую критику в периодических изданиях, что придает работе с письменными источниками фундаментальное значение.

Вслед за этим необходимо подвергнуть анализу непосредственно содержание визуального источника. На данном этапе исследования особо значимым становится междисциплинарный подход, выражающийся в использовании методологии искусствознания, в частности, иконологического метода искусствоведческого анализа произведений, разработанного Э. Панофски. Интерпретация визуального источника с опорой на данный метод позволяет историку вычленить содержание изобразительного источника из его формы. Иконологический метод предполагает трехуровневое изучение произведения искусства: пред-иконографическое описание, иконографический анализ и иконологическую интерпретацию, выявляющую внутреннее значение произведения. Иконологический анализ как таковой находится в междисциплинарном поле, поскольку он предусматривает глубокое изучение исследователем исторического контекста, в котором находится произведение искусства [2, с. 30–44].

К теме визуальных образов Парагвайской войны (1864–1870), крупнейшего вооруженного конфликта XIX в. на территории Латинской Америки, обращаются исследователи различных гуманитарных специальностей, поскольку это позволяет изучить интересующие их аспекты общественных отношений, художественные тенденции или получить дополнительные исторические сведения. Война союза Бразильской Империи, Аргентины и Уругвая против Парагвая привела к разрушительным последствиям, в особенности для Парагвая, потерявшего по разным оценкам до 69% населения [11, с. 185]. Спектр визуальных источников по данной теме включает в себя комплекс изображений в иллюстрированной прессе стран альянса и в менее разнообразной периодике Парагвая, а также батальные картины, созданные по заказу правительств стран-победителей. Вторая группа изображений интересна тем, что позволяет выявить, какие смыслы желали отразить заказчики в

произведениях академической живописи. Искусство Бразильской империи представляет в этом вопросе наибольший интерес, поскольку активно использовалось властями с вышеуказанной целью в весьма неоднозначном политическом контексте: оккупации побежденного Парагвая бразильскими войсками, длившейся до 1876 г.

Академическая школа живописи в Бразилии была формализована учреждением, находившимся под протекторатом монарха – Императорской Академией изящных искусств, задачей которой была, в том числе, трансляция национальных идей и символов молодого государства. Картины Виктора Мейрельеса были заказаны Военно-морским министерством Бразилии, обеспечившим его безопасность в экспедиции в Парагвай для изучения ландшафта и создания этюдов [10, с. 364]. Эдуардо де Мартино также был приглашен в Парагвай бразильскими адмиралами, а позже получил титул Официального художника Империи и стал членом-корреспондентом Императорской Академии изящных искусств [5, с. 155]. Педру Америку, профессор Академии, создал ряд работ, посвященных Парагвайской войне, которые были куплены правительством. Картины этих художников с 1872 г. экспонировались на выставках в Рио-де-Жанейро и освещались в прессе.

Полотна В. Мейрельеса и Э. де Мартино изображают победоносные для бразильского флота сражения: битву при Риачуэло, прорыв у крепости Умайта, бомбардировку Курусу и др. Главным героем на картинах становится бразильский флот, который по сравнению с парагвайским выглядит несокрушимым. Пароходы, трубы которых извергают дым, являющийся частью композиции полотен, символизируют технологический потенциал Бразилии как прогрессивной державы. Бразильское войско представляет собой организованную группу людей, движение парагвайцев напротив хаотично, они часто изображены обнаженными. Живописцы намеренно создают образ дикарей, незнакомых с цивилизацией, с которой парагвайцы столкнулись в лице бразильцев.

Батальные картины Педру Америку посвящены эпизодам сухопутных сражений. На одной из них изображена битва при Кампо-

Гранде, которую также называют *Batalla de los Niños*, поскольку часть парагвайского войска, уступавшего по численности армии союзников, составляли дети [12, с. 370]. Но эта нелюбимая для Бразилии трагическая сторона сражения была проигнорирована автором: он писал картину с целью продать ее императорской семье, а не критиковать действия армии. Изображение на пятиметровом полотне бразильцев, стреляющих в парагвайских детей, вызвало бы лишь обострение споров в бразильском обществе, чья оценка конфликта и последующей оккупации Парагвая не всегда была в пользу правительства. На картине «*Batalha do Campo Grande*» парагвайцы выглядят звероподобными полуобнаженными существами, которых топчет бразильская кавалерия под командованием Г. Орлеанского, рвущегося в бой. Парагвайцы вновь представлены варварами, сопротивляющимися людям «цивилизации».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правительство Бразилии формировало национальную иконографию, опираясь на Императорскую Академию изящных искусств. Причастные к ней бразильские художники создали образ Парагвайской войны, декларирующий идею борьбы «цивилизации» с «варварством», где Бразилия выступает не агрессором, а страной, выполняющей культурную миссию. Бразильская Империя выступает державой прогресса и технологий, доминирующей над «отсталым» Парагваем. Изображая победоносные для союзников сражения, кроме героизма солдат и национального единства, живописцы подчеркивали их «европейскость» и принадлежность к цивилизованному миру.

Список литературы

1. Мазур Л.Н. Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу. // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки. Сб. ст. М., 2019. С. 52–62.
2. Панофский Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб, 2009.

3. Россиус Ю.Г. О теории интерпретации Э. Бетти. // История философии. 2012. №17. С. 83–89.
4. Américo P. Batalha do Campo Grande, 1871 [Электронный ресурс] URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Batalha_de_Campo_Grande_1871_b.jpg#/media/File:Batalha_de_Campo_Grande_1871_b.jpg(14.04.2023).
5. Codeseira del Castillo C. Eduardo Federico de Martino (1838–1912) Pintor oficial de dos imperios. // Revista Cruz de Sur. 2016. №6. P. 153–176.
6. Martino E. Bombardeio de Curuzú, c. 1870 [Электронный ресурс] URL:<https://artsandculture.google.com/asset/bombardeio-de-curuzu-edoardo-de-martino/fAG2Gas8Jlow6w?hl=pt-BR>(13.04.2023).
7. Martino E. Combate Naval do Riachuelo, 1870 [Электронный ресурс] URL:<https://artsandculture.google.com/asset/combate-naval-do-riachuelo-edoardo-de-martino/yAENwGTgQrC04A?hl=pt-BR>(13.04.2023).
8. Meirelles V. Combate Naval do Riachuelo, 1883 [Электронный ресурс] URL:<https://artsandculture.google.com/asset/batalha-naval-do-riachuelo-vitor-meirelles/zgHFE2pIiIWafw?hl=pt-BR>(11.04.2023).
9. Meirelles V. Passagem do Humaitá, c. 1868–1872 [Электронный ресурс] URL:<https://museuvictormeirelles.museus.gov.br/wpcontent/uploads/2015/08/estudo-humaita.jpg>(11.04.2023).
10. Stumpf L. K. Fragmentos de guerra: Imagens e visualidades da guerra contra o Paraguai (1865–1881). São Paulo, 2019.
11. Whigham T., Potthast B. The Paraguayan Rosetta Stone: New Insights into the Demographics of the Paraguayan War, 1864–1870 // Latin American Research Review. 1999. Vol. 34. No. 1. P. 174–186.
12. Whigham T. The road to Armageddon: Paraguay versus the Triple Alliance, 1866–70. Calgary, 2017.

**Историография советской плакатной живописи 2000-2021 гг. как
исторический источник**

Ключевые слова: историография, советская пропаганда, плакатная живопись

Источники по истории советской пропаганды на сегодняшний день представлены не только живыми свидетельствами того времени (плакатная живопись, источники личного происхождения и т.д.), к их числу также можно отнести современные научные статьи отечественных исследователей. «Научные исследования относятся к виду письменных источников, чаще всего встречающихся в профессиональных журналах» [1, с. 49]. Как и любой другой текст, современные статьи могут использоваться как исторический источник, но в этом случае нужно учитывать несколько факторов. Во-первых, статья должна быть написана компетентным автором, который обладает достаточными знаниями и опытом по данной теме, это позволяет говорить об определенной точности и достоверности представленной информации. Во-вторых, в статье должны иметься ссылки на источники, используемые автором. В-третьих, в статье должна содержаться конкретная историческая информация по исследуемой теме. Как источник исторической информации, в том числе о советской пропаганде, научные статьи могут дать общее представление о событиях или тенденциях прошлого, но должны быть подвергнуты критическому анализу и проверке на достоверность, например путем сопоставления с первоисточниками такими как плакаты.

Плакатная живопись как один из видов искусства окончательно сформировалась в XX веке. Это было связано с появлением возможности создания текстов и изображений, хотя бы малыми тиражами [1, с. 121]. Плакат как исторический источник отражает повседневную жизнь, исторические события, определенную господствующую идеологию. Плакатная агитация являлась наиболее распространенным средством пропаганды в течении длительного времени. На протяжении всего XX века советская власть активно использовала плакаты для пропаганды власти и

идеологии с целью информационно-психологического воздействия на состояние массового и индивидуального сознания людей, вплоть до манипуляции значительными массами населения. С помощью внешних эмоционально выразительных, ярких художественных образов плакатная живопись позволяла лучше понять объект пропаганды.

Советская плакатная живопись в своих сюжетах отражала факторы, которые наиболее сильно повлияли на жизнь общества и ход истории. К их числу можно отнести боевые действия. Поэтому тема агитационных плакатов военного времени часто рассматривается в научных работах периода 2000-2021 годов.

В России в начале XX века агитационный плакат стал популярным еще во время Первой мировой войны и играл роль социальной рекламы, влиявшей на сознание широких слоев общества с целью формирования чувства патриотизма и долга перед Родиной через негативные образы врагов. Информация о плакатах Первой мировой войны представлена в статье Д.С. Шамец, которая отмечает, что одной из их целей был призыв к сбору средств для помощи войскам и раненым [3, с. 171]. Плакаты на тему жертвований нередко опирались на символические образы русских святых (например, Дмитрий Донской, Григорий Победоносец) и богатырей [3, с. 171]. Подтверждением данной точки зрения может стать плакат «Великий бой русского богатыря со змеей немецкой», на котором изображен сюжет русских сказок – битва добра и зла. В данном случае богатырь символизирует храбрый, честный русский народ, а плакат призывает людей к помощи русской армии.

Еще одним источником информации о советской пропаганде при помощи плакатной живописи является статья современного исследователя В. Чауса, где также описаны плакаты начала XX века. В исследовании показано возрастание роли плаката во время Гражданской войны, когда основной темой агитации была классовая борьба, а также представлена информация о существовавших образах, которые использовались для пропаганды и поддержки революционных идей и движений, таких как социализм и коммунизм [4]. В данный период выделяются такие элементы

композиции, присущие практически всем плакатам того времени, как сатирический образ пролетариата, знаки царской власти как отвергнутый образ России, использование образов значимых лидеров белого движения для формирования в сознании людей образа «злейших врагов». Таким образом, в плакатах начала XX века дореволюционные символы императорской власти отражали отвергнутый образ России, ее прежней политической истории и разрушившегося государственного строя. Символами старой несправедливой социальной структуры общества стали фигуры «генерала», «интеллигенции», «священника» и «кулака». Одним из примеров такого плаката является произведение В.И. Фридмана «Враг хочет захватить Москву...», где художник изображает человека в имперской короне, цепь, которая находится у него в руке, отражает рабские условия жизни обычных людей, вторая рука направлена на столицу, которой в это время угрожали силы белого движения. Другой пример – плакат В.Н. Денни «Мы, Божией милостью Колчак», где изображен А.В. Колчак на троне в окружении тех фигур, которые воплощали несправедливость жизни и «злейших врагов» рабочего класса, – кулака, буржуа и священника, в одной руке у правителя находится флаг с надписью «Расстрелять каждого десятого рабочего и крестьянина», в другой руке он держит бутылку с винным спиртом.

В статьях современных исследователей содержится важная информация также о Великой Отечественной войне и плакатах этого периода. В статье «Карикатура и плакат как жанр искусства в период Второй мировой войны» О.В. Кулешовой представлена информация о трансформации образов и направлений в плакатной живописи, динамике военных действий, изменениях в идейном настрое общества, о противоречиях в идейных направлениях СССР и Германии в период 1941-1945 гг. [5]. Из статей О.В. Закировой и Ф.Г. Миниханова можно сделать выводы о характерных для советского изобразительного искусства образах, символизирующих советско-германское противостояние. Один из важнейших образов «женщина-мать-Родина, воздействующая на чувства адресата» [6, с. 144]. В числе других образов выделяются змея (символ бед,

несчастья и зла), «безобразный немец», фашист-зверь, которые должны возбуждать ненависть к бесчеловечным деяниям врагов и резко резонировать с изображениями на том же плакате замученных женщин и детей [7]. Также в статьях дается информация о комичных плакатах, которые развенчивают притязания гитлеровцев на мировое господство, а сам фюрер изображен «шагающим под бой огромного бутафорского барабана, гордо выпятившим живот и в упоении задравшим голову или сидящим в царской мантии и короне; у него зловеще сдвинуты брови, задран нос, к которому пришпиlena надпись «Покорение мира»» [7, с. 34]. Информативная ценность данных научных статей заключается в том, что из них можно извлечь информацию о существовавших стереотипах, образах основных исторических событий, чувствах и настроениях народа, а также об основных характерные черты плакатной живописи на разных этапах войны.

Сопоставив полученную информацию с плакатами, можно увидеть, что в период Великой Отечественной войны образы национальной истории сменились на образы призывающие людей защищать Родину и помогать фронту. Так, например, на плакате «Родина-мать зовет!» (И.М. Тоидзе) центральным образом является изображение женщины, которая в одной руке держит присягу, а другой призывает следовать за ней. Данное изображение вызывает у зрителя ассоциацию Родины с матерью, которая вызывает эмоциональный отклик и призывает к действию. Плакаты призывали народ продвигаться на «запад» (плакат Леонида Голованова «Дойдем до Берлина!») и посвящались освобождению союзных республик (примером может стать плакат «Пусть живет и вечно процветает Советская воссоединенная Украинская земля, освобожденная Красной армией!» В. Мироненко), прототипами героев плаката становились уже реальные люди, воевавшие на линии фронта. Больше внимание уделялось изображению взаимоотношений СССР с союзниками. «Единство стран антигитлеровской коалиции изображалось скрещением трех штыков (с советской, английской и американской символикой соответственно), которые наносили смертельный удар по фашистской Германии, образ которой

обычно сводился к зооморфной фигуре фюрера» [5, с. 158]. Таким образом, в период Великой Отечественной войны центральное место в агитационной плакатной живописи занимает тема противостояния, – пропагандируются победа над фашизмом. Главной целью плаката становится формирование чувства патриотизма, уверенности в завтрашнем дне, пропаганда защиты и заботы государства о людях, создание сатирического образа фашиста, разоблачающего его истинные мотивы.

Еще одной важной темой современных научных статей стали плакаты периода «Холодной войны». В статье Е.А. Федосова «Начало холодной войны глазами советского плаката (на основе анализа материалов 1944-1953 гг.)» представлен анализ причин появления образов «разжигателей войны», смены ракурса плакатной пропаганды на идею о конфронтации на мировой арене и использование национальных стереотипов о капиталистическом западе с целью усиления патриотических чувств. В разгар «Холодной войны» пропаганда была направлена на возвышение и превосходство СССР над США. Образ врага приобрел американские черты. «В 1948 г. в советских плакатах начинается полномасштабная информационная холодная война в логике... - противостояние социализма и капитализма в рамках геополитического соперничества СССР и США, – о чем ясно свидетельствует появившийся образ символического Дяди Сэма, к отпору враждебным замыслам которого призывали лозунги» [8, с. 153]. В другой статье этого же исследователя представлена информация о фашизации образа врага. Данная черта присущая 1941-1945 гг. перенеслась и на образы пропагандистских плакатов нового противостояния «двух полярностей». В данный период в плакате выражена очень сильная поляризация «Мы-Они». Особенно таким нападкам подвергались Югославия, ФРГ и США [9]. Яркий пример – «Военные авантюры не сулят империалистам ничего иного, кроме катастрофы» (1950), где американский и Гитлеровский порядки сопоставляются, а оборванное знамя и испорченная каска предвещают такой же бесславный итог.

Таким образом, статьи отечественных исследователей, написанные в период с 2000 по 2021 годы, представляют собой ценный источник для изучения истории советской пропаганды, поскольку содержат информацию об исторических фактах, анализ источников и выводы, которые могут использоваться для реконструкции прошлого. Работы современных историков помогают выявить механизмы формирования общественного мнения и контроля над сознанием людей в период СССР, проанализировать стиль и технику создания плакатов, а также дать оценку их эффективности и социальной значимости. Более того, статьи предоставляют доступ к современным научным подходам и методам, которые помогают анализировать и интерпретировать исторические источники более точно и глубоко. Следовательно, научные статьи можно считать одним из источников информации о пропаганде в СССР, помогающим более подробно изучить этот период истории.

Список источников и литературы

1. Рынков, В. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. Рынков, М. – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44-50.
2. Сымонович, Ю.В. Плакат как средство социальной рекламы: его значение и принципы выразительности // Труды БГТУ. Серия 4: принт – и медиатехнологии. – 2018. – № 1(207). – С. 120-124.
3. Шамец Д.С. Плакат как средство социальной рекламы в первой половине XX века // Омский научный вестник. – 2004. – № 1 (26) – С. 170-174.
4. Чаус, Н.В. Советские плакаты 1917-1920 гг. Основное средство пропаганды социалистической идеологии // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 6. – С. 220-223.
5. Кулешова О. В. Карикатура и плакат как жанр искусства в период Второй мировой войны // Вестник культурологии. – 2020. – № 4 (95). – С. 150-169.

6. Закирова О.В. Национально-культурные особенности структурно-семантического наполнения плаката Второй мировой войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – №1 (124). – С. 143-147.

7. Миниханов Ф.Г. Плакат в годы Великой Отечественной войны: характерные черты российских и германских традиций // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 3. – С. 33-35.

8. Федосов Е. А. Начало холодной войны глазами советского плаката (на основе анализа материалов 1944-1953 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 404. – С. 147-155.

9. Федосов Е. А. Фашизация образа врага в советской визуальной пропаганде начального периода холодной войны (1946-1964 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 418. – С. 163-171.

**Немецкая поэзия XIX века как источник по изучению
социальной и политической истории**

Ключевые слова: немецкая поэзия, интеллектуальная история, политические мифы, имагология

С исследовательской точки зрения поиск исторической информации в произведениях художественной литературы – подход не новый, однако, требующий должной рефлексии над современным своим состоянием. Художественные тексты сообщают ценную информацию как об исторических реалиях, когда содержат прямые свидетельства бытовой, социальной, культурной, экономической, политической жизни, так и косвенно свидетельствуют об интеллектуальном климате эпохи, о состоянии общественно-политической мысли. Цель настоящей статьи – представить на примере немецкой поэзии XIX века информационный потенциал художественной литературы в качестве источника по изучению социальной и политической истории, а также продемонстрировать современные методологические подходы к ее анализу.

Одним из главных предметов общественной дискуссии в Германских государствах позапрошлого столетия являлась идея создания единого немецкого национального государства. Можно сказать, что это столетие стало временем утверждения категории национального в коллективной идентичности большинства европейских обществ и совпало с политической институционализацией идеи национального государства как такового. XIX век оказался во многих смыслах определяющим в развитии немецкого национального движения и становления коллективной идентичности немцев. Поскольку лишь в 1871 году на карте Европы появилось единое национальное государство немцев – Германская империя. Закономерно, что «поиски» немцами общего Отечества, стремление стать единым политическим сообществом было одним из центральных сюжетов немецкой литературы XIX века.

Поэтому неудивительно, что в рамках исследования немецкой лирики XIX века важно обратиться к проблеме взаимодействия литературы и идеологии. Современные исследования идеологических практик опираются на богатый опыт их изучения учеными XX века от Карла Мангейма и марксистской традиции, постфрейдистской методологии Л.П. Альтюссера, продолженной отчасти Ф. Джеймсоном и С. Жижеком, до семиотических концепций К. Гирца и московско-тартусской школы [5, с. 16].

Особый интерес сегодня вызывает изучение интеллектуальной истории на материале поэзии в русле истории понятий (*Begriffsgeschichte*). Исходя из оценки трансформации ключевых социально-политических концептов, встречающихся в немецкой лирике (таких понятий как «отечество», «нация», «народ», «гражданин», «патриотизм», «равенство», «свобода», «власть», «революция»), можно сделать выводы и об эволюции общественных настроений в Германских государствах, изменении риторики политически ангажированных авторов. В исследовании социально-политического дискурса сегодня существенно помогают компьютерные методы обработки текстов. Анализ частотности встречаемости слов, контент-анализ, стилометрия, тематическое моделирование могут оказаться крайне ценными для исторического исследования поэзии.

Возвращаясь в проблеме изучения идеологии, нужно еще раз упомянуть К. Гирца, развившего идеи П. Рикера, о смыслообразующем значении метафоры в идеологических практиках. К. Гирц обобщил положение П. Рикера до тезиса об «образной» (фигуративной) природе идеологии [4, с. 33]. Из этой «образности» проистекает мысль о том, что художественная литература, и в особенности поэзия оказывается исключительно пригодна для упаковки идеологических конструкторов и мифологем.

Национальные символы, аллегории, мифологизированные события прошлого занимают заметное место во многих национальных поэтических традициях. Нередко они складываются в относительно целостную,

достаточно устойчивую, одновременно гибкую национальную мифологию. На немецком примере видно, как набор этих символов и образов трансформировался в инструмент политической борьбы, обретал особую значимость в качестве механизма интеграции национального сообщества, цементировал его общими ценностными представлениями и мыслительными конструктами, представленными в виде аллегорических персонификаций (дева Германия, немецкий Михель), героизированных исторических персон или современников (Герман, Фридрих Барбаросса, Мартин Лютер), национальных символов и атрибутов из сферы природы, искусства и повседневного быта (немецкий дуб, Рейн, Кёльнский собор) [1, с. 115].

Еще одна разновидность образов, широко представленная в немецкой поэзии – это национальные характеры и образы иностранцев, отношение к которым особенно в XIX веке зачастую обретает четко политическое звучание. Этот аспект темы имеет смысл рассматривать в перспективе имагологических исследований. Имагология, изучающая стереотипные образы нации, автостереотипные представления сообщества о себе и суждения о внешних группах, исследует вариации культурной универсалии «свой» – «чужой», свойственной всем человеческим коллективам. Образцовой фундаментальной работой по имагологии на русско-немецком материале стоит признать исследовательский проект под руководством Л. Копелева [2].

Политические и социальные идеи проявляют себя в художественной тексте и в том, как авторы работают с национальным прошлым. Поэтому еще одним методологическим подходом, который может оказаться важным для изучения социально-политических идей в немецкой поэзии – это история памяти. Артефактам прошлого, сохранившимся в коллективной памяти народа, французский исследователь П. Нора дал емкое наименование – «места памяти» [5, с. 17]. Они, являясь эмоционально заряженными фрагментами прошлого, могут служить на протяжении продолжительного времени, например, для мобилизации национальных чувств народа. На примере Германии это особенно заметно.

Подобный ракурс исследования позволяет поставить немаловажный вопрос о существовании в Германских государствах в XIX веке единого в своих базовых чертах исторического нарратива. А это в свою очередь дает основание делать выводы о связи исторической памяти с развитием социально-политических процессов в немецкоязычных странах.

Таким образом, на примере немецкой лирики видно, какие широкие возможности сегодня открыты для исследования художественной литературы в качестве исторического источника, при условии ее изучения в рамках целого комплекса кросс-дисциплинарных подходов, которые сочетают теоретические наработки исторической науки, культурологии, антропологии, литературоведения, филологии и лингвистики.

Список литературы

1. Speth R. Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert. Opladen 2000.
2. West-östliche Spiegelungen. Wuppertaler Projekt zur Erforschung deutsch-russischer Fremdenbilder. Reihe A: Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800—1871) / Hrsg. Mechthild Keller. München, 1992.
3. Гирц К. Идеология как культурная система // НЛЮ. 1998. № 29. С. 3-38.
4. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
5. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999, С. 17-50.

Неофициальное искусство в СССР. Проблемы интерпретации

Ключевые слова: Неофициальное искусство, андеграунд, другая культура, контркультура, источниковедение

Неофициальное искусство, как и любой другой продукт культуры, необходимо рассматривать в качестве очень ценного исторического ресурса, повествующего о жизни общества через призму художественного восприятия. «Неофициальное искусство», «андеграунд», «другая культура», все эти термины стали характеризовать целое направление в искусстве, которое возникло в послевоенный период в столицах и региональных центрах Советского Союза.

Исторический подход при рассмотрении любого вида источника предполагает определённую методологию в рамках внутренней и внешней критики. Неофициальное искусство как явление достаточно позднее обладает весьма большими возможностями с точки зрения источников (фото-, видео-, и фоно- материалы, заметки прессы и возможность интервьюирования участников событий). Однако специфика неофициального искусства накладывает свою проблематику на ряд этих источников.

Разделение на официальное и неофициальное искусство носит не только теоретический характер, но в том числе и практический характер, так как задаёт исследователю разные технологии работы с источниками. Принадлежность официального искусства к выставочным институциям предполагает, во-первых, достаточно длительную подготовку выставок, что естественно, сопровождается не только выставочными каталогами, но и большим количеством документов, дающих исследователю более комплексное представление об участниках процесса и работах, которые там выставляются. Во-вторых, предполагает больший интерес со стороны историков и искусствоведов, которые занимаются теоретическим обоснованием данных вопросов. Неофициальное искусство зачастую этого лишено. Поэтому база источников, посвященная альтернативному

искусству, обрывочная и неполная, теоретикам искусства это направление практически не было интересно, а сами художники не верили в то, что когда-либо их творчество сможет в полной мере предстать перед общественностью.

Лишь в 80-е годы художники, возможно, в какой-то степени осознав всю мимолётность своего искусства, создали обширный Московский архив нового искусства (МАНИ), где помимо самих произведений находятся и записи художников, статьи критиков, фотографии и т.д. Но такая инициатива предоставляется чуть ли ни единственной в неофициальном искусстве, в то время как андеграундное искусство в регионах вообще архивированию не поддавалось.

При этом неофициальное искусство часто носит событийный и стихийный характер, включая акции, хеппенинги и перформансы, которые сложно каталогизировать и архивировать, а в ситуации, когда под рукой зрителя не было камеры, единственный способ получить информацию есть только со слов участников данных событий и зрителей.

Например, события 15 сентября 1974 г. позже прозванные в СМИ как «бульдозерная выставка», которые иногда называют больше перформансом, нежели выставкой, вызвавшие интерес всего мира, а в дальнейшем и исследователей, и искусствоведов, всё равно не смогли сохранить имена огромного количества художников, которые принимали в них участие [3, с. 1-2]. Что говорить о региональном неофициальном искусстве, к которому было привлечено намного меньше внимания, и ряд источников, на которые можно опираться при работе с ним, намного меньше.

Главными приоритетными источниками при работе с неофициальным искусством выступают различного рода интервью с участниками событий. В целом устная история, как способ получения знания из устного источника, с XIX в. была практически полностью вытеснена из исторических исследований в пользу письменных источников, как более достоверных [6, с. 2]. В последнее время устные источники снова приобретают свою значимость в исторических

исследованиях, но относительно изучения неофициального искусства, их использование не просто отражение тенденций в источниковедении, а необходимость, обусловленная предметом исследования. При этом, помимо стандартных проблем, которые существуют при работе с устными источниками (проблем человеческой памяти, сложности во взаимодействии с интервьюируемыми и т.д.), ещё одним вопросом при работе с историей неофициального искусства является вопрос этики и взаимоотношения исследователя и художника. Теоретизирование андеграундного искусства многими современниками воспринимается как попытка вскрыть то, что в теоретическом обосновании и не нуждается. Художники отказываются от интервью, и неохотно идут на контакт.

Вторым из самых популярных источников при работе с неофициальным искусством является отечественные и зарубежные СМИ. Интерес западных журналистов до 1974 года носил достаточно выборочный и единичный характер. Некоторое количество художников продавались коллекционерам на западе, приезжали туда для организации выставок, но массовый интерес появился только после «бульдозерной выставки» 15 сентября 1974 г. И интерес к данному событию, как и к последующим, был вызван и опирался, в первую очередь, на политическую ситуацию вокруг художников, но сами работы, их эстетическая составляющая никогда не учитывались, это привело к огромной ошибке, которая иногда появляется и у современных исследователей, работающих с неофициальным искусством. Политический аспект, вокруг которого строится дискурс о неофициальном искусстве задаёт определённую антиправительственную и диссидентскую коннотацию абсолютно на всё неофициальное искусство. «Московские художники андеграунда не считают себя диссидентами, однако в связи с тем, что их присутствие отрицается властями, уже простое доказательство их существования, для них крайне желательное, является событием политического значения» [4, с. 35].

Как отмечает Хедрик Смит в статье «10 тысяч посетителей съехались в парк на выставку современного искусства» – выставка «имеет больше

политическое, чем эстетическое значение» [2, с. 73]. То есть, при исследовании неофициального искусства мы находимся в ситуации, когда работа со СМИ затрудняется самим характером объекта исследования. Интерес зарубежных СМИ, которые зачастую были политическими журналистами, а не журналистами в сфере искусства, говорит нам намного больше о контексте, в котором находились неофициальные художники, нежели о самих произведениях.

В это же время отечественные журналисты в столицах предпочитали игнорирование неофициального искусства или же негативное отношение к нему. В силу этого, работа и с этим видом источников затрудняется. Например, критик Рыбальченко в газете «Вечерняя Москва» в статье «Как рассеялся мираж» пишет: «Когда анализируешь большинство работ, невольно приходишь к выводу о духовном кризисе их авторов, или, вернее сказать, определенном их умысле, который продиктован враждебным отношением к действительности, к русской национальной культуре.» [5].

Таким образом, сама работа со СМИ, вне зависимости от того, отечественные это или зарубежные новостные издания, носили чрезмерно ангажированный характер, что обуславливает необходимость ещё более критического отношения к этому виду источников.

При работе с самими художественными работами, исследователи также сталкиваются с рядом проблем. Так как неофициальные художники не получали зарплату от государства, а выживать как-то нужно было, почти все из них жили за счёт продаж своих работ, и зачастую продавали их именно за рубеж, так как там находились более платёжеспособные коллекционеры. Из-за несклонности неофициальных художников к архивированию, теперь практически невозможно отследить точное количество работ и их перемещение.

Отдельной возможностью, связанной с работой непосредственно с самими произведениями неофициального искусства, является анализ самих работ. По мнению некоторых современников и искусствоведов, например, И. Голомштока – большая часть работ была иллюстративного толка [1, с. 12]. Поэтому можно исследовать эти работы, например, с помощью

герменевтического подхода. Однако данное направление эстетического осмысления самих произведений неофициального искусства ещё не разработано, так как большая часть исследований всё-таки строится на изучении контекста вокруг этого направления искусства.

Список литературы

1. Richmond T. Interviews Igor Golomstock // The Guardian. Oct. 25. 1974. P. 12
2. Smith H. A Soviet artist displaying his work at the “second fall outdoor art show” near Izmailovo Park in Moscow // The New York Times. Sept. 30. 1974. P. 73
3. Wren C. Soviet Officials Use Force to Break up Art Show // International Herald Tribune. 1974. № 28512. P. 1-2
4. Кизевальтер Г. Репортажи из-под-валов. Альтернативная история неофициальной культуры в 1970-х и 1980-х годах в СССР глазами иностранных журналистов, дополненная интервью с её героями. М., 2022.
5. Рыбальченко Н. Как рассеялся мираж [Электронный ресурс] URL: https://artguide.com/posts/1653#disqus_thread (дата обращения: 06.04.2023)
6. Устная история: опрос свидетелей прошлого и описание источников (методические указания) / сост. Е.А. Андреева. – 2-е изд. – Томск.: Томский областной краеведческий музей, 2019. – 40 с.

СЕКЦИЯ III. ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А.И. Гриценко

Отчеты Императорского Московского университета как источник для изучения социального состава студенчества второй трети XIX века

Ключевые слова: Императорский Московский университет, студенчество, университетский Устав 1835 г., «мрачное семилетие», источниковедение истории России.

Выяснение ключевых социальных свойств такой важной общественной группы николаевской России, как студенчество Московского университета, является значимой научной проблемой, поскольку в учащих первого вуза страны, как в зеркале, отразился срез всего российского общества николаевского времени, а равно происходившие в нем процессы и изменения.

При этом одним из важнейших опубликованных источников, содержащим в себе статистические сведения о московских университетских «питомцах», являются ежегодные «Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета» (ИМУ) [3], выходившие отдельными изданиями практически на протяжении всего XIX столетия. Именно к ним, наряду с архивными данными и официальными актами, неизменно обращались изучавшие «студенческий вопрос» первой половины столетия известные историки Л.И. Насонкина [2], Ф.А. Петров [4], Р.Г. Эймонтова [7], А.М. Феофанов [6] и другие исследователи.

По этой причине известный научный интерес представляет и описание основных свойств указанных материалов, их преимуществ и недостатков как исторического источника по данной теме. Среди первых следует отметить достаточную полноту информации по учащимся на различных факультетах и отделениях ИМУ, а также данных по их сословному происхождению, образованию и конфессиональной

принадлежности. В частности, как справедливо указывает специалист в области вычислительной техники М.В. Леонов, данные «Именных ведомостей» по учащимся в университете, являющиеся органической частью ежегодных отчетов, неизменно оказываются более полными по представленной информации, чем выходившие отдельными изданиями начиная с 1842/1843 учебного года «Алфавитные списки студентов» ИМУ [1, с. 38-39], а равно более упорядоченными, чем разрозненные архивные данные, отложившиеся в ЦГА г. Москвы в фонде Московского университета (ф. 418).

Однако отчетам ИМУ присущ и ряд существенных недостатков, затрудняющих исследовательскую работу с ними, в частности, извлечение и верификацию статистических, количественных данных об учившихся в 1830-1860-х гг. в университете лицах. Так, в определенном смысле дефектами источника могут считаться меняющийся в течение рассматриваемого периода формуляр студенческой ведомости; имеющиеся в ней опечатки и ошибки, изменения в наименовании близких сословных категорий, из которых происходят студенты [1, с. 39-40] («вольные крестьяне», «вольные люди», «вольные хлебопашцы»); наконец, ошибки и «сбои» в нумерации списков, в результате которых исследователю, например, приходится перепроверять рассчитанное чиновниками того времени общее количество учащихся на отдельных факультетах и в целом по университету, пересчитывая студентов и других «питомцев» университета вручную, буквально «по головам».

Вышеупомянутые ошибки в именных ведомостях по учащимся в ИМУ объясняются, на наш взгляд, не только недостаточной грамотностью и внимательностью готовивших ведомости университетских чиновников и типографских наборщиков [1, с. 44], но и, в случае с привлекавшимися для составления отчетов инспектором студентов и его помощниками, их загруженностью многими другими делами по обустройству быта казенных студентов, контролем за посещением лекций, за поведением и нравственностью университетской молодежи и т.д. Наконец, свою роль здесь играет и общее состояние делопроизводства в университетской

системе николаевского времени, еще не выработавшего универсальных и эффективных форм документооборота.

Среди других обстоятельств, вносящих определенную путаницу в количественные данные по студенчеству 1830-60-х гг., следует отметить разницу между счетом академических и «гражданских», календарных лет в Российской империи, а также «сдвиг» в отчетах ИМУ конца 1830-х гг., когда принятый в первые годы после принятия университетского Устава 1835 г. расчет количества студентов приводился сначала в целом на академический год, а затем – по состоянию на 1 января гражданского года, то есть в разгар студенческих «вакаций», продолжавшихся с 20 декабря по 12 января [5].

Наконец, относительно важнейшего вопроса установления динамики общей численности учащихся ИМУ в десятилетия, последовавшие за принятием Устава 1835 г., следует указать на еще один принципиальный момент, с которым сталкивается каждый исследователь отчетов и именных ведомостей в их составе. Речь идет о, по сути, смещении в ряде отчетов 1830-1840-х гг. понятий собственно «студенты» и «учащиеся». в число которых в разные годы также попадали приват-слушатели, вольнослушатели, посещавшие лекции чиновники и др. лица. В итоге, как уже упоминалось, общее количество учащихся от отчета к отчету существенно разнится и нуждается в тщательной перепроверке.

В силу совокупности вышеописанных дефектов и особенностей отчетов ИМУ как исторического источника в научной литературе у различных исследователей данной темы приводятся отличающиеся на целые порядки (десятки человек) данные по общему количеству учащихся и студентов в Московском университете николаевского времени [см., например: 2, с. 88; 4, с. 140]. Унификация категорий учащихся и совпадение в количестве учащихся и студентов, по нашим подсчетам, наступает в отчетах ИМУ сильно позже, в конце 1840-х гг., то есть уже в годы «мрачного семилетия», когда в силу политических причин драматически снижается и общая численность студентов университетов в России [4, с. 134].

Как следует из циркулярных указаний ведомства С.С. Уварова, увидевших свет на страницах журнала Министерства народного просвещения (ЖМНП), министерские и университетские власти неоднократно сами пытались привести к единообразию отчетность по российским университетам, периодически внося ясность в содержание понятий «вольнослушатели», «казеннокоштные студенты» и т.д., приводя их к единообразию, но реальная ситуация с учащимися и их статусом в университетских стенах неизменно оказывалась разнообразнее министерских циркуляров, что и отразилось, в частности, на страницах отчетов ИМУ. И установление объективной истины в данном вопросе, вероятно, едва ли возможно средствами ручного подсчета, при котором неминуемо возникают новые ошибки и неточности.

Что касается создания единой базы учащихся ИМУ средствами современной компьютерной техники, то Леонов справедливо указывал еще в начале 2010-х гг., что способ механического распознавания текстов именных ведомостей не оправдал себя на практике, поскольку, во-первых, ручная перепроверка ошибок и опечаток в документах полуторавековой давности оказалась трудозатратнее ручного способа внесения информации в табличные формы. Во-вторых, ряд университетских отчетов, хранящихся в РГБ, содержит в себе ценные пометки и исправления, принадлежащие, вероятно, перу инспектора и других ответственных лиц, которые нивелируются и уничтожаются при машинной обработке представленной информации [1, с. 39-40].

В заключение следует сказать, что, несмотря на все сказанное выше, отчеты ИМУ и именные ведомости учащихся в их составе при этом являются наиболее базовым и универсальным источником статистических данных по студенческой корпорации второй трети XIX столетия и позднейшего времени, и научно-исследовательская работа по широкому кругу тематик, связанных с университетскими обитателями того времени, не может проводиться без обращения к представленным в них фактическим данным.

Список источников и литературы

1. Леонов М.В. Опыт автоматизации поиска персональных данных студентов Московского университета за 1813–1917 гг. по документам ЦГА Москвы // Отечественные архивы. № 4. 2020. С. 37-44.
2. Насонкина Л.И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.
3. Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского университета. [М., 1835-1863].
4. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 2. М., 2003.
5. Университетский Устав (26 июля 1835) // Летопись Московского университета. [Электронный ресурс]: <http://letopis.msu.ru/documents/2123> (26.04.23).
6. Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011.
7. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993.

Документы по истории школ-интернатов для коренных народов Канады в Национальном центре истины и примирения (National Centre for Truth and Reconciliation)

Ключевые слова: Национальный центр истины и примирения, коренные народы, школы-интернаты.

Коренные народы Канады – это группа народов, представители которых проживали на территории современной Канады до прихода европейцев, а также потомки этих представителей и первых европейских поселенцев. Согласно определению конституционного акта, к коренным народам относятся:

- 1) Инуиты - жители северных прибрежных и приарктических территорий Канады;
- 2) Канадские индейцы или «Первые нации» - коренное население Канады, проживающее на землях южнее Приарктических территорий;
- 3) Метисы – потомки смешанных браков между коренными народами и английскими или французскими колонистами [2].

Согласно переписи населения, на 2021 год общее число всех коренных народов Канады составило 1,8 миллионов человек, т. е., около 5% от всего населения Канады. Из них количество метисов - 624220 человек; численность инуитов составляет 70445 человек, из которых 69% проживает в Нунагате (исторических землях канадских инуитов); численность «Первых наций» - 801045 человек [3].

Система Индейских школ-интернатов (Indian Residential school) зародилась в середине XIX века. За время существования школ-интернатов через них прошло около 150000 учащихся из «Первых наций». Сами интернаты были организованы в первую очередь Католической церковью в Канаде, в меньшей степени Объединённой церковью Канады и Англиканской церковью Канады. Ключевой задачей данной школьной системы являлась ассимиляция индейских детей в канадское общество путем искоренения у учащихся индейской культуры и приобщением их к европейской христианской культуре. С этой целью индейских детей

изолировали от семьи и родных общин. Дети коренных народов в школах-интернатах подвергались физическому, сексуальному и психологическому насилию. Следствием насильственных действий становилась высокая смертность учащихся из числа коренных народов. Так, из 150000 учащихся не пережило обучение около 50000 человек [1].

Школы-интернаты просуществовали в Канаде до конца XX века, но, постепенно, после окончания Второй мировой войны, образовательная система, направленная на ассимиляцию коренных народов, начала разрушаться. С середины 80-х гг. XX века, под влиянием канадского общества, школы-интернаты стали закрываться. Начиная с 90-х гг., выпускники индейских школ выступали с публичными заявлениями о ситуации в учебных заведениях. Данные заявления приводили к многочисленным судебным делам между бывшими учениками школ-интернатов и канадским правительством, действующими сотрудниками интернатов и региональных отделений католической, англиканской и объединённой церквей. Под влиянием этих процессов в 1996 году была закрыта последняя школа-интернат White Calf Collegiate и в 1998 году канадским правительством было опубликовано «Заявление о примирении», в котором говорилось об извинении перед людьми, испытывавшими жестокое обращение в школах-интернатах.

Помимо этого, вышеуказанные судебные дела были объединены в коллективный иск, который был урегулирован к 2007 году в Верховном суде в Онтарио на основе «Соглашения об урегулировании споров о школах-интернатах для канадских индейцев». Одним из пунктов Соглашения являлся призыв к созданию специальной комиссии, которая изучит историю школ-интернатов. Особое внимание будет уделено точке зрения учащихся данных учебных заведений, чтобы всесторонне осветить историю индейских школ-интернатов для канадского общества [1].

Таким учреждением стала «Комиссия по установлению истины и примирения» (Truth and Reconciliation Commission of Canada). Сама комиссия была создана правительством Канады, как самостоятельная

организация, в рамках мандата «Соглашения об урегулировании индейских школ-интернатов» в 2008 году. Руководителями комиссии являлись комиссары. Главным комиссаром являлся судья Мюррей Синклер, другими комиссарами были Уилтон Литтлчайлд и Мэри Уилсон. Консультативным органом являлся «Комитет выживших» состоявший из 10 бывших учащихся школ-интернатов [5]. Основной задачей Комиссии истины и примирения (TRC) являлся сбор источников по истории школ-интернатов. К данным источникам относятся правительственные и церковные документы, заявления и выступления учащихся школ-интернатов, собранные во время мероприятий, проводимых комиссией, а также вещественные источники и фотографии. За время своей деятельности комиссия проводила как региональные, так и общенациональные мероприятия. Во время мероприятий в общинах коренных народов проводились слушания более 6750 заявлений от бывших учащихся школ-интернатов. Также члены комиссии участвовали в проведении как церковных, так и народных обрядов и ритуалов, изучали традиции коренных народов Канады. Помимо этого, в полномочия комиссии входило привлечение правительства Канады и церковных организаций к признанию травм, которые были нанесены жертвам школ-интернатов. В рамках данной деятельности комиссия получила полный доступ к архивам правительства и церквей с целью изучения всех документов, записей, законов, касающихся школ-интернатов. Главное значение деятельности TRC - то, что она осветила историю индейских школ-интернатов, которая до этого мало была известна канадскому обществу и определила новое представление об истории отношений между канадским правительством и «первыми нациями» на протяжении XIX–XX вв. Так появилось понимание, что школы-интернаты на протяжении второй половины XIX - XX вв. осуществляли политику, направленную на ассимиляцию коренных канадцев в канадское общество. Помимо этого, комиссия определила концепцию примирения как процесс восстановления отношений между коренными народами и канадским обществом во всех сферах жизни, основанных на взаимодоверии и взаимоуважении обеих сторон. Итогом

деятельности Комиссии стало издание 6-томного труда по истории и наследию школ-интернатов. Был издан «Призыв к действию» определивший основные направления политики примирения. Также итогом деятельности TRC стало учреждение Национального центра истины и примирения (National Centre for Truth and Reconciliation), расположенного в Университете Манитобы [4]. Данные о деятельности Центра истины и примирения представлены на сайте этой организации.

Национальный центр был открыт в ноябре 2015 года (незадолго до закрытия Комиссии). Задачи Национального центра истины и примирения (NCTR) определены мандатом NCTR тремя столпами:

1. Быть ответственным и подотчетным распорядителем опыта, фотографий и воспоминаний, доверенных Центру выжившими учащимися школ-интернатов, уважать их правду и гарантировать, что они никогда больше не будут забыты или проигнорированы.

2. Продолжить исследовательскую работу, начатую Комиссией истины и примирения, и таким образом внести вклад в продолжающийся процесс исцеления первых наций, инутов и метисов, а также страны в целом.

3. Заложить основу для примирения, способствуя общественному просвещению, пониманию явления школ-интернатов; того, что они являются частью более широкой истории насильственных посягательств на различные культуры и самобытность первых наций, инуитов и метисов. [5].

В этом центре работают 32 человека, значительная часть которых являются коренными народами Канады. Руководящим органом NCTR считается Руководящий круг, состоящий из одиннадцати человек, во главе с председателем Синтией Уэсли-Эскиммо. Руководящий круг управляет Кругом выживших, Старейшинами и Хранителями знаний. Круг выживших состоит из 7 человек, является совещательным органом [5].

Национальный центр истины и примирения является одновременно местом для архивной работы, галереей и образовательным пространством,

что соответствует исследовательским, образовательным и общественным целям учреждения. Данный процесс осуществляется путем того, что национальный центр реализует образовательные и исследовательские проекты, а также предоставляет свободный доступ обществу к материалам, способствующим примирению и исцелению канадского общества [6].

NCTR представляет собой место хранения письменных, вещественных и устных источников, посвящённых деятельности школ-интернатов Канады. Данные источники представлены в свободном доступе как в физической форме, так и в электронном виде на сайте Национального центра истины и примирения.

Сама коллекция архивов формируется благодаря Правительству Канады и провинциальным властям, церковным учреждениям, а также добровольным пожертвованиям частных лиц. Являясь хранилищем собранных материалов Комиссии, NCTR содержит около 7000 заявлений, которые были собраны во время публичных дискуссий TRC. Она также содержит около 5 миллионов оцифрованных источников, состоящих из фотографий, письменных и статистических документов.

Данные источники предоставлены:

- религиозными организациями - генеральным синодом, епархией и миссионерским обществом Англиканской церкви Канады, провинциальными генеральными конференциями Объединенной церкви Канады, диоцезами и монашескими орденами Римско-католической церкви в Канаде и т. д.

- государственными учреждениями - федеральными учреждениями (Министерство юстиции, Королевская конная полиция, федеральные библиотеки и архивы и т. д.);

- провинциальными правительствами и т.д.

Также собранные материалы представлены коллекциями из частных пожертвований. Данные сборники документов содержат письменные, статистические источники, а также фотографии школ-интернатов, классов и учащихся данных заведений.

Другими письменными материалами, предоставленными в данный архив, являются, с одной стороны, юридические документы из правительственных источников, отображающие политику канадского правительства по отношению к коренным народам Канады, и, с другой стороны, документы, демонстрирующие правовые обычаи коренных народов Канады. Также в архиве представлены документы, связанные с работой Комиссии по Установлению Истины и Примирения [5].

Помимо письменных материалов, Национальный центр истины и примирения содержит вещественные и художественные источники. Неписьменными источниками, представленными в архиве, являются картографические материалы школ-интернатов. Художественные источники, общей численностью около 1200 произведений, представляют собой как записанные нематериальные произведения, такие как музыка и танцы, так и материальные произведения искусства, такие, как картины, рисунки, фигурки, скульптуры и т. д. [6]. Часть коллекции выставлена в Канадском музее прав человека. Другая часть коллекции находится в школе искусств Университета Манитобы и хранится в недоступном для публики хранилище. Эти экспонаты представляют из себя предметы, связанные с обрядовыми и религиозными традициями «Первых наций». Такая практика связана с возрождением традиций коренных народов Канады [6].

Коллекция вещественных источников составляется с целью формирования представлений о духовной и материальной культуре коренных народов Канады. Коллекция символизирует примирение между канадским обществом и коренными народами. Сам процесс комплектования коллекции материальных источников воссоздает священный «ритуал низложения» коренных народов. «Ритуал низложения» воплощается путем того, что предметы, связанные с культурой коренных народов Канады, подаренные Комиссии истины и примирения, помещаются в коробку Бентвуда. Сама коробка представляет собой ящик из гнутого красного кедра, традиционно использовавшегося коренными народами для хранения лекарственных средств. И, следовательно, коробка Бентвуд является символом исцеления канадского общества и жестом примирения. Сама

коробка была создана в 2009 году по заказу Комиссии истины и примирения. Во время работы комиссии коробка принимала участие в 8 национальных мероприятиях. Во время проведения мероприятий люди жертвовали личные предметы в коллекцию [5]. Помимо своей символической функции, предметы и произведения искусства, подаренные канадской TRC, способствуют повышению представления о культуре коренных народов и истории о школах-интернатах для некоренных канадцев. Источники, предоставляемые выжившими и их семьями, представителями правительства, членами духовенства и ассоциациями в рамках процесса исцеления и примирения, могут служить мостами для повышения осведомленности и, возможно, понимания между общинами коренных народов и некоренными канадцами [6].

Список источников и литературы:

1. De Costa R. Discursive institutions in non-transitional societies: The Truth and Reconciliation Commission of Canada// *International Political Science Review*, Vol. 38(2), 2017, P 185–199.
2. Government of Canada [электронный ресурс] URL: <https://www.canada.ca/en.html>
3. Indigenous population continues to grow and is much younger than the non-Indigenous population, although the pace of growth has slowed// *Statistic Canada* [электронный ресурс] URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220921/dq220921a-eng.htm>.
4. L. M. Cowan. *Decolonizing Provenance: An Examination of Types of Provenances and their Role in Archiving Indigenous Records in Canada*. Winnipeg, 2018.
5. National Centre for Truth and Reconciliation [электронный ресурс] URL: <https://nctr.ca/>
6. Milton C.E., Reynaud A. Archives, Museum and Sacred Storage: Dealing with the Afterlife of the Truth and Reconciliation Commission of Canada // *International Journal of Transitional Justice*, Vol. 13, Issue 3, 2019, P 524–545.

**Студенческие волнения 1868-1869 гг. в Российской империи
(по материалам отчетов III отделения Его императорского Величества
Канцелярии)**

Ключевые слова: студенчество, волнения, народовольцы, «хождение в народ».

О недовольстве в студенческой и разночинной среде в годы правления Александра II все знают еще из школьных учебников, однако редко кто-то задумывается об источнике этой общеизвестной информации. А ведь знаем мы об этом не только и даже не столько из дневников и переписок участников событий, сколько из абсолютно прогосударственных и охранительных отчетов III отделения Его Императорского Величества канцелярии, сотрудники которого тщательно собирали любую информацию о всякого рода крамоле и недовольстве. Именно здесь мы впервые встречаем фамилии, которые сейчас каждый знает из школьных учебников, а потому крайне интересно и важно понять в каких обстоятельства и какими методами эти люди вышли на историческую арену.

Источником по теме исследования был выбран «Отчет III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1869 год». В предыдущих отчетах студенческий вопрос мелькает в разделах «О расположении умов» и о работе Министерства народного просвещения. Более того, отчеты времен правления Александра II главным образом посвящены реформам, их подготовке и восприятию, а потому студенческий вопрос мало интересовал власти.

Так в предшествующем отчете 1866 года студенчество упоминается только в рамках описания нигилизма: «Кроме полонизма, на современное наше общество особенно вредно действует так называемое нигилистическое учение. В последнее время оно усиливается и не только заражает учащуюся молодежь, легко увлекающуюся всякими утопиями, но находит последователей даже в среде общественных деятелей, преимущественно между преподавателями учебных заведений» [2, с. 661-662].

Отчет 1869 года, ставший, между прочим, последним отчетом в истории III отделения, был составлен генерал-адъютантом графом Шуваловым во многом по причине разразившихся в 1868-1869 в столице Империи и крупных городах студенческих волнений. Именно поэтому они занимают в документе основной объем. Помимо описания расследования по поводу самих волнений, документ, при своей общей лаконичности содержит довольно большой (1609 слов) фрагмент, описывающий положение российского студенчества [1, с. 677-682].

Составитель отчета указывает, что брожение в студенческой среде Санкт-Петербурга было замечено еще в в конце 1868 года: «студенты Медико-Хирургической Академии, университета и Технологического института собирались в разных местах, то в большем, то в меньшем числе, и толковали о положении студенчества вообще, о средствах к улучшению студентского быта и о путях к осуществлению тех улучшений, которые им казались желательными» [1, с. 669].

Наблюдение за «горячкой сходов, овладевшей академической молодёжью», привело агентов отделения к мысли о том, что «не только истинные или воображаемые недостатки настоящего положения студентов были причиною постоянно возрастающего брожения, но что важную роль в целом этом движении играли посторонние влияния, преследовавшие цели, чуждые студентскому быту» [1, с. 669]. Очевидно, что под этими силами составитель подразумевает народников, что доказывает дальнейшее содержание текста.

Естественно, что в ситуации возрастающего брожения, еще и подогреваемого извне эскалация ситуации была лишь вопросом времени. Все началось после отчисления некоего студента Надуткина из Медико-Хирургической Академии за неуспеваемость и дерзкое поведение. Студенты, недовольные этим решением стали собираться в здании Академии и требовать восстановления товарища, а после временного закрытия Академии недовольство перекинулось на Санкт-Петербургский университет и Технологический институт. Дошло до того, что «В среде их (студентов) открыто стало выражаться намерение не уступать и, в случае надобности, «защищаться всем, чем можно, даже оружием» [1, с. 670].

Как уже ранее было сказано, у III отделения почти сразу возникли подозрения на влияние извне, а потому было начато расследование, которое быстро нашло доказательства: «Первым явным доказательством справедливости этого предположения была рассылка во все редакции петербургских газет печатного воззвания, или обращения студентов к обществу, в котором «дело студентов» выставлялось делом, непосредственно затрагивающим интересы всего общества»[1, с. 671].

Воззвание было напечатано в типографии мещанки Дементьевой, которая, по данным следствия «находилась в самых близких отношениях с мелким литератором Петром Ткачевым, который принадлежал к числу главных участников студентских беспорядков еще в 1861 году» [1, с. 671]. Так в этой истории всплывает первый из «идеологов» народничества, который по мнению Шувалова и являлся автором воззвания.

Когда студенческие волнения выражались в сходках, внимание полиции привлек учитель Сергиевского приходского училища Сергей Нечаев, который «не будучи студентом, не только принимал самое деятельное участие в сходках и ораторствовал на них, но и собирал их у себя в казенном помещении, которое он занимал в здании училища» [1, с. 671]. Нечаев был вынужден после того, как привлек внимание III Отделения сбежать из столицы, а потом и из России и здесь интересно вот что: «Свое прибытие в Женеву Нечаев ознаменовал напечатанием воззвания к «Студентам университета, Академии и Технологического института в Петербурге». В этом воззвании Нечаев, рассчитывая на легкоеверие молодежи, к которой оно было обращено, утверждает, будто бы он бежал “из промерзлых стен Петропавловской крепости”»[1, с. 671].

Шувалов считает это воззвание достаточным подтверждением для того, чтобы заключить, что студенческие волнения попытались «оседлать» какие-то третьи силы, которые, в отличие от студентов преследовали политические цели. Говорит в пользу этого и целый ряд антигосударственных воззваний Михаила Бакунина [1, С. 672].

На момент написания отчета расследование еще продолжалось, но промежуточные выводы уже были сделаны:

«а) В прошлогодних студенческих беспорядках ясно обрисовываются две стороны и две категории действовавших лиц: стремление к утверждению студентского быта на измененных основаниях, и сторона политическая, заключающаяся в том, что недостатки положения студенчества вообще послужили и могут впредь служить предлогом к возбуждению волнений между академической молодежью.

Большинство студентов, принимавших участие в беспорядках и подвергшихся за то взысканиям, имели первоначально ввиду только устранение действительных или воображаемых недостатков студентского быта, тогда как лица другой категории, в революционных видах, избрали питомники легко воспламенимого юношества удобными центрами агитации с политической целью, без ведома о том самих студентов.

б) Агитация в студентской среде велась вообще только во имя студентских интересов; если несколько лиц студентского звания и были посвящаемы в другие стороны тайных подкопов и пристали к агитаторам, то это было независимо от их временного звания и не распространялось на студентское движение вообще, от которого сами студенты старательно устранили все, что имело политический характер [1, с. 674-675].

<...>

Наконец, это приводит к выводу: «Агитаторы хорошо знали, что горсти строптивых студентов не удастся принудить правительство к уступкам и что участники беспорядков будут наказаны» [1, с. 675].

Поэтому, был сделан вывод о том, что агитаторы добивались того, чтобы по итогам беспорядков было отчислено как можно больше студентов, которые станут заниматься распространением антигосударственных идей в народе. Описывая механизм процесса, генерал-адъютант Шувалов пишет: «Самым удобным путем представлялось поступление этих лиц на службу по мировым учреждениям и по земству, или на должности сельских учителей, в школы, коих размножение предполагалось устроить систематически. Это называлось: “идти в народ”» [1, с. 675].

Таким образом, мы видим, что «хождение в народ» было обнаружено правительственными органами еще на этапе своего зарождения. При этом, III отделение, несмотря на существующее мнение о нем как реакционном и жестко-охранительном органе, оказывается весьма умеренной организацией. В отчете нельзя увидеть подтверждения тезиса о том, что охранители клеймили всех студентов как крамольников и революционеров. Напротив – в какой-то мере Шувалов выступает в роли заступника, он указывает, что революционные идеи не зародились в студенческой среде, а были привнесены извне, и прижились по той причине, что положение студенчества действительно было сложным: «За тысячи верст, со всех концов нашего обширного отечества, стекаются в Петербург молодые люди искать высшего образования. Собственных средств у многих едва хватает на дорогу<...> Нищета, с вытекающими из нее физическими и нравственными страданиями, и, с другой стороны, вид столичной роскоши - ожесточают молодого человека, и он, вместо того, чтобы винить себя за избрание ложного пути дает веру коварным наущениям людей, которые указывают ему на существующий общественный и государственный строй как на источник всех бед его и ему подобных»[1с, 679-680]. Дальнейшее изучение отчетов III отделения представляется перспективным направлением исследований социального развития России в XIX веке.

Список источников и литературы

1. Отчет III отделения Собственной Его Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1869 год // «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827-1869: Сборник документов. Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив». 2006. – С. 669-689;

2. Отчет о действиях III Отделения Вашего Императорского Величества Канцелярии и корпуса жандармов за 1866 год // «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827-1869: Сборник документов. Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив». 2006. – С. 651-668.

**Функциональная типология азбук-прописей на базе собраний
РНБ**

Ключевые слова: Древнерусские рукописи, раннее новое время, азбука-пропись, древнерусская скоропись, азбука-свиток.

Азбуки-прописи – это древнерусские каллиграфические пособия, демонстрирующие образцовое письмо. В своей форме, которую условно мы можем назвать «древнерусской» азбуки появились на рубеже XVI-XVII и просуществовали вплоть до конца XVIII века, когда были заменены учебными пособиями западного типа [7]. Потенциал азбук-прописей, как важнейшего источника по истории письменной культуры Московского государства до сих пор не раскрыт в полной мере вследствие отсутствия системной каталогизации и полноценной типологии. Эта ситуация вызвана тем, что современные исследователи, как их предшественники, начиная с конца XIX века продолжают акцентировать внимание исключительно на текстовой организации азбук.

На данный момент нам известно около 120 азбук-прописей XVII-начала XIX вв., находящихся в крупнейших хранилищах рукописных книг как: РНБ, РГАДА, БАН, РГБ, ГИМ. Более того, ряд азбук-прописей обозначенного периода находится и в малых рукописных хранилищах нашей страны [2]. Автор данного очерка работает над подготовкой сводного каталог на базе отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Здесь хочется представить свое видение функциональной типологии азбук-прописей. Оговоримся, что это лишь малая доля от полноценной типологии, которая должна включать следующие аспекты: форма, внешнее оформление, графическое содержание.

Говоря о функциональной типологии, первоначально необходимо остановиться на форме. В основе азбук-прописей лежит свиток, однако практически с самого начала их зарождения встречаются также тетради. На сегодняшний момент очевидна неразрывная связь азбук-прописей XVII в и делопроизводственной сферы, где свиток был основной формой

документа. Наглядной демонстрацией данной связи служит то, что скоропись является основным типом письма, на который ориентируются азбуки-прописи, о чем свидетельствуют распространенные названия рукописей «азбука скорописная» [5, л. 1], «букварь скорописных литер» [6, л. 1], «скорописания азбука» [8, сст 1]. Связь с актовой средой подтверждает и то, что вплоть до правления Петра Первого в азбуках-свитках обязательно включается титулатура правящего государя. К середине XVII столетия появляются тетради, художественное оформление которых ориентируется на свиток, да и сама форма свитка сохраняется до конца XVIII в. [3].

Далее перейдем к центральной теме этого очерка, а именно к функциональной типологии азбук-прописей. На наш взгляд, она имеет три направления. К первому, самому многочисленному, относятся *учебные пособия*. Сегодня у нас нет никаких оснований полагать, что подобные рукописи предназначались для начального образования, более того, их основные функции были двойные: повышение уже существующего письменного мастерства за счет разнообразных графических форм, а также получение навыка беглого чтения скорописи.

Второй основной функциональный тип – это *каллиграфические подлинники*. Основной задачей данных азбук-прописей является создание пособий для писцов профессионалов, они не были наделены каким-либо учебным функционалом. В их состав входили: инициалы контурные орнаментированные, инициалы старопечатного стиля, орнаментированные «киноварные» инициалы, также встречаются буквицы «киноварные» неорнаментированные. Не исключением для подобных рукописей является и наличие скорописной азбуки.

Каллиграфические подлинники и учебные пособия появились практически одновременно на рубеже XVI-XVII вв. В начале XVII столетия характерно разделение этих традиций, однако, начиная с первой четверти XVIII в появляется новый вид азбук-прописей, постепенно заменивший + предшественников. Азбуки-прописи, составившие самостоятельную функциональную форму, были названы нами

комбинированными. Подобные рукописи содержали сложные инициалы («фигурные слова»), а также материал учебных азбук. Таким образом, азбуки-прописи третьего типа выполняли функции как каллиграфического подлинника, так и учебного пособия.

Анализ учебных азбук-прописей показал, что первый тип неоднороден. Существует своего рода подтип, который выделяется в зависимости от задач, поставленных перед пособием. Мы видим, как минимум, два подтипа: *практические азбуки-прописи* для личного обучения и *демонстрационные пособия*. Первый подтип не отличается особым художественным оформлением, зачастую функционировал как современные прописи, что отразилось в нынешнем названии «азбук-прописей». Демонстрационные пособия, сформировавшие второй подтип, являются шедеврами книжного производства, содержат фигурные рамки и большое количество миниатюр.

Отдельно хотелось бы отметить, что миниатюры, содержащиеся в азбуках-прописях, выполнены в технике плоской печати, что косвенно указывает на тиражность рукописей [1, с. 264]. Более того, подобные азбуки-прописи имеют следы проколов на боковых сторонах сставов. На данный момент не ясна природа проколов: служила ли рукопись в качестве демонстрационного материала и крепилась к стене или же ее прикрепляли к парте, чтобы свиток не сворачивался. Вследствие частого использования, учебные пособия не отличались хорошей сохранностью, что позволяет нам объяснить наличие конволютов. Можем предположить, что учебные пособия, в зависимости от декоративного оформления, предназначались для группового и индивидуального обучения. Так простые рукописи первого подтипа использовались для индивидуального обучения, а богато украшенные азбуки-прописи служили учебным материалом в «школе». Подтверждением служит наличие в некоторых рукописях миниатюр с изображением группового обучения или школы [4, сст. 2].

На примере азбук-прописей первой группы хорошо прослеживается динамика развития многих составных элементов пособия, поскольку данная группа является не только самой многочисленной по количеству

сохранившихся рукописей, но и самой продолжительной по времени своего существования. В первую очередь мы видим как изменялся состав учебных пособий, поскольку со временем азбуки-прописи стремятся к универсальности, так на рубеже XVII-XVIII веков в них появляются письмовники, с XVIII века встречаются арифметика, нотная запись, а также латинский и греческий алфавит. Также в пределах азбук-прописей мы видим постоянную эволюцию русской скорописи: упрощение написания, рост связности. Такова функциональная типология азбук-прописей.

Список литературы

1. Маркелов Г. В. "Налепные образцы" в традиционном книгописании. // Труды Отдела древнерусской литературы. 2003. Т. 53. С. 264 – 288.
2. Пигин А. В. «Аз ти глаголю добрейшее, юноше...»: о некоторых учебных текстах в русских рукописях XVIII—XIX веков // «Мудрости бо ти имя подадеса...»: Сб. статей к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер. Петрозаводск, 2011. С. 10—21.
3. ОР РНБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1639
4. ОР РНБ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 460
5. ОР РНБ. Ф. 550. Оп. 1. Д. Q. III. 210
6. ОР РНБ. Ф. 166. Оп. 1. Д. F. 128/2
7. Цыпкин Д. О. Древнерусские рукописные каллиграфические пособия как источник для формирования методологии исторического почерковедения // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М, 2016. С. 516-518.

Список сокращений

1. БАН — Библиотека Российской Академии наук (С. Петербург).
2. ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
3. ОР РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки.
4. РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
5. РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
6. РНБ — Российская Национальная библиотека (С. Петербург).

Частное женское дворянское письмо Петровской эпохи

Ключевые слова: частное письмо, дворянство, женский вопрос, Петровская эпоха, Россия XVIII в.

Петровская эпоха выступает началом важного периода когнитивных трансформаций в XVIII в. [15]. Можно говорить о европеизации жизни русского общества в рамках усвоения гуманистических и рационалистических принципов [12]. В указанный период формируется новая женская дворянская культура. С одной стороны, в ней отражена западная модель женской эмансипации. С другой, культура дворянок первой четверти XVIII века имеет национально-специфические черты.

Целью исследования выступает изучение отличительных особенностей частного женского дворянского письма. Мы исходим из того, что отчасти интеграция женщин в социокультурное пространство XVIII века происходила непосредственно с помощью такого канала межличностной коммуникации как частные письма. Женщины в России участвовали в переписке и в более ранние периоды [3], но именно в XVIII веке письмо трансформируется и приобретает новые черты. Результат первичного анализа позволяет предположить, что именно в Петровскую эпоху формируется развитое пространство межличностной переписки, в котором женщина принимала участие наравне с мужчиной. Так, у женщины появилась возможность вести переписку не только с членами семьи, но и с друзьями, и знакомыми как женского, так и мужского пола.

Эмпирическая основа исследования – корпус частных писем из коллекции Российской Национальной библиотеки. В работе анализируются письма таких представительниц Петровской эпохи как: царевна Наталья Алексеевна [5,8,9] Дарья Михайловна Меншикова [6], княгиня Анастасия Федоровна Ромодановская [11], царица Екатерина Алексеевна [4, 10], царица Марфа Матвеевна [7] и др. Критерием включения писем является принадлежность авторов к одному поколению, что делает возможным прослеживание динамики изменений их

коммуникативной модели и письменного поведения. Помимо женских писем, как сопоставительный материал был изучен корпус мужского эпистолярного наследия.

Выделение эпистолярных памятников как самостоятельных материальных исторических источников подразумевает определенную методологию. В настоящем исследовании для изучения частных писем применяется комплексный подход, который, с одной стороны, предполагает обращение к структурно-содержательным аспектам источника, и, с другой стороны, затрагивает вопросы письма как материального явления и роль личности в сфере частной переписки [14].

Анализируя письмо как материальный артефакт, можно определить ряд социальных и культурных феноменов периода. Так, исследование филиграней бумаги, которая использовалась для написания частных писем в первой четверти XVIII в., позволяет заключить, что преимущественно для написания писем брали импортную, голландскую, бумагу. В основном, была замечена филигрань «герб города Амстердам». Это показывает, что бумага, использованная для написания писем, была достаточно высокого сорта. Приобретение её было сопряжено со значительными материальными затратами. Данная бумага не относится к особой, почтовой. Открытыми остаются вопросы: Использовалась ли в переписке почтовая бумага? Можно ли применительно к пространству частной переписки говорить о взаимосвязи между использованием определенного вида бумаги и выбором конкретных адресатов?

Несмотря на отсутствие в Петровскую эпоху конверта как отдельного элемента эпистолярной культуры, само письмо, зачастую, начинает играть его роль. В рамках анализа корпуса частных писем (как мужских, так и женских) установлено, что именно письма женщин чаще складываются в конверт. Мужские письма при этом фактически не имеют следов складывания. Это наводит на вопрос о том, чем обусловлена данная тенденция. Одно из возможных объяснений – специфика транспортировки женских писем в данный период. Мужские письма преимущественно доставлялись доверенным лицом, нарочным, в то время как женские могли

передаваться через несколько рук или составлять часть посылки [16]. Однако, параллельно с этим допустима гипотеза об особой моде и эстетике конверта, которая была перенята русскими аристократками с Запада.

Письма запечатывали сургучной печатью, обеспечивающей особую секретность и приватность документа. Так письмо, запечатанное сургучной печатью, казалось «нетронутым». Помимо этого, печать можно рассматривать как средство аутентификации наравне с подписью.

Для описания текста письма мы будем использовать модель, предложенную В.А. Сметаниным, который выделял три структурообразующих компонента частных писем: прескрипт, семантема и клаузула [13].

Распространённая с древних времён модель, прескрипт, включает две эпистолярные формулы: указание на имя адресата и «вступительное приветствие» [1]. В прескрипте определенным образом выстраивается обращение, в котором обязательно указывается социальный статус адресата и его роль по отношению к автору письма. Выбранный комплекс эпистолярного наследия первой четверти XVIII века позволяет заметить, что несмотря на обязательное обращение к адресату по имени и отчеству, зачастую, в письмах присутствуют личностные формулы, указывающее на интимный характер коммуникации. Например, Дарья Михайловна Меншикова в письме к мужу пишет: «Радость моя батюшка мой князь Александр Данилович» [6]. Вступительное приветствие обычно содержит пожелание здоровья адресату, оформленное по определенным шаблонам. Например, «Много летно здравствуй» или «Здравие твое да сохранит десница божья».

Семантема – основная содержательная часть письма. Общепринято, что эпистолярные формулы семантемы XVIII века в целом шаблонны. Данное суждение обосновывается тем, что Письмовники диктовали образцы и поводы для написания писем [2]. Однако, одновременное обращение к письмам дворян указанного периода и Письмовникам не позволяет утверждать, что семантема частных писем целиком и полностью заимствована из текста Письмовников.

Семантика отражает конкретные поводы для написания писем, связанные с реальными проблемами, которые волновали людей. Например: желание знать о состоянии здоровья адресата, поздравление с именинами, поздравление с рождением ребёнка, вопросы бытового характера (о посылке денег, строительстве, ведении хозяйства).

Анализ частных женских писем показал одновременное сосуществование в рамках текста этикетных формул и личностных эмоционально-окрашенных фрагментов.

Клаузула – завершающая часть письма, как правило включает формулу прощания и подпись. Клаузула обычно сопровождается «прощальной фразой», которая также выражает пожелание здоровья. Подпись оформляется различным образом и зависит от особенностей отношений, в которых состояли корреспонденты. Также в клаузуле указывается место и время написания письма.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

Женские частные письма первой четверти XVIII века отличаются от мужских как по материальным, так и по структурно-содержательным компонентам.

Частная переписка дворянок с членами семьи, друзьями и знакомыми отражает возрастание роли женщины в светском обществе и её поэтапное реальное включение в «мужской мир».

В целом, можно говорить о том, что в Петровскую эпоху частное письмо не просто выступает одним из способов межличностной коммуникации, как это проявлялось в более ранние периоды, а становится модным трендом и приобретает главенствующую роль в осуществлении личного обмена между представителями дворянской эпохи.

Список источников и литературы

1. Антонова М.В., Никищенкова Г.В. "Формуляр древнерусского послания: Феодосий Печерский, его современники и последователи" Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №. 3-1. С. 154-161.

2. Кузьмина М. Д. Первый русский печатный письмовник в истории развития эпистолярного жанра // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения - 2020): Материалы XX Всероссийской научной конференции. СПб., 2021. С. 118–127.
3. Новохатко О. В. Частная переписка в России XVII века // Преподаватель XXI век. 2019. № 1-2. С. 317-328.
4. ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 2. № 256.
5. ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 2. № 305.
6. ОР РНБ. Ф. 480. Оп. 361. № 16. Л. 1-6.
7. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 5.
8. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 93.
9. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 94.
10. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 101. Л. 1-8.
11. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 113. Л. 2.
12. Сертакова, И. Н. Повседневная культура России XVIII в // Аналитика культурологии. 2010. № 2(17). С. 134-141.
13. Сметанин, В. А. Эпистолография. Свердловск, 1970.
14. Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка// История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14–31.
15. Цыпкин Д.О. Древнерусская каллиграфия в контексте проблемы когнитивных трансформаций (некоторые замечания о монокондильных композициях раннего Нового Времени) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. СПб., 2022. Вып. 12. С. 688–704.
16. Bound F. Writing the self? Love and the letter in England, c. 1660 – c. 1760*// Literature & History. 2002. №11(1). p. 1-19.

**Роль источниковедческого анализа формуляра и структуры
расходных книг Патриаршего Казенного приказа второй половины
XVII в. в изучении благотворительности московских патриархов**

Ключевые слова: Русская Церковь, Патриарший Казенный приказ, расходные книги, приказное делопроизводство.

Расходные книги Патриаршего Казенного приказа второй половины XVII в. (по этому периоду они наиболее полно представлены в архиве – РГАДА) неоднократно привлекались исследователями для изучения благотворительной деятельности патриархов [4; 3; 2, с. 204-210], однако еще не стали объектами источниковедческого анализа. Между тем источниковедческое исследование может позволить выйти на более глубокий уровень анализа указанной конкретно-исторической проблемы. Мы затронем такие аспекты характеристики источника, как информационное богатство и репрезентативность, обратившись к его формуляру и структуре.

Начнем с формуляра. Каждая запись имеет более или менее устойчивую схему построения. В начале записи указана дата. Мы склоняемся к версии, что это дата именно составления записи о выдаче денег (когда такая запись была сделана в не дошедшей до нас первичной документации), а не момента самой выдачи или раздачи денег в случае с нищими.

Запись содержала либо указание на день и месяц, либо указание на то, что дата совпадает с датой предшествующей записи (записей).

Периодически встречаются пропуски порядкового номера дня. Это может быть связано как с определенными сложностями работы составителей расходных книг с первичной документацией, так и с потребностью максимально приблизить дату записи к моменту фактической выдачи денег – возможно, для удобства контроля и предотвращения злоупотреблений [1, с. 370; 9, с. 14] или для оптимизации делопроизводственной деятельности. В редких случаях в расходных

книгах не указывались ни день, ни месяц выдачи денег: вероятно, эти записи делались сильно постфактум.

В качестве факультативной составляющей может присутствовать статья с указанием документации, на основе которой была совершена выдача денег. Как правило, это отсылки к указам патриарха, приказам казначеев и других должностных лиц, челобитным получателей денег и т.д.

В некоторых случаях в запись включалось указание на помету должностного лица на документе, на который ссылается составитель записи.

Непременным элементом основной части документа являлась статья с изложением сути дела.

За описательной статьей в большинстве случаев следовала дьячья или казначейская отметка «дано»; предшествующий текст, как правило, оформлялся подьячим, а не дьяком, и почерк закономерно отличался [10, с. 217]. Затем указывалось имя подьячего, выдавшего деньги из своего «стола», например: «дано ис приему Елизарка Федорова» [7, л. 125]. Отметка «дано» действительно ставилась казначеем, другим почерком, однако он был лицом удостоверяющим, а не выдающим деньги непосредственно.

В целом можно сделать вывод о том, что структура записей в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа довольно вариативна, как и расположение элементов.

Для лучшего понимания информационных возможностей источника необходимо общее представление о перечне статей расхода. Количество и наименования глав варьировали. И.И. Шимко осуществил ювелирную исследовательскую работу с тщательным разбором каждой статьи расхода Патриаршего Казенного приказа [10, с. 217-254].

Нет необходимости вновь выполнять эту работу, однако следует определить, в каких главах можно обнаружить сведения, связанные с благотворительностью.

Статьи расходов по интересующей нас тематике с опорой на расходную книгу 1650 г. таковы: «<...> 2) «на церковное строение»; 3) на молебны, на панихиды и «нищим на милостыню»; <...> 9) «на приказные расходы» <...>» [5, л. 244-245об.].

В случае смерти патриарха в текст расходной книги встраивалась дополнительная глава без номера, соответствующая расходам на его погребение [6, л. 430].

Обратимся к структуре расходной книги 1699 г., чтобы на ее примере отметить важнейшие изменения в составе глав на протяжении рассматриваемого периода. Эти изменения затрагивают интересующую нас тематику благотворительности. В середине XVII в. по данному вопросу были наиболее репрезентативны главы «нищим на милостыню» и «на приказные расходы» (последняя – в силу материальной помощи как приказным людям, так и нищим, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию). Дополнительно исследователями указанной проблематики может быть привлечена глава «на церковное строение», где нашел отражение, в частности, процесс богаделенного строительства, восстановления богаделен после пожаров и других происшествий.

В последней же четверти XVII столетия этот перечень расширился, и в расходной книге 1699 г. в дополнение к вышеупомянутым статьям расхода «благотворительного» характера находим главы, связанные с богадельнями и материальной помощью бедным монашествующим: «Московских богаделен нищим поденные милостыни, и на платье, и на дрова. Моисеевскаго монастыря монахиням, Покровские, Кировские мужеска полу, Кулижские вдовам и девкам, а Введенские, что в Барашах монахиням годового жалованья» [8, л. 127], «На верховое, и дворовое, и богаделенное, и всякое строение» [8, л. 279], «На строение богаделен Моисеевскаго монастыря, и Покровской, и Кировской и Кулижской богаделен» [8, л. 303].

Такое положение дел связано с тем, что, согласно указу Федора Алексеевича от 25 апреля 1678 г., «переводились из приказа Большаго Дворца в ведение патриаршего дома соборные нищие и 412 стариков и

стариц, призревавшихся в московских богадельнях» [10, с. 242]. Таким образом, богаделенное строение и вспомоществование тех, кто имеет отношение к этим богадельням (или монастырям, при которых находятся богадельни) сделались в тот момент новым направлением деятельности московских патриархов – Иоакима (1674-1690), затем Адриана (1690-1700), завершившись вместе со смертью последнего [10, с. 242].

Применительно к интересующей нас конкретно-исторической проблематике расходные книги Патриаршего Казенного приказа не только в достаточной мере богаты информационными ресурсами, но и на уровне собственной структуры уже позволяют проследить динамику в благотворительной деятельности Московского Патриаршего дома во второй половине XVII в.

Формуляр записей в рамках расходных книг вариативен. Однако описательная и распорядительная статьи, неизменно присутствовали в его составе. В большинстве случаев в их составе присутствовала и дата. Пропуски порядкового номера дня, а иногда и месяца свидетельствуют о том, что записи могли делаться спустя длительное время после реальных выдач денег. Увы, не сохранились источники первичной информации: «расходные столпы» (столбцовое делопроизводство) и «памятные тетрати» (книжное делопроизводство), сопоставление с которыми могло бы помочь ответить на вопрос о причинах, по которым записи в расходные книги могли осуществляться постфактум.

Впрочем, на наш взгляд, такое положение дел могло быть связано не только с процедурой делопроизводства, но и с выдачей так называемой поручной милостыни. Она раздавалась московским нищим во время патриарших выходов. Если нищих на пути встретилось немного, как мы предполагаем, мог остаться излишек средств, который использовался в дальнейшем; в таком случае последующая выдача денег с практической точки зрения была не столь важна, ведь в реальности они понадобятся лишь по прошествии некоторого времени относительно даты выдачи, а значит, и дата эта не столь важна (хотя для добросовестного делопроизводителя, конечно, все равно должна иметь значение).

Что касается структуры расходных книг, в рамках рассматриваемого периода, а конкретно после 1678 г., она претерпела изменения, связанные с важными для нас вопросами благотворительности: к главам, посвященным церковному строению, милостыне для нищих и приказным расходам, добавились главы, связанные с богаделенным строением и материальной помощью обитателям конкретных богаделен и насельникам монастырей, при которых они находились.

Таким образом, источниковедческий анализ расходных книг Патриаршего Казенного приказа ценен не только сам по себе, но и как подспорье для исследований патриаршей благотворительности.

Список источников и литературы

1. Володихин Д.М. Патриаршие казначеи в XVII веке // Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894-1987). СПб., 1998. С. 363-370.

2. Воробьева Н.В. Нищелюбие и благотворительность во второй половине XVII века // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. Научные труды. Омск, 2017. № 1 (2). С. 204-210.

3. Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. I. М., 1902. 635 с.

4. Снегирев И.М. Московские нищие в XVII столетии. М., 1852. 16 с.

5. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 28.

6. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 73.

7. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 78.

8. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176.

9. Устинова И.А. Приказная бюрократия допетровской Руси // Преподавание истории в школе. М., 2010. № 4. С. 10-14.

10. Шимко И.И. Патриарший Казенный приказ. Его внешняя история, устройство и деятельность // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М., 1894. 361 с.

**Wolny szafunek в сознании брестских мещан первой половины
XVII века**

Ключевые слова: собственность; Речь Посполитая; Брест; мещане; духовные завещания.

В ряду таких исторических источников, как судебные акты, различные реестры и многие другие, выделяются наиболее «человеческие» из них — духовные завещания [5, с. 5]. Оттон Хедеманн исследовал отражение в них непосредственно этого «человеческого»: от размышлений о смерти до семейных отношений. В отличие от него, мы обратимся к материальной составляющей, а именно — к понятию собственности. Для изучения представлений мещан об имуществе нами были рассмотрены *testamenty ostatniey woli* брестских горожан первой половины XVII в.

По способам приобретения имущества мещане в первую очередь выделяли Божью милость: «которую намъ милостивый Богъ зъ ласки свое светое рачиль дать» [1, с. 242–243] или собственный труд: «z pracy rąk moich nabył» [1, с. 281]. Недвижимость дополнительно приобреталась посредством торговой сделки: «która swemi własnymi pieniądzy wykupiła u nieboszczyka Szczęsnego Tatarzyna» [1, с. 368]. Отдельным распоряжением состоятельных горожан выделяется сумма приданого для дочерей: «tedy więseу posagu córce moiey Sołomii ma być дано» [1, с. 285]. И, конечно же, не стоит забывать о получении имущества в наследство. В случае же отсутствия наследников оно переходило в категорию так называемого *prawa kadukowego* — выморочного, то есть находилось в распоряжение короля.

Итак, перейдем непосредственно к завещаниям. На протяжении первой половины XVII в. происходит эволюция термина, обозначающего выражение своей предсмертной воли. Так, в 1620-е годы использовался вариант «отказать»: «tym testamentem ostatniey woli swey zapisał y odkazał wiecznymi czasy półogoroda» [1, с. 264]. В 1630-е же годы он заменяется на «leguię»: «Kramnica ganczarska, stoiąca na gruncie ratusznym, tę leguię

Pawłowi zięciowi y córce moiey Tesi» [1, с. 281]. Последний, близкий к латинскому «lex», придает завещанию большую законность. В 1640-е параллельно с ним появляется дополнительно подтверждающий термин «stwierdzam», употребляющийся по отношению к недвижимости, распоряжение относительно которой было уже отдано ранее в магистрате: «iakoи przyznał przed urzędem lantwoytowskim Brzeskim ..., tedy y teraz tym testamentem moim stwierdzam y zapisuię» [1, с. 376]. То есть прослеживается тенденция направленности в сторону большей защиты наследственных прав и придания им соответственно большей легитимности.

Непосредственно же само право собственности во всей своей полноте обозначается термином «wolny szafunek», который Исторический белорусский словарь предлагает нам трактовать как распоряжение [4, с. 68]. С 1630-х годов в завещаниях начинают постепенно раскрываться полномочия, которыми обладает владелец имущества в рамках этого понятия, причем лишь по отношению к недвижимости. Так, сначала несколько противопоставляется ему более мелкое право на беспошлинное проживание: «W tymże domie moim ma mieszkać zięć mój Paweł do roku bez płacenia komornego» [1, с. 281]. И уже в 1640-е дается более подробное толкование: «dać, sprzedać y na swoje naylepsze pożytki obracać» [1, с. 370].

Привычным явлением также было распоряжение имуществом в рамках опекуинства при несовершеннолетних наследниках: «dom wszystkim naprawować matka powinna będzie, aby potomkom moim wcale nieoszarpany, niezawiedziony, ani żadnemi długami obciążony, oddała, czego maią doyrzeć opiekunowie moi niżey mianowani» [1, с. 287]. Юридическая фиксация обязанности заботиться об этом наследстве позволяет сделать вывод о том, что довольно распространенным было явление его разорения к тому моменту, когда дети вырастали.

В первой половине XVII в. в духовных завещаниях прослеживается разделение имущества на три основные категории. Первая из них — это *maietność nieruchoma*, то есть современное для нас недвижимое имущество. Вторая — *pieniędzy* или денежные средства. И третья — *maietność ruchoma*, отражающая современное для нас понятие движимого

имущества. От него несколько отделялся мелкий бытовой скарб — *statki domowe*, зачастую довольно пренебрежительно указываемый после перечисления других вещей, что свидетельствует о его скромном положении в осознании мещан. Последние две категории зачастую упоминаются вместе, что говорит об их равнозначности. Рассмотрим подробнее недвижимое и движимое имущество, которому и уделяется основное внимание.

С 1630-х годов мы наблюдаем эволюцию в термине первой категории, которая начинает называться: «*maietność moią leżącą*» [1, с. 285]. Стоит отметить связь нового определения с понятием «*grunt*»: «*grunt mój dziedziczny oyczysty, leżący*» [1, с. 375]. По отношению к дому также постепенно вытесняется характерное для зданий слово «*stoiący*»: «*dom z gruntem, na ulicy Zamuchawieckiey nad ulica y ułęczką leżący*» [1, с. 368]. Сам же термин «*кгрунтъ*» или «*грунтъ*», определяющий понятие недвижимости, раскрывается Историческим белорусским словарем в первую очередь как земельная собственность [3, с. 66]. То есть мы имеем дело с относительно небольшим участком земли, на котором располагаются жилые и хозяйственные помещения, или же с землей, предназначенной непосредственно для практического применения в сельском хозяйстве.

Зачастую при этом отмечается подвластность данного участка определенному лицу, определяется юрисдикция. Более того, имя владельца земли может выступать единственным способом ее идентификации, но чаще также уточняется район, в котором находится участок: «*rez sianożęci Filipowiczowskiey, na uroczyszczu na Hrazkim leżący*» [1, с. 285].

Перейдем ко второй, более мелкой, но отличающейся значительным разнообразием категории — движимому имуществу. В документах после перечисления принадлежащих к этой категории объектов собственности, они также именуется обобщающим понятием «*rzeczy*», к которому также прилагается определение «*ruchome*». Второе название движимого имущества отмечает более мелкий и штучный его характер по сравнению с недвижимостью.

О высокой степени важности определенных групп этих вещей свидетельствует стремление мещан юридических зафиксировать право владения ими в актах. Прежде всего речь идет о скоте, ремесленной утвари и различных хозяйственных заготовках (дрова, сено, мед, зерно, металлы и т.д.), то есть об экономически полезных объектах. В отношении последних прослеживается разграничение между постройками и землей (недвижимое имущество) и хранимыми в них и выращиваемыми на ней соответственно объектами (недвижимое имущество).

В одном ряду с ними находится так называемый «сундук» с наиболее ценными вещами, к которым относятся столовые приборы из драгоценных металлов, украшения и «шаты» или нарядная одежда. В XVI – первой половине XVII вв. среди магнатов, знати и состоятельных горожан Великого княжества Литовского было принято щеголять в костюме как символе своего места в социальной иерархии общества [2, с. 108].

Предметы роскоши при этом могли закладываться в залог с обязательным указанием в завещании на выкуп. Здесь же мы встречаемся с интересным случаем уточнения точного количества пуговиц: «*bekiesza łązurowa, z guzikami srebnymi białymi, dętymi, których dwadzieścia y cztery*» [1, с. 286]. Далее в том же духовном завещании вновь упоминаются пуговицы, но уже без их подсчета. Ни разу не перечисляются также размер, форма и другие описательные детали пуговиц, что исключает выполнение информированием об их количестве исключительно идентифицирующей функции. Следовательно, оно служило гарантом обеспечения сохранности имущества от потенциального злого умысла ростовщика.

Таким образом, в представлениях брестских мещан жизненно необходимым было подчеркивание имеющегося высокого положения в местной среде, что осуществлялось во многом посредством внешних атрибутов. Естественно, еще большее внимание уделялось охране от разорения земельных владений. Духовные завещания передают нам довольно бережное отношение горожан к своему имуществу, формируется его классификация. Более того, в развитии правосознания прослеживается

тенденция все большей легитимизации и защиты наследников, что также подтверждает высокую важность института собственности. Для выводов же относительно существования частного права во всей его полноте необходимы дальнейшие исследования уже с использованием судебных актов.

Список источников и литературы

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1872. Т. 6.
2. Бялявіна В.М., Ракава Л.В. Мужчынскі касцюмна Беларусі. Мінск, 2007.
3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1996. Вып. 15. Катъ – коречный.
4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 2017. Вып. 37. Чорное – ящыкъ. Дадатак.
5. Hedemman O. Testamenty braslawsko-dziśnieńskie XVII – XVIII w. jako źródło historyczne. Wilno, 1935.

Государственные льготы военнослужащих Архангельска во второй половине XVIII в. по материалам ГААО

Ключевые слова: Архангелогородский гарнизон, делопроизводственная документация, исторический источник, льготы военнослужащих, гарнизонная служба

Делопроизводственные материалы – вид исторических источников, функцией которых является документное обслуживание различных управляющих систем. В структуре делопроизводственной документации выделяется группа разновидностей, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений, и группа разновидностей, обеспечивающих документооборот [9, с. 392].

Согласно историку М.Ф. Румянцевой, можно выделить три группы делопроизводственной документации: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) просительные документы (часто выступают как инициативные при формировании дела) [9, с. 395].

Исследуя документы всех трех групп в совокупности и единстве, появляется возможность наиболее полно изучить определенную проблему. Одним из таких объектов исследования в данной работе является предоставление льгот военнослужащим Архангелогородского гарнизона в период царствования Екатерины II.

В ранних работах автора был представлен опыт изучения приходно-расходных книг, относящихся к внутренним документам [13; 14]. Приходные и расходные книги – источники учетного характера, которые содержат в себе информацию о поступлении и расходовании денежных средств, выдаче натурального довольствия, использовании ворваньего сала в уличных фонарях у казарм и т.п. Именно по таким документам удалось установить, что военнослужащие Архангелогородского гарнизона *своевременно и регулярно* получали жалование и провиант. Однако это не единственные привилегии, которые обеспечивали местные власть и государство.

Вообще, сама гарнизонная служба, учрежденная Петром I, для военных, утративших возможность служить в армии вследствие ран, увечий, полученных в сражениях, болезней или «дряхлости», по сути, являлась синекурой, т.к. от военной службы они освобождались и занимались караульными и полицейскими обязанностями. Такие военные в дальнейшем зачислялись в «инвалидные роты», законодательно оформленные Екатериной II как отдельное подразделение гарнизонов, и *продолжали получать жалование* равное прочим чинам [12].

В составе батальонов и других подразделений Архангелогородского гарнизона во второй половине XVIII в. числились рекруты из крестьян. Такая рекрутская повинность не была жестким способом комплектования армии, как часто стереотипно ее описывают. Данное суждение основывается на источниках. До нас дошло предписание Олонецкого и Архангельского генерал-губернатора Т.И. Тутолмина касательно прошения крестьянина Шенкурского уезда Василия Федурина о незаконном призыве в армию и отправке в рекруты его сына, являвшимся единственным в семье. После изучения переписки мы узнаем результат разбирательства – крестьянский сын был возвращен и остался в семье. В документах была указана следующая причина: «ежели бы из них который был отдан в службу то семейство одного могло бы прийти в разорение» [6, л. 3 – л. 3 об.]. В данном случае появилась необходимость обратиться к еще одной группе делопроизводственной документации, выделенной историками – «просительной». Согласно крестьянскому прошению, можно констатировать факт, что гарнизонное командование старалось *входить в положение людей* и, в данном случае, не позволило семье остаться без кормильца.

Помимо прочего, в период царствования императрицы особое внимание уделялось семьям военных, в частности, солдатским детям. «По высочайшему Указу Ея Императорского Величества от 19 апреля 1764 г. о гарнизонных батальонных штатах повелено: в гарнизонные школы *малолетних солдатских детей принимать* от семи лет от полевых полков, гарнизонных батальонов, губернских рот и учрежденных при городских

канцеляриях воинских и инвалидных команд и на то их содержание будет отправлена годовая сумма» [1, л. 2; л. 31].

Таким образом, солдаты и офицеры, в силу такой льготы, стремились отдать детей на обучение в гарнизонную школу. Так, до наших дней сохранилось очередное прошение холмогорского городничего Бендцона правителю архангельского наместничества И.Р. Ливену (12.06.1786 г.): «Живущей в здешнем городе отставной капрал Вавило Палкин словесно просил меня, чтоб имеющегося при нем никуда не определенного малолетнего сына Михаила, состоящего от роду пяти лет, как они по бедности своей и по имению других детей более пропитать не может, для обучению грамоте и прочих положенных по штату наук определить в Архангельскую гарнизонную школу... на рассмотрение причем представляем ежели определен будет, то прошу ваше превосходительство о включении снабдить» [3, л. 2].

Узнать о решении проблемы удастся через обращения к третьей группе делопроизводства – «переписка учреждений». В данном случае мы говорим о переписке между административными лицами. Уже через шесть дней после прошения холмогорского городничего правитель Архангельского наместничества И.Р. Ливен отвечал: «Представленном по рапорту вашему находящегося в городе Холмогорах отставного капрала Вавила Палкина для определения в школе пятилетнего сына Михаила, который в Архангельскую гарнизонную школу в число сверх комплектных школьников *определен*» [3, л. 3].

Таким образом государство старалось удовлетворять запросы военнослужащих, в частности, отставных, и поддерживать их семьи.

В описанном выше примере, а также в еще одном из документа гарнизонной канцелярии 1776 г., находим факт зачисления сверх штата детей *пяти лет*, несмотря на то, что в Указе 1764 г. написано о зачислении в школу солдатских детей *с семи лет*. Скорее всего, это связано с тем, что в семье не было финансовой возможности содержать ребенка, и, при наличии свободного штатного места, его удалось зачислить в школу. На сверхштатных учащихся также предполагалась выдача провианта из

Штатс-конторы, т.е. за счет государственной казны [11]. Однако, такие прецеденты случались не только в Архангельске, а также на юге страны – например, в Кизлярском гарнизоне [15], что говорит о заинтересованности правительства в должном обеспечении гарнизонов на всей территории государства.

Вновь обращаясь к Указу, узнаем, что «оставшим после умерших воинских и прочих чинов женам с детьми производить *вдовское и сиротское жалование*; остающих после убитых и умерших в службе воинских чинов к безобидному детей их пропитанию производить положено *до 12-летнего возраста* вторую на десять долю от отцовского оклада, а нижних чинов доколе в школу записаны не будут *по три рубля каждому в год*» [1, л. 2]. Так, следуя Указу, в Архангелогородском гарнизоне по причине смерти отца солдатским детям выдавались мука или крупа и «*жалование по полной даче*» [2, Л. 116 об].

Известно, что такими привилегиями пользовались школьники всех подразделений гарнизона, в частности, и за пределами Архангельска. Так, в 1787 г. 17 солдатских детей Соловецкой воинской команды получили жалование и провиант [5, л. 7].

Помимо прочего, возвращаясь к внутренним документам гарнизона, мы узнаем, что из жалования военнослужащих производился вычет на госпиталь и медикаменты (1–2% от оклада), что в современном понимании было прообразом *медицинской страховки*. Находящиеся «на больничном» военные обеспечивались провиантом, лекарствами, а также продолжали получать жалование [14, с. 282–283].

Следует обратить внимание не только на элементы военной службы, но и на антропологическую составляющую, «человеческий фактор» военной действительности. До нас дошли документы о просьбе бухгалтера Архангелогородской конторы над портом Сергея Петрова выдать средства из фортификационной суммы. Дело в том, что брат Сергея, Егор Петров, нес службу в Санкт-Петербургском Греческом корпусе. По определенным обстоятельствам он «имел в деньгах недостаток». В связи с этим, Сергей обратился к инженерной команде с просьбой выдать под расписку 25

рублей, чтобы помочь брату [8, л. 5]. 17 марта 1777 г. этот вопрос был решен: сержанту Егору Петрову, который находится в «Греческом корпусе» в Санкт-Петербурге, *было выписано жалование* в 25 рублей [7, л. 2].

Рассматривая данный факт, можно сказать, что несмотря на всю строгость и серьезность службы, в ней было место обычным человеческим отношениям: эмпатии, отзывчивости и солидарности внутри военного сословия.

Еще один интересный фрагмент повседневной жизни гарнизона, иллюстрирующий отношение властей к военнослужащим, хранят рапорты Архангельского обер-коменданта И.М. Болотникова о выдаче пропусков разным чинам для проезда в города России. Рапорт – внутренний делопроизводственный документ, который представляет собой донесение нижестоящего должностного лица вышестоящему [12, с. 81].

Выдержки из рапортов от обер-коменданта правителю наместничества И.Р. Ливену: «ко мне от первого батальона представлено, что капрал Иван Славинский имеет необходимую нужду съездить в город Онегу к отцу своему находящемуся там при уездном казначействе казначеем Егору Славинскому, и просит отпустить дозволения, а для свободного в пути с возвратом сюда пропуску указанного пашпорта сроком на 29 дней, о чем вашему превосходительству представляю имею ожидать резолюцию» [4, л. 1], «второго батальона солдат Иван Ширяев имеет необходимую надобность просить увольнения съездить отсель в город Вологду для свидания с сыном своим Вологодской губернской роты капралом Алексеем Ширяевым» [4, л. 3], «первого батальона рядовой Василий Бобров имеет необходимую нужду съездить в Володимирскую губернию Гарьевского уезда в село Игрище помещика Михаила Ошанина для свидания с родственниками» [4, л. 4].

Такие рапорты военнослужащих, как правило, *удовлетворялись*. Для свободного прохождения по заставам военным выдавали «пашпорта» или «билеты» – пропуска с личной печатью «генерал-майора, Архангельского

наместничества правителя, и ордена Святого равноапостольного князя Владимира большого креста второй степени – Кавалера Ивана Ливена».

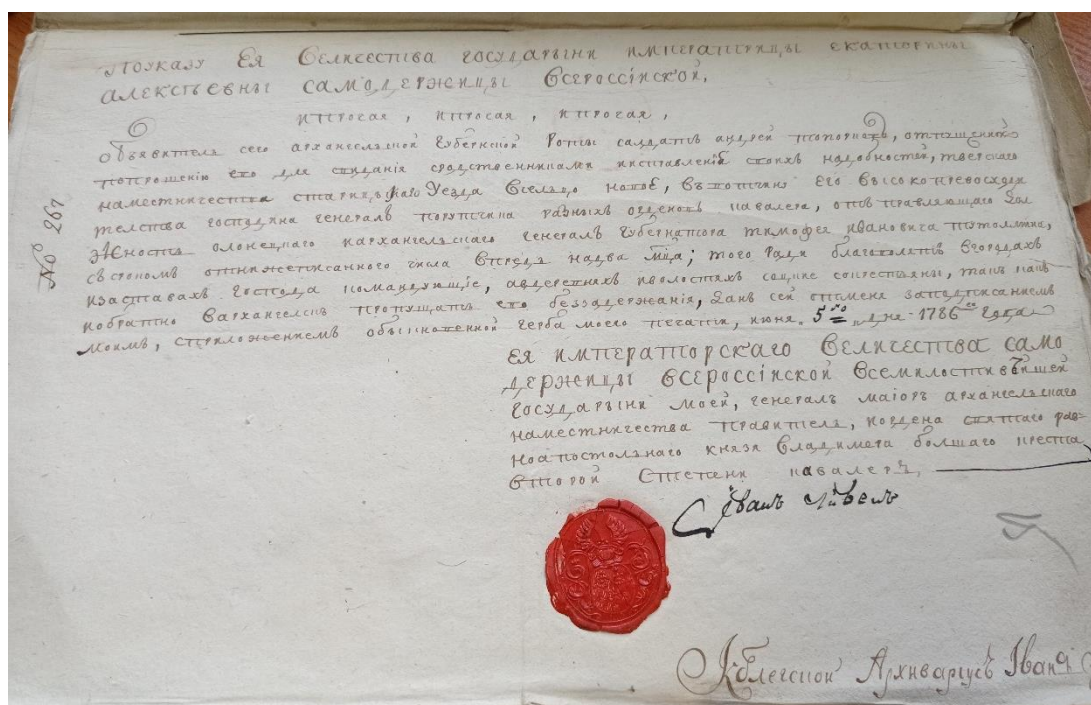

Рис. 1. Пропускной билет через заставы, выданный И.Р. Ливеном солдату Андрею Топоркову 5 июня 1786 г. [4, л. 15]:

Таким образом, исследование одной из групп делопроизводственных документации – внутренних документов, дает конкретную информацию об особенностях повседневной жизни и службы военных. Из приходных и расходных книг, рапортов, приказов мы получаем наиболее точные сведения о мерах поддержки военнотружущих: размеры довольствия, регулярность выплат жалования, детские пособия и т.п.

Переписка учреждений и административных лиц показывает эффективность взаимодействия различных органов в решении определенных ситуаций. Учитывая, что администрация разрешала конкретные ситуации на межведомственном уровне, можно говорить о стремлении правительства обеспечить наиболее комфортные условия службы.

Просительные делопроизводственные документы, во-первых, являются индикатором определенного уровня доверия нижестоящих чинов к вышестоящим. Исходя из практики, солдаты и офицеры знали, что могли

рассчитывать на удовлетворение своих прошений. Во-вторых, такие документы показывают запросы военнослужащих, которые, по всей видимости, не регулировались законодательными актами в должной мере, и давали сигнал о необходимости совершенствования правовой системы по отношению к военному сословию.

Резюмируя выше сказанное, отметим, что организованная государством, так называемая, «социальная программа» для военных обеспечивала им работу с достойным жалованием до увольнения от службы. Военные в Архангельске являлись достаточно обеспеченным и, в современном понимании, социально защищенным сословием. Местная власть заблаговременно готовила провиантские запасы, заботилась о регулярных выплатах жалования и денежных пособий. Важно отметить социальную государственную поддержку для семей военных, потерявших кормильца, и малолетние солдатские дети получали денежное и продовольственное довольствие. Особое внимание заслуживает взаимодействие нижестоящих чинов с вышестоящими, которые старались не отказывать в прошениях первых.

Такие выводы мы делаем благодаря исследованию разных групп делопроизводственной документации. В комплексном изучении они дают наиболее полное представление об особенностях службы военного сословия России в XVIII в.

Список использованных источников и литературы:

1. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7274.
2. Там же, Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 270.
3. Там же, Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 271.
4. Там же, Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 273.
5. Там же, Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 309.
6. Там же, Ф. 1. Оп. 2. Т. 1а. Д. 206.
7. Там же, Ф. 1538. Оп. 1. Д. 195.
8. Там же, Ф. 1538. Оп. 1. Д. 202.

9. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

10. Кашаева Ю.А. Рапорты как источник изучения государственной службы уездных землемеров первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. – №3 (29). С. 81–83.

11. Проскурякова М.Е. Гарнизонные школы Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века // Вестник тюменского государственного университета. Гум. исследования. Humanitates? 2009. – № 7. С. 100–109.

12. ПСЗ РИ. Том 43: Книга штатов: Часть 1: Штаты военно-сухопутные (1711 - 1800): 1762 – 1796.

13. Хребтов Н.А. Делопроизводственная документация как источников о кадровом составе архангелогородского гарнизона в 1760–1780-е гг. // Ars Historica : сборник научных статей, Вып. 10 ; [сост., науч. Ред. Т.С. Минаева]. – Архангельск : КИРА, 2018. С. 107–114.

14. Хребтов Н.А. Повседневная жизнь военнослужащих Архангелогородского гарнизона в XVIII веке // Материалы научных конференций: XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике 2016, 2017, 2018, 2019 гг. Вып. 15 [сост. А.В. Буглак, И.М. Гостев]. – Архангельск : Лоция, 2019. С. 281–290.

15. Чекулаев-Братченков Н.Д. Низовой корпус на Кавказе: история гарнизона крепости Святого Креста (1722 – 1735 гг.). – Махачкала, 2011.

СЕКЦИЯ IV. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОЧНИКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В.В. Антоновская

Проблема «изгнанных» в общественно-политическом дискурсе ранней Второй Австрийской Республики по материалам речей К. Реннера и К. Грубера (1945 – 1955)

Ключевые слова: судетские немцы, Вторая Австрийская Республика, К. Реннер, К. Грубер.

После окончания войны Австрия столкнулась с проблемой «изгнанных» немцев с территории Судетской области Чехии. 2 августа 1945 года президент Чехословакии Эдвард Бенеш подписал декрет, лишавший чехословацкого гражданства большинство лиц немецкой и венгерской национальности, которые постоянно проживали на территории Чехословацкой республики: «Граждане Чехословакии немецкой или венгерской национальности, которые ранее получили по распоряжению оккупационных властей немецкое или венгерское гражданство, в день получения такого гражданства утратили право на гражданство Чехословакии». Декрет не учитывал того, что при разделе чехословацкой территории после Мюнхенского соглашения 1938 года смена гражданства — за небольшими исключениями — была автоматической. Впрочем, президент Бенеш и его правительство не собирались углубляться в юридические тонкости. Их политическое решение было принято ещё до того, как чешские и словацкие земли были освобождены от нацистской оккупации.

После окончания Второй мировой войны к австрийской границе потянулся огромный поток беженцев, большинство из которых были этническими немцами. Двадцать тысяч немцев из Брно не могли пройти в Австрию, вернуться обратно им также было запрещено. Многие судетские немцы остановились в Погоржелице. Жить им приходилось в бараках и в помещениях элеватора без окон. Часть мужчин, женщин и детей должна

была проводить дни и ночи под открытым небом. Голодающие искали в земле картофель, который не был собран в прошлом году. Воду они пить не могли из-за риска подхватить инфекцию. После трех недель пребывания в лагере чешские полицейские отряды погнали выживших женщин и детей дальше – сначала в женскую тюрьму, потом опять к австрийской границе. На этот раз австрийские пограничники пустили изгнанников в страну. Марш смерти немцев из Брно был прологом того, что происходило весной и летом 1945 года во многих городах Чехословакии и Судетской области.

Поскольку Австрия никак не была готова к притоку беженцев в таких масштабах, власти были шокированы и дезориентированы, так как не знали полноты всей ситуации. Для подтверждения данного факта приведем следующую записку, опубликованную в июне 1945 года: «В последнее время было замечено, что многочисленные беженцы из Чехословакии, среди которых австрийские граждане, чехословацкие граждане и лица, чье гражданство сомнительно, приезжают в Австрию и особенно в Вену, поскольку, по их заявлениям, местные власти вынуждают их покинуть территорию Чехословакии. Эти беженцы обычно прибывают сюда без всяких средств и предстают перед властями, чтобы получить еду, жилье, работу и – если они не являются гражданами Австрии – вид на жительство. При этом беженцев отправляют из одного ведомства в другое, не предоставляя им никаких средств правовой защиты» [3].

Министр внутренних дел Австрии Ф. Олах заявил в специальном докладе для Австрийского национального совета в 1964 году «О ситуации с беженцами с 1945 по 1961 год», что более 1 650 000 беженцев, изгнанные, переселенцы и «перемещенные лица» (из которых один миллион были иноязычными и 650 000 немецкоязычных носителей языка, из которых по меньшей мере 300 000 этнических немцев) проживали в Австрии. После Пражского восстания в начале мая 1945 года около 150 000 судетских немцев были эвакуированы из двух немецкоязычных округов Брно и Иглава, а также из Южно-Моравской и Южно-чешской округа, после чего были изгнаны в Австрию»[4].

Вместе с тем, что послевоенная Австрия не была подготовлена к такому количеству беженцев, правительство республики в принципе не хотело принимать их в страну, исходя из ряда неоднозначных причин.

Довольно любопытным представляется следующее заявление федерального канцлера К. Реннера, которое являлось реакцией на высылки 1945 года: «По донесению органов безопасности Нижней Австрии, с севера, из Чехословакии, в страну прибыло около 300 000 немецкоязычных чехословаков в самой примитивной одежде, без денег, без еды, короче, как нищие. По имеющимся данным, в Верхнюю Австрию ворвалось не меньше немецкоязычных чехословаков. Около 18 000 пробралось в Вену...» [1]. «Немецкоязычные чехословаки» - довольно спорный термин, а последняя часть заявления, в которой говорится о том, что эти самые немецкие чехословаки «ворвались» в Австрию и вовсе звучит как описание вражеского вторжения.

Может показаться, что К. Реннер не был знаком со спецификой судетонемецкой проблемы. Однако он был родом из Южной Моравии, а после окончания Первой мировой войны выступал за присоединение Судет к Австрии. Но уже после окончания Второй мировой войны данная идея больше не казалась ему хорошей, и он делал все, чтобы дистанцироваться от судетских немцев, которые теперь казались подозрительными и ненадежными.

Протоколы Кабинета министров до 10 июля 1945 г. также не показывают, что Реннер в качестве главы временного правительства Австрии пытался противодействовать бесчеловечным действиям чехов. Скорее, он считал, что это все равно будет бессмысленно, и проявлял понимание к «трудному положению», в котором оказалась Чехословакия в данный момент: «Должен также добавить, что условия в Чехословакии более чем критические. На мой взгляд, Чехословакия находится в гораздо более тяжелом положении, чем мы. Во-первых, Словакия даже в своем новом виде настаивает на автономии. Они хотят независимого правительства и своего рода дуализма наподобие старой монархии между Австрией и Венгрией. Но тогда президентство Бенеша и правительство

Фирлингера ни в коем случае не являются хозяевами страны, вовсе нет. «Народные выборы», национальные комитеты, правят абсолютно локально и совершенно неуправляемы в германском вопросе. Как говорилось: «Смерть евреям!». Эта крылатая фраза теперь сменилась на: «Смерть немцам!». И если я обсужу с правительством порядок обращения с немцами, я не уверен, что подобные мероприятия будут осуществлены корректно, потому что эти «Народные выборы» не будут находиться во власти правительства неделями, или, может быть, месяцами»[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Такое заявление может указывать на то, что Реннер не осознавал (или не хотел осознавать), что действия, направленные на изгнание судетских немцев, координировались напрямую самим правительством. То, что он не был осведомлен – представляется маловероятным. Также его нежелание принимать хоть какое-то участие в решении данного вопроса можно объяснить тем, что федеральный канцлер желал установления дружеских отношений с возрожденной Чехословацкой республикой, так как надеялся на оказание с ее стороны продовольственной помощи Австрии.

Еще более жесткая риторика по данному вопросу прослеживается в речах министра иностранных дел Карла Грубера. В беседе с чешским дипломатом Черным 2 февраля 1946 года. В своем заявлении он отмечает следующее: «В пограничной зоне, прилегающей к Чехословакии, переселенные немцы скапливаются во многих деревнях и небольших городах и воздействуют на местное население, искажая и преувеличивая беды от своего положения. А это может негативно сказаться на развитии чехословацко-австрийских отношений» [4]. Министр иностранных дел также сообщал о слухах, согласно которым среди изгнанных немцев стали формироваться некие тайные организации, которые помимо того, что оказывают негативное влияние на австрийское население, проводят подрывную деятельность против чехословацкого правительства, собирая античехословацкие материалы.

12 февраля 1946 года К. Грубер уверил советника дипломатического представительства Черного что «австрийское правительство уделяет

особое внимание тому, чтобы дружественная атмосфера между Чехословакией и Австрией не была нарушена беженцами с территории Судет». Как отмечал после доктор Догальский – представитель по защите чехословацких интересов при правительстве австрийской республики, данное заявление было сделано Грубером «спонтанно и без особых причин» [1].

В целом, заявления К. Реннера и К. Грубера, несмотря на все проблемы послевоенного времени, представляют собой довольно неоднозначную реакцию на проблему высланных немцев. Решением чехословацких властей был узаконен акт по изгнанию судетских немцев с их исторической области расселения и, таким образом, проблему беженцев создали они, а не Австрия. Тем не менее, в своих речах представители австрийского правительства, в частности К. Грубер, практически дошел до защиты действий Чехословакии. Так, в мае 1946 года он согласился с позицией Черного, который заявил, что судетонемецкий вопрос никого не должен касаться, кроме самой Чехословакии.

В своих многочисленных письмах Совету Союзников К. Грубер призывал держав-победительниц оказать помощь Австрии в борьбе с «нежелательными беженцами», особенно немецкой национальности, используя при этом довольно радикальные формулировки. Так, например, он писал следующее: «Таким образом, шансы на скорейшее восстановление австрийского государства серьезно подорвались бы, если бы немедленно не были предприняты шаги, чтобы остановить дальнейший приток нежелательных беженцев, избавиться от уже прибывших масс и собрать их под контролем союзников в лагерях обеспечить их необходимым пропитанием»[Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Поведение австрийских чиновников вызывало большую тревогу, так как изгнание судетских немцев нарушило все права человека и международные права, равно как и преступления национал-социалистов. Вместо того, чтобы протестовать, хотя бы формально, против действий чехословацкой республики, как показывают приведенные выше заявления,

правительство Австрии повернулось не против виновных, а против потерпевших, и стало криминализировать их, в некоторых случаях прямо.

Такое отношение может быть обусловлено несколькими факторами. Для начала следует упомянуть, что государству было необходимо бросить все свои силы на восстановление экономики и создать новую основу для благоприятного и прогрессивного развития общества. Разумеется, траты на внезапно прибывших беженцев с Судетской области предусмотрены не были, и организация их комфортного проживания в планы правительства австрийской республики не входила – отсюда и обозначение судетских немцев «нежелательными беженцами».

Но, по нашему мнению, это была не единственная причина, почему изгнанных немцев не хотели принимать в Австрии. Это также связано с общим положением Австрии после войны. Несмотря на Московскую декларацию 1943 года [5], комплексную политику пропаганды, которая была призвана укоренить в коллективном сознании видение Австрии как жертвы, положение страны на международной арене и ее статус до сих пор оставались неоднозначными. Исходя из этого, правительству не хотелось видеть на территории своего государства судетских немцев, статус которых был весьма спорным – до начала войны они выступали некой «пятой колонной» на территории Чехословакии и ратовали за присоединение к национал-социалистической Германии, а во время войны они воевали на стороне Третьего Рейха и поддерживали политику Гитлера. Казалось бы, Австрия во время войны была в едва ли не идентичном положении. Однако после окончания Второй Мировой все изменилось – Австрия получила статус «первой жертвы нацизма» [5], а судетские немцы так и остались виновными. Поэтому разделять свое выгодное положение или ставить его под вопрос австрийское правительство не решалось, чем и объясняется нежелание принимать на территорию Австрийского государства беженцев с неоднозначным статусом.

Список источников и литературы

1. Aktenvermerk «Sudetendeutsche Propaganda in Österreich». AdR, BKA AA, Sekr. II-pol./1947, Tschechoslowakei 12, GZ. 110 812-pol./46, Zl. 110 812-pol./46.
2. Allied Commission for Austria. Executive Committee [Text] / Letter from Dr. Gruber, Under-Secretary of State for foreign affairs. Annex I to EXCO/P (45)28, 30th October 1945. – S. 1–2
3. Die österreichische Regierung distanziert sich von den antitschechoslowakischen Aktionen der ausgesiedelten Deutschen [Text] // Der tschechoslowakische Bevollmächtigte in Wien an das Ministerium für Auswärtige Angelegenheiten Prag (Praha) am 2. 2. 1946.
4. Interview d. Verf. mit Ing. Rainer Martin Elsinger [Text] // Perchtoldsdorf, 14. 4. 1994.
5. Protokolle des Kabinettsrates der Provisorischen Regierung Karl Renner 1945 [Text] // Protokolle des Kabinettsrates 29. April 1945 bis 10. Juli 1945. Horn/Wien, 1995. 210 S
6. Декларация об Австрии. 2 ноября 1943 г. // Печат. по газ.: Правда, 1943, 2 ноября. Опубл. в изд.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). Сборник документов. М.: Политиздат, 1978, с. 354.

Арктическая стратегия России 2010 г. Идеология или экономика?

Ключевые слова: стратегия, документ, механизм.

Документ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» был принят 20 февраля 2013 года. Стратегия разработана в соответствии с Конституцией Российской Федерации, она опирается на другие документы, один из которых: «Основы государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» утверждённые Президентом России 18 сентября 2008 года [2, с. 5]. Рассматриваемый документ представляет собой официально признанную систему приоритетов, целей, задач и мер по обеспечению национальных интересов России в Арктике и безопасности страны во всех сферах жизнедеятельности [3, с. 7].

В документе определяется цели и приоритеты развития, а также основные механизмы и способы их достижения. Для лучшего понимания Стратегии мы рассматриваем её в нескольких аспектах: экономическом, экологическом, культурном, социальном и политическом

Социально-экономический аспект мы разделили на два пункта: первый - экономический аспект, проекты, которого направлены на максимальное получение выгоды и использование её в экономических целях, например добыча полезных ископаемых. Значительное внимание уделяется совершенствованию геологоразведочных работ на континентальном шельфе, реализации крупномасштабных ресурсных проектов, а также развитию транспортной инфраструктуры и инфраструктуры, связанной с ресурсными проектами.

И второй: социальный аспект, проекты которого в первую очередь направлены на позитивное изменение в социальной среде, постройка больниц, школ. Этому посвящены параграфы III и V раздела, где с перечислением приарктических субъектов РФ представлены сценарии их развития на долгосрочную перспективу.

Социально-экономическому разделу «Стратегии» уделено большое внимание, 5 глав включают в себя приоритетные направления развития арктической и приарктической зоны России, сценарии социально-экономического развития и приблизительная оценка эффективности.

Экологический аспект – программа действий по охране окружающей среды в Арктике направлена на сохранение и защиту окружающей среды Арктики и устранение негативного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности. Она соответствует принятым принципам и нормам международного права, принимая во внимание отечественную и международную практику охраны окружающей среды. Она определяет принципы, цели, задачи и основные направления деятельности по обеспечению охраны окружающей среды в Арктическом регионе Российской Федерации с учетом ее возрастающего значения в региональном и глобальном контексте.

Культурный аспект – так же, как и экологический не имеет отдельной главы или параграфа, одной из задач поставленных в документе является «духовное обновление России» [3, с. 216]. Решение с помощью каких механизмов будет решаться определённая культурная задача, будет зависеть от рассматриваемого региона.

Политический аспект разделён на внутреннюю и внешнюю политику. Внешняя политика представлена в меньшей степени чем внутренняя, она упомянута в III главе как вспомогательная. Внутренней политике посвящено гораздо больше внимания, помимо вышеупомянутых социально-экономических разделов, внутренняя политика имеет и другие рычаги воздействия, например правовой, финансовый, организационный, информационный и исследовательский. Первым трём механизмам посвящена VII глава документа, а исследовательский механизм упоминается в VI главе, где речь заходит об увеличении интеллектуального присутствия России в Арктике.

Закончив краткий обзор, мы обращаем внимание на первую главу Стратегии, а именно первый подпункт «Идеологические основы Стратегии». Какой идеологической основы придерживается документ для обоснования

использования тех или иных механизмов при достижении поставленных целей? Давайте рассмотрим подробнее.

Сначала в документе описывается прогнозный период в контексте глобальной экономики, появление новых экономических центров в Азии и в Латинской Америке.

Дальше, по нашему мнению, идёт один из важных пунктов, об альтернативных источниках энергии. Они не смогут в плоть до середины века стать реальными заместителями газа и нефти. В условиях истощения месторождений углеводородов в освоенных районах, технико-экономическими ограничениями, связанными с извлечением тяжелой нефти, разработкой битуминозных песков, эти обстоятельства объективно предопределяют смещение центра тяжести добычи нефти и газа в Арктическую зону России, прежде всего на шельф [3, с. 10].

Дальше рассказывается о возможностях и механизмах развития арктических проектов для получения максимальной выгоды.

А следующий пункт не менее важен чем предыдущих два, в нём говорится о том, что Арктическая зона одновременно нерасторжимо связана с остальной Россией, является неотъемлемой частью ее национальной идентичности, легендарного прошлого наследия и будущего развития. Помимо этого, в стратегии выделены ключевые слова **знание, присутствие, рост.**

Знание – реализация интеллектуального потенциала, укрепление научных исследований, интенсифицировать российские арктические исследования, сосредоточить лучшие материально-технические и интеллектуальные ресурсы страны на приоритетных направлениях арктической науки и практики.

Присутствие – устойчивое развитие, поддержка местного населения, а также обеспечения его защитой с помощью силового аппарата.

Рост – не останавливаться на достигнутом, формирования новых региональных и межрегиональных зон опережающего развития, создания новых городских агломераций и территориально-производственных кластеров – конкурентоспособных комплексов взаимосвязанных

высокотехнологичных производств на определенной территории, ориентированных на глубокую переработку сырья и производство энергии, обеспечивающих освоение ранее необжитых районов.

Исходя из перечисленного, необходимо определить в рамках Арктического вопроса, какой подход использует стратегия для достижения цели?

Для этого необходимо провести контент-анализ документа.

В качестве единицы счёта были взяты экономические и политические термины.

Освоение – Упоминается в документе 56 раз, сопровождается упоминанием экономически важной зоны или месторождения полезных ископаемых.

Международный – Упоминается в документе 60 раз.

Сотрудничество – упоминается 13 раз.

Развитие – упоминается 268 раз.

Создание – 105 раз.

Инфраструктура – 160 раз.

Фонд – 39 раз.

Экономика/экономический – 562 раза.

Защита – 52 раза.

Промысел – упоминается 60 раз.

Духовность – упоминается в документе 4 раза.

Ценность – 7 раз, 1 раз в техническом, 6 раз в культурном аспекте.

Помимо этого, в поставленных целях стратегии внутривнутриполитической сфере – 5 задач. Сфере государственной и общественной безопасности – 7 задач.

Социокультурной сфере – 2 задачи. Сфере пространственного развития – 4 задачи. Экологической сфере – 2 задачи. Научная и инновационная сфера – 2 задачи. Информационная сфера – 1 задача. Международная сфера – 1 задача.

Таким образом можно сделать вывод о том, что для решения поставленных задач стратегия придерживается преимущественно

экономического пути. Политический аспект стратегии является вспомогательным. Он, используя правовые и организационные механизмы помогает создать экономическую основу для достижения целей.

Список источников и литературы

1. Дайнеко И. В., Мухин М. А. Термин "идеология" и его употребление: история и современность // Вестник Науки и Творчества. 2020. №9 (57). С. 5-10.

2. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175I40U0K46x4SsKRHGfUO.pdf> (29.04.2023).

3. Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс] URL: www.minregion.ru/upload/02_dtp/101001_str.doc (29.04.2023).

**Протоколы парламентских дебатов как исторический источник
при изучении истории внешней политики Швеции**

Ключевые слова: делопроизводство, протокол, Риксдаг, внешняя политика Швеции.

22 марта 2023 года парламент Швеции подавляющим большинством голосов одобрил историческое решение об окончании 200-летней политики неприсоединения, чтобы стать 32-м членом Североатлантического альянса [6]. В непростой политической конъюнктуре скандинавское королевство было ограничено интеграцией с НАТО, учитывая устойчивую евроатлантическую направленность истеблишмента и внешние обстоятельства. Однако в конце 1940-х гг. в Швеции обрисовывалось несколько вариантов для формирования дальнейшего внешнеполитического курса, где основной дискуссионной площадкой был Риксдаг, ключевой институт уже действовавшего в политической системе страны принципа парламентаризма [5].

В данном докладе будет затронута проблема репрезентативности протоколов парламентских дебатов как источника по истории внешней политики Швеции, в данном случае ограниченной вышеупомянутым периодом, а именно 1948–1949 гг. В эти годы происходят такие значимые для позиции Стокгольма события, как подписание Договора о дружбе между СССР и Финляндией, вопрос участия в Программе восстановления Европы (план Маршалла), Февральские события в Чехословакии, Блокада Западного Берлина, а также попытки создания Скандинавского оборонительного союза как первого политического регионального объединения скандинавских стран [8]. Поэтому стоит разобраться с тем, насколько целостную картину тех исторических событий может сформировать для исследователя эта разновидность делопроизводственных документов и представляют ли научный интерес.

В документоведении под протоколом понимается «запись хода обсуждения различных вопросов и принятых решений на заседаниях, совещаниях, собраниях и т.п.» [3]. В случае с работой законодательных

органов власти понятие конкретизируют и определяют, как документ информационного характера, фиксирующий ход рассмотрения вопросов и принятия решений на заседаниях коллегиальных, совещательных, координационных, экспертных органов. В полном протоколе парламентских дебатов записываются не только решения, фамилии ораторов, обсуждавшиеся вопросы, но и подробное содержание докладов и выступлений участников заседания.

Протоколирование пленарных заседаний Риксдага происходит следующим образом: протоколы составляются в виде списка на каждый календарный месяц и содержат информацию о том, когда было принято решение по каждому вопросу и кто его принял. Быстрая запись публикуется примерно через шесть часов после окончания последних дебатов [11]. Полный протокол готов через несколько недель. Особые мнения (*votum separatum*) также содержатся в открытых документах парламента, которые подписываются премьер-министром на следующий месяц [8].

При работе с произведениями коллективного творчества, куда входит и делопроизводственная документация, необходимо брать в расчет авторские группы, позицию руководителей, социальные цели, непосредственных исполнителей и другой контекст. К примеру, в междисциплинарном исследовании шведских ученых «Критика источников для Интернета» на примере сайтов Белого дома и Конгресса США отмечается разница в степени достоверности находящейся там информации. В первом случае сайты, созданные официальными учреждениями, такими как правительства (с обозначением «.gov»), интуитивно воспринимаются как заслуживающие доверия, искушающее совершить логическую ошибку в виде апелляции к авторитету [7]. Однако стоит учесть, что законодательные учреждения в этом плане несколько отличаются, так как в них представлен более широкий круг субъектов взаимоотношений с разными интересами. Поэтому здесь есть некий консенсус и основания для публикации документов, наиболее объективно отражавших суть прошедших событий. В настоящее время оцифрованные

протоколы и другие корпоративные документы Риксдага также можно получить в свободном доступе на сайте парламента, что еще больше облегчает работу историку. Поэтому описанное выше применительно и к протоколам дебатов в Риксдаге 1948–1949 гг., с одной лишь разницей: поскольку до 1971 г. в шведском парламенте было две палаты, для получения соответствующей информации необходимо проследить ход дебатов по протоколам двух палат.

В научной работе к использованию протоколов конца 40-х — начала 50-х гг. XX в. прибегало немало отечественных историков, в частности О. В. Зарецкая [1], Е. В. Корунова [2], А. И. Рупасов [4]. Однако обращает внимание исследование шведского исследователя С. Лунда «Дебаты по вопросам шведской политики обороны и внешней политики относительно возможности создания Северного оборонительного союза и НАТО в 1948–1949 гг.», в котором предпринята попытка представить целостную картину оформления внешней политики Швеции на основе парламентских протоколов данного периода [8]. Из всего текстового массива путем контент-анализа были агрегированы следующие источники:

- протоколы № 1–13; 24–32 первой палаты (1948);
- протоколы № 1–9; 24–32 второй палаты (1948);
- протоколы № 1–13 первой палаты (1949);
- протоколы № 1–12 второй палаты (1949).

Вышеперечисленные документы смогли сформировать единую межпартийную дискуссию в парламенте относительно будущего внешней политики Швеции на момент институционализации биполярной международной системы. Более того, полнота выступлений членов палат Риксдага и разнообразие точек зрения по повестке позволило исследователю проанализировать и систематизировать в одну таблицу позиции спикеров и их партии по отношению к следующим параметрам:

- участие в Плане Маршалла;
- создание Северного оборонительного союза
- интеграция с НАТО;
- отношения с Советским Союзом;

- политика нейтралитета;
- адаптируемая политика в противовес негибкому нейтралитету.

На основе проведенного контент-анализа автор смог сделать следующие выводы: в обозначенный период благодаря таким фигурам, как премьер-министр Таге Эрландер и министр иностранных дел Эстен Унден в политике безопасности Швеция ориентировалась на нейтралитет и Скандинавский оборонительный союз как на некий третий путь в биполярном противостоянии. Социал-демократы, возглавлявшие правительство, пользовались поддержкой четырех демократических партий в парламенте, и соответственно, была сильная сплоченность вокруг идеи образования политического регионального объединения скандинавских государств [10]. Однако в 1949 г. мнения в Риксдаге несколько изменились: все больше голосов высказывалось за присоединение к Западу и все меньше – за сохранение нейтралитета. Народная партия (современные Либералы) демонстрировало изменение в политике, связанное с тесными связями в оборонном ведомстве. Помимо этого, тема плана Маршалла служила катализатором, вокруг которого разогревались дискуссии о том, должна ли Швеция присоединиться к Западу или оставаться нейтральной. Почти каждый раз, когда речь заходила об этом плане, озвучивались голоса за и против американской инициативы. Оценка давалась полярная, в частности план трактовался и как «империалистическая идея по подавлению рабочего класса», и как «экономическое сотрудничество со своими идеологическими побратимами на континенте» [9].

Автору, в основном опираясь на протоколы заседаний, удалось определить позиции выступающих и партий по ключевым вопросам внешней политики, выявить причины принятия решений правительством Швеции и политических лидеров в процессе принятия этих решений. Однако с таким видом делопроизводственной документации в качестве исторического источника труднее будет проводить изыскание при изучении более протяженного исторического периода в силу значительного увеличения объема рассматриваемых документов и

объединения полученной при контент-анализе информации. Помимо этого для объективной и всеобъемлющей оценки того или иного события требуется и привлечение других документов таких, например, как мемуары, пресса и другие, и всестороннее сравнение данных.

Список источников и литературы

1. Зарецкая, О.В. Регионализм во внешней политике Норвегии и Швеции : 1945-2000 гг. Автореферат дис. На соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2008.

2. Корунова Е.В. Нейтралитет или участие? Вторая мировая война и эволюция внешнеполитических концепций скандинавских стран // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 3 С. 222-256.

3. Панкова, Т. Ю. Протокол заседаний законодательного (представительного) органа // Современные технологии документооборота в бизнесе, производстве и управлении : Сборник статей XVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 29–30 мая 2017 года. Том Выпуск 17. – Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2017. – С. 83-90.

4. Рупасов А.И. «Сползающая маска нейтральности». Советско-шведские отношения в конце 1940-х начале 1950-х гг. // Новейшая история России. 2014. №1. С. 157-180.

5. Якупова, Ю. Р. Политическая культура и социальное государство: опыт Швеции. Исторические предпосылки // Вопросы гуманитарных наук. – 2008. – № 6(39). – С. 392-399

6. Beslut: Sveriges medlemskap i NATO [Электронный ресурс] URL: https://www.riksdagen.se/sv/webb-tv/video/beslut/beslut-sveriges-medlemskap-i-nato_HAC320230322UU16 (29.04.2023).

7. Leth G. Källkritik för Internet. Stockholm: Styrelsen för psykologiskt försvar, 2000.

8. Lund S. Svensk säkerhets och utrikespolitisk debatt angående en möjlig Nordisk Försvarsunion samt NATO under åren 1948-1949 [Электронный ресурс] URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:902131/FULLTEXT01.pdf> (29.04.2023).

9. Riksdagens protokoll. Andra kammaren 1949, B01, Bd 1. Nr 1-12; [10 januari-30 mars] [Электронный ресурс] URL: <https://weburn.kb.se/riks/metadata/46/19569246.html> (29.04.2023).

10. Riksdagens protokoll vid lagtima riksmötet årFörsta kammaren 1948, A01, Bd 1. Nr 1-13; [10 januari-7 april] [Электронный ресурс] URL: <https://weburn.kb.se/riks/metadata/97/19569197.html> (29.04.2023).

11. Riksdagens protokoll 2022/23:100 [Электронный ресурс] URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/protokoll/protokoll-202223100-fredagen-den-28-april_HA09100 (29.04.2023).

Эволюция риторики предвыборных программ национал-консервативных движений Швеции, 1980-н.в.

Ключевые слова: «Шведские демократы», национал-консерватизм, Швеция, политическая агитация

На парламентских выборах в Швеции 11 сентября 2022 года в значительной степени отметились «Шведские демократы», которые создали прецедент, получив более 20 процентов голосов. В результате правые увеличили свою поддержку больше, чем любая другая партия, и стали второй по величине парламентского представительства политической партией в Швеции. Результатом данных выборов стала закономерная отставка правительства социал-демократов, а также формирование нового коалиционного правительства правых, христианских демократов и умеренных во главе с Ульфом Кристерссоном в качестве премьер-министра из Умеренной партии. Все это явно указывает на сползание Европы вправо и закрепляет радикальную правую повестку в стране, которая давно пользуется спросом среди широких слоев населения ввиду своей популистской риторики.

Партия «Шведские демократы» (Sverigedemokraterna) является одним из самых известных политических субъектов в Швеции. За свою относительно короткую историю эта партия прошла значительную эволюцию, особенно в отношении своей риторики и политических позиций. В общей эволюции риторики предвыборных программ партии следует выделить несколько этапов:

Партия «Шведские демократы» была основана в 1988 году и изначально была ассоциирована с националистическими и ксенофобскими идеями. В этом периоде риторика партии была ориентирована на противодействие иммиграции и защиту шведской культуры. Однако, партия находилась в политической изоляции и не обладала существенным влиянием. В конце 1990-х годов и в начале 2000-х годов «Шведские демократы» начали вносить изменения в свою риторику, смягчая

некоторые из своих ксенофобских тезисов. Партия стремилась создать более приемлемый образ для избирателей, подчеркивая значимость традиционных шведских ценностей, демократии и социального равенства. Этот период сопровождался ростом популярности партии, которая впервые преодолела процентный барьер и получила места в парламенте.

В последующие годы партия «Шведские демократы» получила значительное количество мест в парламенте и стала значимым фактором в политической системе Швеции. Ее риторика и политические позиции вызывали острую критику со стороны других партий и общественности, в связи с обвинениями в расизме и ксенофобии. В ответ на критику партия признавала свои ошибки в прошлом и ставила более мягкие акценты в своих высказываниях, уделяя большее внимание экономическим и социальным вопросам.

В 1980-гг. ведущие деятели праворадикальных организаций Швеции консолидировались, чтобы сформировать партию нового типа. Стоит отметить, что в конце 1980-х годов государство столкнулась с ростом иммиграции и социальными изменениями, вызывающими тревогу у значительной части населения. В этом контексте "Шведские демократы" представили свою политическую программу, которая отражала общественные настроения и опасения относительно иммиграции и национальной идентичности.

Первоначально у партии не было единого централизованного лидера, и вместо этого ее возглавляли два чередующихся представителя. В 1988 г., когда ее единственным официальным председателем партии и главой национального совета шведских демократов стал осужденный бывший нацистский активист Андерс Кларстрём. Отмечается, что 1984 г., до основания Шведских демократов, Кларстрем был связан и посещал собрания партии Северного рейха, национал-социалистической партии старой школы, в семнадцатилетнем возрасте. В том же году он также был признан виновным в анонимных антисемитских телефонных пранках с писателем и режиссером Хагге Гайгерту и оштрафован. Все это явно

указывает на характер бэкграунда партии, при том, что тот же Кларстрём участвовал в написании первой партийной платформы.

В 1989 году партия Шведские демократы (Sverigedemokraterna) представила свою политическую программу [1], которая оказала влияние на политическую атмосферу в Швеции. Основопологающим аспектом программы года была их позиция по вопросу иммиграции. Партия выступала за существенное снижение иммиграционных потоков, строгую миграционную политику и предоставление приоритета шведским гражданам при распределении социальных льгот. Также была высказана обеспокоенность сохранением шведской культуры и традиций.

Шведские демократы подчеркивали важность сохранения шведской национальной идентичности и культурного наследия. В программе были выражены опасения относительно возможной потери исконных шведских ценностей в результате массовой иммиграции. Партия призывала к защите и продвижению шведского языка, культуры и обычаев. Политическая программа Шведских демократов также затрагивала экономические вопросы. Партия выступала за поддержку шведской промышленности, создание рабочих мест и защиту социальных прав граждан. Она также высказывала призывала к более строгой бюджетной политике.

Таким образом, политическая программа партии Шведские демократы 1989 года отражала опасения и настроения, присутствовавшие в шведском обществе того времени. Она сфокусировалась на вопросах иммиграции, национальной идентичности и экономической политике. Программа эта стала отправной точкой для дальнейшего развития и эволюции партии в последующие годы.

Пик политической активности «демократов» приходится на 1990-гг. Это время крупных скандалов для партии, так и период ее обновления. Примечательно, что еще в начале десятилетия никаких явных предпосылок к тому, что через несколько лет Шведским демократам удастся из разряда маргинальных партий не было, о чем свидетельствует политическая программа партии 1994 года.

Политическая программа Шведских демократов 1994 года продолжала продвигать риторику по вопросу иммиграции: «Моральное разложение, безудержная иммиграция и умеренные наказания за преступную деятельность, сделали Швецию рассадником международных преступников» [2]. Партия выступала за контролируемое снижение иммиграционных потоков, ужесточение правил и условий для получения гражданства, а также предоставление приоритета шведским гражданам при распределении социальных льгот.

В тексте также затрагивались экономические вопросы. Партия выступала за поддержку шведской промышленности, стимулирование создания рабочих мест и улучшение условий для предпринимателей. Они также призывали к сокращению бюрократической нагрузки на бизнес и облегчению налогового бремени. Высказывались в пользу укрепления законности и обеспечения порядка в обществе. В программе содержались предложения о более жестком наказании за преступления и более эффективной работе правоохранительных органов.

Политическая программа партии "Шведские демократы" 1994 года отражала их позиции по ключевым вопросам иммиграции, национальной идентичности, экономической политики, законности и порядка, хотя, в сущности, не посягала на идеологические основы партии. В этот период партия продолжала продвигать повестку, занимаемую правыми ранее.

С преобразованием партии связаны события 1995 г., когда в партию вступил Йимми Окессон, человек сделавший стремительную карьеру, пройдя путь от отдела по связям с общественностью до лидера партии, коим он является по сегодняшний день. В период его непосредственного руководства Шведские демократы стремились дистанцироваться от своих нацистских корней и в этом туре выборов называли себя просто социально-консервативной партией с националистическими ценностями. Стоит отметить, что программа 1996 года все также пестрила различными эпитетами в сторону социал-демократических правительств, а также марксистов и либералов. Хотя при всем этом, Шведские демократы с таким же презрением отвергают нацистскую идеологию и практику, [3]. К

концу десятилетия партия предприняла дальнейшие шаги по цивилизованной адаптации, смягчив свою политику в отношении таких спорных моментов как вопросы смертной казни и иммиграции. В рамках своего стремления создать более мягкий образ, был также изменен логотип партии: от шведского флага, воплощенного в виде пылающего факела, до цветка щитолистника желтого и синего цветов флага. Стоит понимать, что «демократы» пытались создать благоприятный имидж для электората и истеблишмента, поскольку большинством они воспринимались как маргинальное формирование деструктивных элементов. Иными словами, партия стремилась изобразить себя как защитника «обычных людей» против коррумпированной элиты в разгар глобальной рецессии.

В 2003 году наметился явный отход от прежнего образа и риторики. Более всего это проявляется в отношении к правам и свободам. Шведские демократы проявляли уважение к правам человека, а защита культурной идентичности проявляется сугубо в рамках национального государства [4]. Хотя они все также сосредоточилась на вопросах иммиграции, национальной идентичности и культурных аспектах, общий правый посыл перерастал в некий социальный консерватизм. Как отмечалось: «Цель состоит в том, чтобы объединить принцип фундаментального социальная справедливость с традиционными ценностно-консервативными идеями.». С одной стороны, заметно обновление партии и приобретение нового имиджа, однако при этом сохранялись ключевые лозунги партии.

В 2005 году были намечены наблюдалось дальнейшее изменение риторики [5]. В этой программе наряду с традиционным требованием о необходимости снижения иммиграции, прежде всего, из мусульманских стран, среди важнейших задач партии были обозначены усиление социальной защиты пенсионеров, активизация борьбы с преступностью и пересмотр членства Швеции в ЕС. Они выступали за поддержку шведской промышленности, создание рабочих мест и улучшение условий для предпринимателей. Труд здесь рассматривался как: «Единственный верный путь к достижению прочного личного и всеобщего процветания».

В политической программе 2005 года Шведские демократы стремились к более широкому признанию и принятию в обществе.

Отмечая общие тенденции характерные для 2010-гг., когда «демократы» впервые дебютировали на выборах в Рикстаг и набрала солидные для себя 6% начинается новый этап в становлении крупного игрока шведской политики. В политической программе Шведских демократов 2011 года [6] наблюдалась дальнейшая эволюция и расширение позиций партии. В целом, партия стремилась предложить решения на более широкий спектр проблем, которые волновали шведское общество. Она продолжала заниматься вопросами иммиграции и национальной идентичности, но также включала в свою программу более широкий спектр вопросов. Особое внимание получили вопросы, связанные со здравоохранением, образованием, экономикой и окружающей средой. Отмечалось, что «Экологическое мышление и осведомленность должны быть руководящими в области энергетической политики». На протяжении последних лет партия Шведские демократы продолжает играть важную роль в политической жизни Швеции. Ее риторика сосредоточена на вопросах безопасности, иммиграции, интеграции и национальной идентичности. Партия активно пропагандирует шведскую суверенность и ограничение миграционных потоков, в то же время обращая внимание на социальные аспекты и важность благосостояния граждан.

Эволюция риторики партии Шведские демократы прошла через несколько этапов, от ксенофобских идеалов до более умеренных и приемлемых политических позиций. Влияние этой партии на политическую атмосферу Швеции продолжает вызывать дебаты и разногласия в обществе. В будущем будет интересно наблюдать, какое место будет отведено Шведским демократам на фоне явно намечающихся политических успехов.

Список источников и литературы

- 1 Sverigedemokraternas partiprogram 1989. URL: http://www.sdarkivet.se/files/program/program_1989.pdf [дата обращения: 17.05.2023].
- 2 Sverigedemokraternas partiprogram 1994. URL: http://www.sdarkivet.com/files/program/program_1994.pdf [дата обращения: 17.05.2023].
- 3 Sverigedemokraternas partiprogram 1996. URL: http://www.sdarkivet.com/files/program/program_1996.pdf [дата обращения: 17.05.2023].
- 4 Sverigedemokraternas partiprogram 2003. URL: http://www.sdarkivet.com/files/program/program_2003.pdf [дата обращения: 17.05.2023].
- 5 Sverigedemokraternas partiprogram 2005. URL: http://www.sdarkivet.com/files/program/program_2005.pdf [дата обращения: 17.05.2023].
- 6 Sverigedemokraternas partiprogram 2011. URL: http://www.sdarkivet.com/files/program/program_2011_tryck_1.0.pdf [дата обращения: 17.05.2023].
- 7 Бадаева А. С. Праворадикальные партии и иммиграция в страны Скандинавии // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С. 78–86.
- 8 Бадаева. А. С. Ультраправые в Швеции: от неонацизма к центру // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2019. №4. – С. 88–105.
- 9 Белинский А.В. Правый популизм как вызов для системы евро-атлантической безопасности // Проблемы европейской безопасности. – М., 2018. – Вып. 3. – С. 235–254.
- 10 Болотникова Е. Г. Праворадикальные партии современной Швеции / Е. Г. Болотникова // Вестник МГИМО, 2011. №5. – С. 174–180.
- 11 Новикова И. Н., Толстова Е. В. Партийная система Швеции в свете парламентских выборов // ПОЛИТЭКС, 2011. №3. – С. 166–181.
- 12 Рябиченко А. В. Успех партии «Шведские демократы» как элемент трансформации шведской партийно-политической системы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2014. №1. – С. 28–31.

Памятники советским воинам-освободителям как объекты исторической политики (на примере «войн памятников» в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии)

Ключевые слова: Вторая Мировая война, историческая память, историческая политика, памятники, места памяти, войны памятников, войны памяти

В странах Восточной Европы и Балтии сегодня ведется борьба с памятью о Второй мировой войне и о героях, отдавших жизни за освобождение Европы и мира от нацизма. Политические деятели этих стран ведут «войны памятников» с целью вытеснить или исказить роль советского солдата-освободителя во Второй мировой войне; уничтожить память о ключевой роли СССР в разгроме нацизма; предать забвению жертвы советского народа ради победы.

Памятники Второй Мировой войны – наиболее характерные и яркие источники исторической памяти народов. В памятнике запечатлено героическое событие или герой. Старшее поколение через визуальную демонстрацию памятников, сопровождая его рассказом о конкретном событии или герое, передает память народа молодому поколению. Поэтому памятники Второй мировой войны как источники исторической памяти так важны. Они повествуют нам о событиях того времени. Государственные деятели стран Центрально-Восточной Европы и Балтии планомерно уничтожают памятники о Второй Мировой войне. Происходит искажение итогов войны. Фальсификация истории способствует появлению и культивированию неонацизма.

С 1980-х гг. по настоящее время на территории Украины планомерно уничтожают память о Второй мировой войне. Было уничтожено около 2,5 тысяч памятников [10]. Монументы советским солдатам стали на Украине главными врагами. Первым из них пал памятник в городе Стрый в 2009 году. При уничтожении памятника также была осквернена братская могила павших советских воинов-освободителей. Единственным памятником на Украине, оставшимся от советской эпохи и посвященный Второй мировой

войне, является «Родина Мать». Но с ее щита местные власти нацелены демонтировать советскую символику. Более того, наблюдается реабилитация Р. Шухевича, С. Бандеры, ОУН и УПА*. Помимо уничтожения памятников и монументов происходит массовое переименование улиц и городов.

По нашему мнению, памятники советским воинам-освободителям воспринимаются руководством стран Восточной Европы и Балтии как символ поражения во Второй Мировой войне, а не как символ освобождения от нацизма, и борьбу с памятниками можно расценивать как культивацию реваншизма.

После Второй мировой войны в странах Восточной Европы было установлено более четырех тысяч памятников советским воинам. В 1991 г. в Будапеште демонтирован памятник советскому солдату, павшему за освобождение Венгрии на горе Геллерт. С постамента была удалена звезда и имена 164 солдат-освободителей [10]. В 1990-е гг. из столицы Болгарии – Софии – в Россию в г. Тутаев перевезен и, тем самым, фактически спасен от уничтожения памятник Герою Советского Союза маршалу Федору Толбухину [8].

Сейм Латвии в одностороннем порядке сначала отменил один из пунктов российско-литовского договора о защите памятников, а затем, 12 мая 2022 г., принял решение снести памятник освободителям Риги от нацистских захватчиков несмотря на то, что тысячи горожан и гостей столицы собирались почтить память погибших воинов и возложить к монументу цветы. Шокирует и отношение местной администрации и коммунальных служб. Монумент обнесли забором в цветах флагов Украины и Латвии и запретили приближаться к памятнику менее, чем на 200 метров [8].

Министр внутренних дел Латвии Мария Голубева заявила о намерении властей уничтожить монумент советским воинам в Пардаугаве: «Этот памятник вносит раздор, поэтому от памятников оккупации надо избавляться, хотя, может быть, это будет эмоционально сложным

* Деятельность организаций запрещена на территории Российской Федерации

моментом для русскоязычного населения» [2]. Латышская организация «Ястребы Даугавы», учреждённая бывшими legionерами СС, добилась уничтожения памятника в городе Лимбажи, посвящённого советским морякам, павших смертью храбрых на этих берегах за освобождение Латвии. Официальные представители МИД Латвии заявили, что уничтожение памятников происходило в интересах безопасности граждан [11].

В Польше с 1 апреля 2016 г. применяется закон «О запрете пропаганды коммунизма или другого тоталитарного строя в названиях зданий и объектов». Он разрешает органам местного самоуправления сносить советские памятники. Происходит уничтожение мемориальных досок, осквернение захоронений советских солдат, павших за освобождение Европы от нацизма. В городе Легнице еще в 1993 г. был уничтожен памятник маршалу Советского Союза, дважды герою СССР, Константину Рокоссовскому [10]. В городе Лиманове, на юге Польши, в 2014 г. уничтожили памятник советским воинам. Официальное мнение местных властей: «Монумент испортил ландшафтный дизайн парковой зоны».

В городе Нова-Суль, на западе Польши, в 2015 г. уничтожили памятник советско-польскому боевому братству. Недостойно высказывался о памятнике и мэр города, говоря «что он огромный и ржавый» [13]. Все действия польских властей проходят незаконно, так как согласно российско-польским соглашениям стороны обязаны следить за содержанием памятников и братских захоронений солдат. В населенном пункте Хржовице, в прямом эфире, директор Института национальной памяти Польши К. Навроцкий 23 марта 2022 г. руководил уничтожением монумента, воздвигнутого на захоронении 620 советских солдат, и прокомментировал эти действия тем, что «за этим символом скрываются преступления коммунистического режима» [11].

На месте уничтоженных памятников советским воинам польские власти возводят памятники, посвященные Армии Крайовой. Такой памятник возведен в 1998 г. в парке им. Владислава Жокетек в городе

Влоцлавеке. Возведение в 1999 году памятника «Подземному Польскому государству и Армии Крайовой» на улице Яна Матейки напротив здания Сейма в Варшаве [14].

В Варшаве на Волынской площади 12 сентября 1993 г. был открыт памятник «Волынской 27-й пехотной дивизии Армии Крайовой». На Виленской площади на месте уничтоженного памятника советским воинам-освободителям появилась странная стеклянная фигура [4].

Отдельно следует отметить недавнюю волну осквернений памятников павшим за освобождение Европы от нацизма советским солдатам. Так, только на территории Германии полицией было зафиксировано более 10 случаев актов вандализма [3]. В Словакии на памятник павшим воинам Краской армии краской нанесли нацистскую символику - знак «волчий крюк».

Главная роль памятников Второй Мировой войны заключается в сохранении памяти жертв той войны и роли, которую сыграл СССР в разгроме нацизма. Необходимо сохранение этой памяти для будущих поколений неискаженной, для предотвращения Третьей Мировой войны

Список источников и литературы:

1. Александр Сокуренок. «Нет места для красной звезды». Польша и Германия массово сносят советские памятники. Украина.РУ.// <https://ukraina.ru/exclusive/20220324/1033607035.html>. (22.03.2023).
2. Андрей Сидорчик «Мир напополам. 9 Мая Европа выбрала сторону нацизма?» // Аргументы и Факты. // https://aif.ru/politics/world/mir_napopolam_9_maya_evropa_vybrala_storonu_nacizma. (22.03.2023).
3. В США назвали уничтожение памятников советским солдатам глупостью.[Электронный ресурс]. РИА. РУ. <https://ria.ru/20220425/pamyatnik-1785420312.html>. (22.03.2023).
4. Георгий Зотов. Война с мертвыми. Почему Польша сносит памятники советским воинам? АИФ.РУ//

https://aif.ru/politics/world/voyna_s_myortvymi_pochemu_polsha_snosit_pamyatniki_sovetskim_voinam. (22.03.2023).

5. Касьянов Г. Украина-1990: «Бои за историю» //Журнальный зал – Русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/1/ukraina-1990-boi-za-istoriyu.html/>. (22.03.2023).

6. Морозов И.А., Ткачук Л.А. «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий //Этнографическое обозрение. 2019. №1. С.11-26.

7. От принятия до отрицания: как в Европе относятся к советским военным мемориалам //РЕАЛЬНОЕ ВРЕМЯ. 05.11.2019. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/156806-v-evrope-snosyat-sovetskie-pamyatniki/>. (22.03.2023).

8. Парламент Латвии разрешил снос памятника Освободителям Риги [Электронный ресурс] <https://iz.ru/1333381/2022-05-12/parlament-latvii-razreshil-snos-pamiatnika-osvoboditeliam-rigi>. (01.05.2022)

9. Петр Светов «Фактически убивалась память»: как проходила декоммунизация на Украине» //<https://russian.rt.com/ussr/article/966157-snos-pamyatniki-pereimenovanie-dekommunizaciya>.

10. Снос военных советских памятников за рубежом. Досье [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/info/1389665>. (01.05.2022)

11. Филипп Алексеенко. Война с памятниками: как в разных странах сносят военные монументы.// <https://zen.yandex.ru/media/news.ru/steret-iz-pamiati-pochemu-vostochnaia-evropa-snosit-monumenty-sovetskim-voinam-60d5b263e87cb76746365b23>. (22.03.2023).

12. Шамшиев А. «Болваны и тонны бетона»: хроника опальных мемориалов //RUBALTIC.RU. 08.04.2016. URL: https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/080416-memorialy/?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru/. (22.03.2023).

13. Юрий Буряк. Стереть из памяти. Почему восточная Европа сносит монументы советским воинам// NEWS.RU <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d>. (22.03.2023).

14. Pomnik Polskiego Państwa Podziemnego i Armii Krajowej w Warszawie.JPG//https://puszka.waw.pl/pomnik_polskiego_panstwa_podziemnego_i_armii_krajowej-projekt-pl-788.html. (22.03.2023).

15. Prezydent: Holokaust to część naszej narodowej pamięci //PREZYDENT.PL. Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 01.09.2019. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wywiady/prezydent-holokaust-to-czesc-naszej-narodowej-pamieci,4743/>. (22.03.2023).

«Проект регламента Главной и Московской Полицмейстерским канцеляриям...» как исторический источник

Ключевые слова: история полиции в России, Полицеймейстерские канцелярии, история Российской империи, уставы полиции, Регламент Полицмейстерской канцелярии

Важным этапом в становлении Российской империи, как государства нового времени являлось создание полиции как централизованного органа исполнительной власти [1, с. 5-6]. Ранее ответственность за поддержание порядка лежала на Земском приказе, военных, стрельцах, обыщиках, десяцких и городских [5, с. 214]. Их обязанности не были четко прописаны в законодательстве и часто дублировали друг друга, что создавало конфликты во время расследования преступлений. Зачастую сами потерпевшие и свидетели преступления должны были ловить преступников и собирать доказательства [12, Т. I. № 1. С. 1–161.].

В 1718 году Петр I приказывает создать в Санкт-Петербурге Полицейскую канцелярию, задачей которой была не только поимка преступников, но также поддержание порядка на городских улицах, и надзор за моральным обликом жителей столицы [13, Т. V. № 3203. С. 569–571]. Однако обязанности и функции полиции были четко закреплены в законодательстве только в конце XVIII века Екатериной II, что негативно влияло на их эффективность [1, с. 122]. В крупных городах, кроме Санкт-Петербурга и Москвы, где полиция должна была существовать согласно указам Петра I [14] и Анны Иоановны [15], она фактически не функционировала [15].

С момента создания Полицмейстерской канцелярии в 1718 году и до принятия Устава благочиния в 1782 году полиция продолжала существовать без единого устава и свода правил. Данная ситуация правовой неопределенности затрудняла работу этого государственного органа. Поэтому одной из задач, созданной Елизаветой Петровной в 1754 году уложенной комиссии было составление полицейского устава.

В историографических исследованиях деятельности уложенных комиссий второй половины XVIII века можно выявить общую позицию исследователей, которые утверждают, что деятельность законотворческого органа не имела успехов и не принесла результатов [6; 7; 8; 10, с. 38; 11]. При этом они зачастую не рассматривают подготовленные проекты и не изучают процесс работы над ними, что является упущением в истории законодательства Российской империи [2; 4; 9].

В данном исследовании будет представлен анализ «Проекта регламента Главной и Московской Полицмейстерским канцеляриям, а равно губернаторам и воеводам, сочиненный коллежским советником Козловым», который был разработан в рамках работы Уложенной комиссии 1754–1766 гг. [16].

Источниковая база исследования состоит из неопубликованных делопроизводственных материалов Уложенной комиссии 1754–1766 гг., которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Данные материалы входят в состав Фонда 342 «Комиссия о сочинении Нового Уложения (коллекция)».

Для анализа Проекта используются материалы «Определения и журналы комиссии с 1754 по 1766 г.» [17], «Об определении, награждении и увольнении чиновников Комиссии о сочинении Уложения с 1754–1766 г.» [18], «Наряд по счетной казначейской части Комиссии 1754-1766 г.» [19]. Внутренняя документация канцелярии Уложенной комиссии позволяет проанализировать как долго обсуждался проект регламента Полицмейстерской канцелярии, кто участвовал в его обсуждении, кто занимался его подготовкой. Основными методом данного исследования является источниковедческий анализ [3].

Проект начинается со вступительного слова, в котором, во-первых, кратко описывается история создания Полицмейстерской канцелярии, а во-вторых, содержится информация о создании данного законопроекта. Указано, что автором законопроекта является коллежский советник (на момент подписания закона статский советник) Иван Козлов, также в его

основе лежат некоторые предложения покойного Генерал-полицмейстера Алексея Даниловича Татищева [20]. Кроме того, во вступительном слове содержится информация о том, что Иван Козлов начал работать над проектом в 1755 году. Документ был подписан и направлен на рассмотрение в Сенат Сергеем Кошкильтом седьмого ноября 1760 года [20]. Наличие данного вступительного слова указывает на то, что работа над проектом была доведена до конца.

Проект устава полиции состоит из 71 главы. Их можно объединить в 8 тематических разделов. К некоторым главам сделаны пометки на полях. В них автор законопроекта ссылается на существующие нормативно-правовые акты, которые дорабатываются в определенной главе.

Первая группа глав (гл. 1, 2, 3, 5, 6, 9, 25, 27, 28, 61, 62, 71) содержит информацию о должности Генерал-полицмейстера, устанавливает размер штатов и жалованье, положенное направленным туда офицерам, указывает на то, каким образом размещаются в казармах полицейские, также регулируются вопросы содержания заключенных. Во второй группе глав (гл. 3, 4, 7, 8) описаны особенности ведения различной документации, которая сопровождает деятельность исполнительного органа власти. В третьей категории (гл. 10, 11, 14) затрагивается вопрос обеспечения социального порядка и борьбы с преступностью, а также регулируется деятельность розыскной экспедиции. Четвертая группа глав (гл. 12, 19) устанавливает обязанности полиции по слежению за моральным обликом подданных Российской империи, что включает в себя непосредственный надзор за нравами горожан, за происходящим в тавернах, а также слежение за соблюдением религиозных ритуалов и поведением прихожан в церквях. В пятой группе глав (гл. 15, 16) описывается то, что на полицию возложена функция миграционного контроля, слежения за иностранцами на территории городов, и проверки их документов. Шестая категория (гл. 18, 19, 20, 21) устанавливает обязанности полицейских надзирать за соблюдением ритуалов, чаще всего религиозных. Самая обширная по количеству глав седьмая категория (гл. 5, 13, 17, 22-24, 26, 28-43, 57, 59, 60, 64-66, 68-70) последовательно описывает все функции полиции,

связанные с надзором за городским пространством. Эти главы включают информацию о борьбе с пожарами, надзоре за строительством, о мощении улиц и возведении мостов, а также об особенностях, на которые полицейским необходимо обращать внимание в отдельных районах Санкт-Петербурга и Москвы. Последняя группа глав (44–56, 58, 63, 67) содержит указания о том, какую роль играют полицейские в вопросах регулирования торговли в целом и о регулировании распространения отдельных видов продуктов.

Уже исходя из этого можно заметить, что полиция все еще играла роль не столько государственного органа, нацеленного на борьбу с преступностью (хотя это и является одной из ее задач), сколько выполняла широкий спектр функций по контролю разных аспектов городской жизни: строительства, противопожарной безопасности и контроля торговли. Отдельно выделяются обязанности наблюдения за моралью горожан.

Регламент Полицмейстерской канцелярии, созданный Уложенной комиссией 1754–1766 гг. под руководством Коллежского советника Ивана Козлова не был утвержден в Сенате. Полиция продолжала функционировать без единого устава до вступления в силу «Устава благочиния» в 1782 году.

При сопоставлении рассмотренного законопроекта и «Устава благочиния» можно установить, что последний значительно расширяет список задач, которые стояли перед полицией и ее обязанностей. Орган исполнительной власти получил дополнительные полномочия в сферах контроля за деятельностью церкви и нравами подданных Российской империи. Также в «Уставе благочиния» больше внимания уделяется административному делению городов и распределению сотрудников полиции по вверенным им территориям. Главным различием между законопроектом 1760 года и «Уставом благочиния» является более универсальный характер последнего. Проект Статского советника Ивана Козлова уделял внимание особенностям функционирования Полицмейстерских канцелярий Москвы и Санкт-Петербурга, поскольку в этих городах деятельность полиции была наиболее активной и значимой

[1, с. 98]. Устав полиции Екатерины II написан так, чтобы значительная часть его положений была применима в любом городе, где согласно «Учреждениям к губерниям» появилась полиция [21].

Обязанности Генерал-полицмейстера, которые И. Козлов закреплял в своем законопроекте, не были подробно прописаны в законодательстве после завершения деятельности Уложенной комиссии 1754–1766 годов. Часть обязанностей, которые автор законопроекта приписывал главе полиции, стали выполнять наместники, однако непосредственно должность Генерал-полицмейстер потеряла свою значимость и так и не была подробно закреплена в законодательстве.

Информационный потенциал рассматриваемого источника имеет высокую значимость и представляет возможность для дальнейших исследований в области развития городского пространства в Российской империи в середине XVIII века.

Список источников и литературы

1. Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Три века российской полиции / А.В. Борисов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев. - М.: Рипол Классик, 2016. - 607 с.
2. Вернадский Г.В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754-1766 гг. / Г.В. Вернадский. - Б. М.: Б.и., 1914. С. 51–59.
3. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
4. Киселев М.А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста / М.А. Киселев // Российская история. 2014. № 4. С. 37–52.
5. Коллман, Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени; науч. ред. А.Б. Каменский. М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 616 с.

6. Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи составленные в царствование императрицы Екатерины II / А.С. Лаппо-Данилевский. - СПб.: Тип. В.С. Балашева и К., 1897. - 144 с.
7. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Т. 1. / В.Н. Латкин. - СПб.: Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1887. - 595 с.
8. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. / О.А. Омельченко. - М.: Юрист, 1993. - 428 с.
9. Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века / С.В. Польской // Cahiers du Monde russe. 53/2–3. Avril-September 2010. P. 303–328.
10. Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект Нового уложения «О состоянии подданных вообще» / Н.Л. Рубинштейн // Исторические записки. / Отв. ред. Б.Д. Греков. - М.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 38. С. 208–251.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23–24 / С.М. Соловьев; Отв. ред. Л.В. Черепнин. - М.: Мысль, 1964. - 715 с.
12. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. I. № 1. С. 1–161. (29 января 1649 г.)
13. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. V. № 3203. С. 569–571. (9 мая 1718 г.)
14. ПСЗ. Собр. 1-е. Т. VI. № 3708. С. 291–309. (16 января 1721 г.)
15. ПСЗ. Т. IX. № 6378. С.93-113.
16. РГАДА. Ф. 342. (Комиссия о сочинении Нового Уложения (коллекция)). - Оп. 1. - Д. 40. Ч. 1–2.
17. РГАДА. Ф. 342. - Оп. 1. - Д. 41. Ч. 1–11.
18. РГАДА. Ф. 342. - Оп. 1. - Д. 44. Ч. 1–5.
19. РГАДА. Ф. 342. - Оп. 1. - Д. 45. Ч. 3–11.
20. РГАДА. Ф. 342. - Оп. 1. - Д. 80.
21. Учреждєнія для управленія губерній всероссійскія Имперіи. М.: Печатано при Сенате, 1775. - 229 с.

**«Закон об интеграции» 2003 года как отражение политики
мультикультурализма Королевства Норвегия**

Ключевые слова: мультикультурализм, интеграция, норвежское законодательство, миграция.

Тенденции второй половины XX века: широкое распространение идей либерализма, увеличение миграционных потоков из стран Азии, Африки и Ближнего Востока, глобализация. Они стали прямыми предпосылками широкого распространения концепции мультикультурализма. Резкие изменения, происходящие в этноконфессиональном составе стран, принимающих к себе масштабные группы переселенцев, повлекли за собой и корректировки в нормах права. Так произошло и в Норвегии.

Цель данной статьи – анализ законодательного акта от 2003, являющегося частью миграционной политики Королевства Норвегия. Для полноценной трактовки документа необходимо обратиться к контексту событий того времени, поэтому важно рассмотреть ситуацию в стране до и после вступления закона в юридическую силу.

В Норвегии четкий дискурс и терминология относительно новой теории сложилась в 80-х гг. XX века, с этого времени в речах политиков можно слышать выражение «мультикультурная Норвегия» [17]. Автор многочисленных работ о скандинавских странах А. Хагелунд считает, что, несмотря на отсутствие официального подтверждения мультикультурализма в королевстве, в политических документах страны четко прослеживаются принципы многокультурного устройства общества. Норвежский социолог С. Скирбекк, критикуя мультикультурализм, обращает внимание на то, что такая система принижает коллективную культуру, что приводит к размытию национальности [6].

Большинство российских ученых отмечают разницу в мультикультурализме стран Западной Европы и Нового света (В.В. Малахов, В.А. Мамонова, А.И. Куропяткин). А.А. Борисов пишет, что

мультикультурализм следует трактовать *и как идеологию, и как политический феномен*, где этнические ценности первостепенны и даже порой возвышаются над общенациональными [1].

В королевстве Норвегия мультикультурализм – система политических мер, направленных на выстраивание симбиоза культур, этносов, конфессий, при доминировании идеи «государства всеобщего благоденствия», что предполагает сохранение национальных традиций мигрантов, совмещенных с осознанием и принятием базовых норм норвежского общества.

Белая книга 1997–1998 (white paper – официальный документ, транслирующий государственную позицию) декларирует обязательное участие в построении успешного многокультурного общества и «государства всеобщего благоденствия» всех категорий граждан. Такой подход обосновывал интеграционные процессы, которые предполагали вовлечение вновь прибывших лиц в общественную жизнь принявшей их страны.

Необходимо сказать, что до 70-х гг. XX века Норвегия, одна из самых северных стран Европы, была монокультурной страной. С тех пор процентная доля иммигрантов в общем населении страны постоянно увеличивается: с 1,5 % на начало 1970 года до 6,6 % в 2001 году [14, с. 16]. При этом отмечается, что за 1999 год количество иммигрантов возросло до 22 000 человек, что является самым «значительным приростом за всю историю» (по данным на 2000 год) [11]. Наибольший прирост пришелся на выходцев из Югославии (6 000), Ирака и Сомали (2 200 и 1 400). При этом группы иммигрантов второго поколения (лица, рожденные в Норвегии от детей мигрантов) – выходцы из Пакистана, и занимают второе место по численности после шведов.

Миграционная политика, проводимая парламентом, помогает справиться с внутренними проблемами страны. К таким проблемам относятся: низкая рождаемость автохтонного населения и быстрый процесс его старения. Правительство страны умело использует ситуацию с наплывом мигрантов (особенно в последние десятилетия), обеспечивая

демографический рост. С 2000 года количество проживающих в стране увеличилось с 4 478 497 млн чел. до 5 425 270 млн чел. (по данным на 2022 год) [15].

В 2002 году также на сайте SSB (Statistics Norway, Статистическое управление Норвегии) появляется отчет под заголовком «По-прежнему высокая иммиграция из Азии», где говорится, что более половины прироста иммигрантского населения за 2001 год приходится на выходцев из Азии (рис. 1) [12]. И в том же 2002 году Норвегия, как член УВКБ (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев), занимало 4-ое место по количеству принятых беженцев [9].

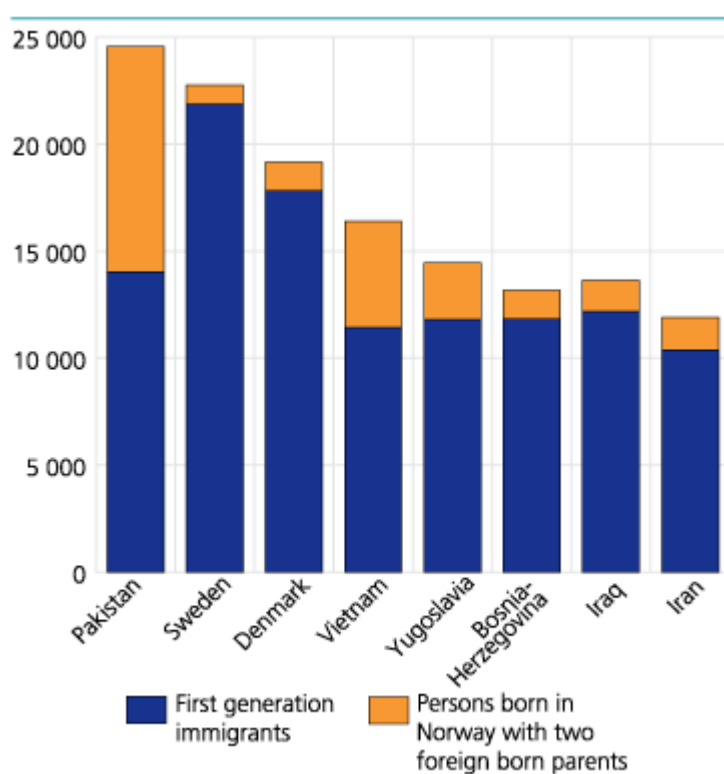

Рисунок 1. Иммигрантское население на 1 января 2002. Наиболее многочисленные группы.

- Первое поколение иммигрантов.
- Люди, родившиеся в Норвегии у родителей иностранного происхождения.

Однако, с наплывом иммигрантов появились и отрицательные моменты. Следствием подобной миграционной политики становится неравенство на рынке труда. Об этом свидетельствуют статистические данные. За 4-ый квартал 2002 года у иммигрантов из стран Африки оказался самый низкий уровень занятости – 43,7 %, из Южной и Центральной Америки – 59,6 %, выходцы из Азии и Восточной Европы имели уровень занятости 50,8 % и 56,9 % соответственно [10]. Если же сравнивать с уровнем занятости населения в целом, то цифры на 2003 год были следующие: 55,6 % среди мигрантов, у коренных жителей – 64,9 % [9].

Стремление иммигрантов из стран Африки и Азии к сегрегации и самоизоляции можно объяснить отличием их мировоззренческих ценностей от традиций и образа жизни, принятых в странах Европы. Это различие выступает сдерживающим фактором для адаптации и порой является причиной конфликтов, ущемляющих права меньшинств на основе религиозных убеждений [5, с. 133]. Материальная поддержка почти всем категориям приезжих помогает нивелировать вопросы социального неравенства, четкое квотирование групп иммигрантов позволяет контролировать их наплыв. Все эти меры элиминируют открытые столкновения на почве расизма, однако не решают главную цель правительства – обеспечение полноценного участия каждого жителя страны в развитии норвежского общества [18].

Особое место в нормативно-правовых актах, направленных на исправление ситуации, занимает Introduction Act 2003 года (полное название The Act on an introduction programme and Norwegian language training for newly arrived immigrants), в русскоязычной литературе встречается название «Закон о введении», «Закон об интеграции» или «Закон об адаптации» [5, с. 127].

Целью данного закона является расширение возможностей вновь прибывших иммигрантов для участия в трудовой и общественной жизни Норвегии, а также обеспечения их экономической независимости (Introduksjonsloven Citation 2003, глава 1) [15].

Ключевое место законодательного акта занимает так называемая «вводная программа», содержание которой включает обучение норвежскому языку (300 часов) и базовым знаниям о норвежском обществе. Участников готовят к выходу на рынок труда и к последующим программам повышения квалификации. В течение всего обучения курсанту-иммигранту назначается пособия, которые он может получить через муниципалитет. Калькуляции материальной помощи отведена отдельная статья, где в том числе указана ответственность за их необоснованное получение.

Согласно закону, прохождение программы является обязательным и приравнивается к официальному трудоустройству. Лица, имеющие право на проживание в стране, но не имеющие официального статуса «беженец» или «ищущий убежище», не имеют прав на бесплатное обучение по программе (глава 2, раздел 2(b)) [15]. Таким образом, действие закона распространяется прежде всего на беженцев и их семьи.

Возраст для прохождения программы определяется границами 18–55 лет, пройти ее необходимо в течение двух лет с момента получения регистрации в муниципалитете. При «особых условиях» участие может быть продлено до 3-х лет (глава 2, раздел 2) [15]. Иммигрант в возрасте от 55 до 67 лет имеет право, но не обязан проходить программу.

Обязательство организации процесса обучения по программам интеграции лежит на муниципалитетах, но ответственность за результат их реализации недостаточно четкая. Внятно определены сроки ее предоставления, содержание, регламентируются взаимоотношения с другими ведомствами.

В законе не раз обращаются к формулировке «measures that may be useful», «the measures in the program...», «measures that prepare the participant for...» (глава 2, раздел 4; раздел 6) [15], то есть в нем говорится о предоставлении «мер», которые могут быть полезны для интеграции, однако о каких точно «мерах» идет речь - не уточняется, что подразумевается под этими общими формулировками – не ясно. Это в свою очередь и делает ответственность муниципалитетов за

предоставление программ размытой. Но, с другой стороны, оставляет некую свободу действий для выполнения задач закона. Созданное в 2006 году Управление по интеграции и разнообразию (The Directorate of Integration and Diversity – IMDi), курирующее реализацию интеграционной политики, уточняет, что речь идет о консультировании родителей, рекомендациях по вопросам карьеры, трудоустройства и оценке предыдущего опыта работы иммигранта и уровня его образования.

Исходя из цели закона (участия на рынке труда вновь прибывших иммигрантов), на 2020 год находим, что 61 % участников «программы введения» были трудоустроены в течение года после окончания курсов [13]. Некоторых исследователей беспокоят столь низкие показатели. Они справедливо полагают, что именно отсутствие экономической независимости иммигрантов несет угрозу для устойчивого развития государства на пути к всеобщему благосостоянию [8]. Уровень занятости мигрантов остается низким, по сравнению с остальной частью населения. На 2021 год эта разница составляет 10 % (рис. 2).

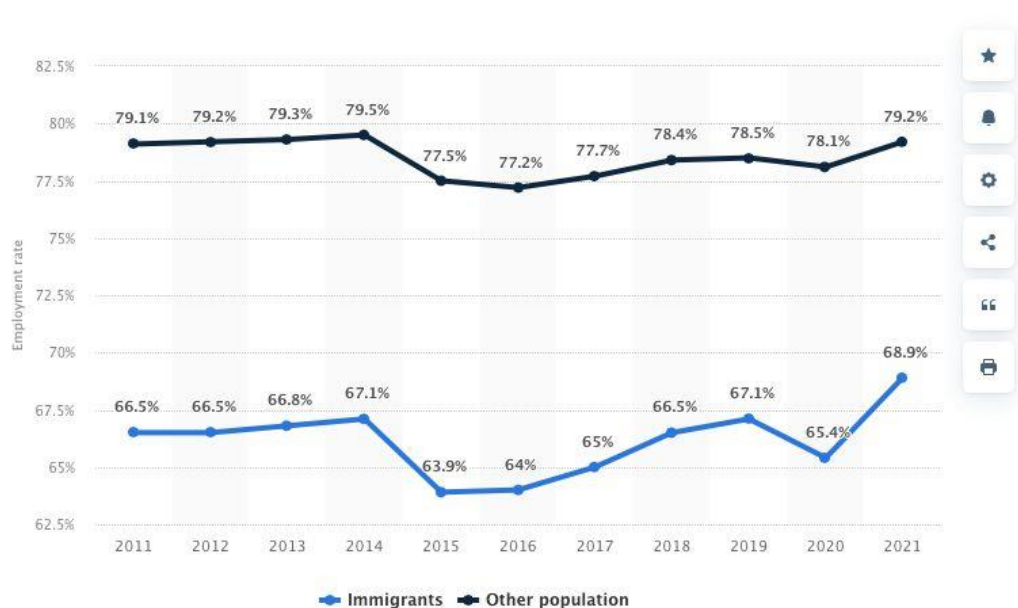

Рисунок 2. Уровень занятости среди иммигрантов в Норвегии с 2011 по 2021 год (по сравнению с остальным населением).

- Иммигранты.
- Остальное население.

Как видно из приведенных статистических материалов, достижение базовой цели закона требует дополнительных усилий от правительства в отношении эффективности интеграции. Политика государственной власти заключается в лавировании между решениями дискриминационных проблем и задачами сохранения собственно норвежской культурной идентичности. Несмотря на трагические события июля 2011 года (жертвами теракта А. Брейвика стали 77 человек) и, последовавшее за ним, распространение идеи о несостоятельности идей мультикультурализма, опросы общественного мнения 2013 года показали, что 72 % норвежцев признают вклад в развитие экономики и культуры страны со стороны иммигрантов [7].

Оставаясь притягательной для иммигрантов (доля которых растет), Норвегия продолжает поиск решений. Так, в 2021 году вышла новая редакция закона, который носит название «Закон об интеграции через обучение, образование и работу». Существующая версия закона потребует от исследователей дополнительного анализа обстоятельств его редакции и наполнения. На данный момент новый вариант не проявил себя в полную силу, и итоги воздействия этого закона на ситуацию с мигрантами проявятся в недалеком будущем.

Подводя итоги, скажем, что Introduction Act 2003 является важной частью системной политики мультикультурализма, включающий в себя и иные государственные акты, а именно: Закон об иммиграции 2008 года, Закон о гражданстве 2005 года, Закон об образовании 2012 года. Сюда же можно отнести и создание в 2006 году Управления по интеграции и разнообразию (IMDi). Эта структура вышла из состава директората по иммиграции, и на сегодняшний день находится в ведении Министерства образования. IMDi занимает ключевое место в развитии и популяризации интеграционных процессов, так как отвечает за разработку, реализацию адаптивных программ для иммигрантов, охватывает вопросы сотрудничества с муниципалитетами и другими отраслевыми ведомствами.

Очевидно, что превращение монокультурного общества в мультикультурное хотя бы в рамках отдельно взятой страны – длительный

и сложный исторический процесс, который невозможно решить прямым насаждением толерантных принципов сосуществования различных этносов и мировоззрений. Рассмотренный нами выше The Introduction Act – важный элемент формируемой в Норвегии государственной системы «вживления» мигрантов в общественную ткань страны. Этот Закон закрепил на законодательной основе участие иммигрантов в жизни норвежского общества. Определяя право и обязанность участвовать в программе адаптации и также регулируя финансовую помощь участникам. Закон от 2003 года не имеет однозначной положительной или негативной оценки, но как часть общей миграционной политики является отражением и стратегически необходимым объектом для изучения Россией, ныне имеющей сходные проблемы с растущим числом мигрантов, опыта концепции мультикультурализма.

Список источников и литературы

1. Борисов А.А. Американские консерваторы и мультикультурализм: диссертация кандидата исторических наук. – Пермь, 2000. – 290 с.
2. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III . № 2. С. 53–66.
3. Малахов В.В. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты. [Электронный ресурс] URL: <https://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov/> (30.04.2023)
4. Мамонова В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество. // Credo New. 2007. № 2. – [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/vamamonova_multikulturalizm_raznoobrazie_i_mnozhestvo.html (30.04.2023)
5. Паникар М.М., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е., Золотарев О.В., Капицын В.М. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ // Арктика и Север. 2019. № 35.

С. 119–143. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-integratsii-immigrantov-v-norvegii-i-rossii-sravnitelnyy-analiz/viewer> (30.04.2023)

6. Скирбекк С. Неадекватная культура: Современная идеология и человек. М., 2003.

7. Attitudes towards immigrants and immigration. // Statistics Norway. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/innvandrerestatistikk/holdninger-til-innvandrerestatistikk> (30.04.2023)

8. Brochmann G., Hagelund A. Migrants in the Scandinavian Welfare State: The emergence of a social policy problem // Nordic Journal of Migration Research. 2011. № 1(1). С. 013–024.

9. Cooper B. Norway: Migrant Quality, Not Quantity [Электронный ресурс] URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/norway-migrant-quality-not-quantity> (30.04.2023)

10. Employment among immigrants, register-based, 2002, 4th quarter. // Statistics Norway. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/en/arbeid-og-lonn/statistikker/innvregsys/arkiv/2003-06-26> (30.04.2023)

11. Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents, 1 January 2000. // Statistics Norway. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/innvbef/arkiv/2000-11-13> (30.04.2023)

12. Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents, 1 January 2002. // Statistics Norway. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/innvbef/arkiv/2002-09-19> (30.04.2023)

13. Introduction programme for immigrants. // Statistics Norway. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/en/utdanning/voksenopplaering/statistikk/introduksjonsordningen-for-nyankomne-innvandrerestatistikk> (30.04.2023)

14. Lie B. Immigration and immigrants 2002. // Statistics Norway. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/a/english/publikasjoner/pdf/sa54/sa54.pdf> (30.04.2023)
15. Lov om introduksjonsordning og norskopplæring for nyankomne innvandrere (introduksjonsloven) [Электронный ресурс] URL: <https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/2003-07-04-80> // English version: The Act on an introduction programme and Norwegian language training for newly arrived immigrants (the Introduction Act) [Электронный ресурс] URL: <https://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-20030704-080-eng.pdf> (30.04.2023)
16. National population projections. // Statistics Norway. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/befolkningsframskrivinger/statistikk/nasjonale-befolkningsframskrivinger> (30.04.2023)
17. Singh A. Dilemma of Norwegian Multiculturalism- Norwegian Muslim, and Cultural Integration [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/9390085/Dilemma_of_Norwegian_Multiculturalism_Norwegian_Muslim_and_Cultural_Integration (30.04.2023)
18. SPLASH-db.eu (2016): Policy: "Migration Policies: Norway" (Information provided by Emily Moren Aanes & Anders Gravir Imenes) [Электронный ресурс] URL: <https://splash-db.eu/policydescription/migration-policies-norway-2016/> (30.04.2023)
19. Steinaand B., Fedreheim G.E. Problematization of integration in Norwegian policymaking – integration through employment or volunteerism? // Ethnic and Racial Studies. 2022. Vol. 45. № 16. С. 614–636.

СЕКЦИЯ V. ИСТОЧНИКИ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В.О. Богданов

Писцовая книга 1624-1626 гг. как источник исторической географии Ржевского уезда первой половины XVII в.

Ключевые слова: Писцовые книги, историческая география, Ржевский уезд, история России XVII в.

Территория уезда Ржевы Володимеровой долгий период средневековой истории имела важное пограничное положение. В древнерусское время уезд был разделен между Смоленским, Новгородским и Владимир-Суздальским княжествами. На протяжении XIII-XVI вв. уезд был местом вооруженных столкновений между Москвой и Литвой, что повлияло на территориально-административное деление и хозяйственную специфику Ржевской земли.

Самое раннее писцовое описание уезда составлено А.Е. Салтыковым в 1588-1589 гг. и сохранилось в виде приправочного списка. Книга описывает только поселения на правом берегу р. Волги в Ржевском уезде [11]. Есть и другие писцовые описания – книга письма Ивана Переносова 1628 г. [10], переписи Я.И. Загряжского 1646 г. [7], книга Д.М. Телегина 1678 г. [6], писцовое описание Поддобринской волости к северу от Ржева П.П. Львова 1685 г [9]. К сожалению, для исследователей экономической и хозяйственной жизни Ржевского уезда, относительно полных писцовых описаний сохранилось немного. Основная масса книг была создана в XVII веке, тем самым не представляется возможности полного изучения хозяйственной деятельности в XV-XVI вв. По книге А. Е. Салтыкова была проведена работа А.А. Фроловым по публикации источника и созданию геоинформационной системы на основе источника [2].

Стоит отметить важную географическую особенность уезда: через его территорию с севера-запада на юго-восток проходит р. Волга, относительно в равной степени разделяя территорию уезда на две части. Исходя из вышесказанного, для исследования экономики и хозяйственной

жизни Ржевского уезда, важное значение имеет другой источник – писцовая книга письма Макара Чукарина и Леонтия Скобельцына 1624-1626 гг. [8].

Работа над созданием писцового описания велась в 1624-1626 гг. подьячим Макаром Чукариным и Леонтием Скобельцыным. Позднее Иевом Лачиновым было составлено описание правобережной части уезда. Имеются сведения о профессиональной деятельности Макара Чукарина, который в 1619-1620 гг. с князем Андреем Шаховским был дозорщиком уезда Переславля Залесского. В 1622-1623 гг. он был писцом Устьяновских волостей с подьячим Тимофеем Боборыкиным (последнее описание не было утверждено). После описания Ржевы Володимировой с 6 октября по 28 ноября 1629 г. он был подьячим в Арзамасе [3, с. 570]. Иев Лачин указан в боярских книгах 1627-1628 и 1636-1637 гг. как дворянин московский, а ранее, в 1615 г., он служил воеводой в Соликамске. До работ по составлению переписи по территории Ржевского уезда И. Лачин с дьяком Сергеем Матвеевым занимались переписью самого Ржева в 1623-1624 гг. [5, с. 7].

Структура писцовой книги М. Чукарина и Л. Скобельцына та же, что и у ряда других подобных документов XVI-XVII вв. В её состав не входит описание г. Ржева. Текст начинается с описания Поддобринской волости, непосредственно примыкавшей к городу. Описание построено по следующей схеме. Основными рубриками являются волости. Внутри волости охарактеризованы землевладения – поместные и вотчинные. Внутри землевладения указаны топонимы, их тип (поселение, пустошь, угодья), число дворов, размер пашни, качество пашни, размер наддачи, размер сошного оклада. В описании землевладений включены сведения о прошлых землевладельцах. В описаниях поселений, относящихся к церковному землевладению, дополнительно содержатся данные о церквях и священнослужителях. В книге нет данных о количестве населения во дворах, о социальном составе и занятиях населения. В данный момент писцовая книга не опубликована и хранится в РГАДА в фонде 1209 под номером 373, объем составляет около 1350 страниц.

Левобережье Ржевского уезда делится на следующие волости и станы: Подборовская, Теплостанская, Осечен Большой, Горышкинская, Котицкая, Ельца, Кличан, Езжина, Вселуцкая, Стерженская, Березовская, Сонская, Репочевская, Чуриловская, Рясицкая, Боронкина, Лещина, Страшевская Губа, Берновская, стан Поддобринский и стан Кокошский.

Общее количество топонимов, зафиксированных описанием – около 2920. Стоит учесть, что в примерно 70 случаях встречается повторение поселений, что связано с вопчими землевладениями (владение жеребьями одного поселения несколькими помещиками одновременно). Типы поселений уезда – деревня, сельцо, погост, ненаселенных местностей – пустошь. Наиболее часто встречающимся типом топонима является пустошь 2446 (83%). Жилых поселений насчитывается лишь 477 (17%): 305 (11%) деревень, 143 (5%) селец и 29 (1%) погостов. Большое количество пустошей является свидетельством негативных последствий экономического кризиса в конце XVI века и событий Смутного времени.

По данным писцовой книги левобережья Ржевского уезда, на момент 1624-1626 гг. фиксируются четыре монастыря: Селижаровский, Николаевский Рожковский, Пелагеинский и Нило-Столбенский.

Населенные пункты левобережной части Ржевского уезда включали в общей сложности около 1040 дворов. Таким образом, в среднем дворность составляла 2,28 двора. В общее число дворов не вошли дворы двух слобод Осташкова (Иосифо-Волоколамской и Митрополичьей слобод) [4, с. 7]. Информация о составе дворов в писцовой книге не указана. На период первой половины XVII в. в центральной части России средняя заселённость крестьянского двора составляла 5-6 человек, на основе чего можно предположить примерную численность сельского населения левобережья Ржевского уезда в 5 тысяч человек, не учитывая населения осташковских слобод [1, с. 83]. В осташковских слободах насчитывалось в совокупности около 271 двор.

Наиболее обширными по территории волостями левобережья Ржевского уезда являлись Сонская, Котицкая и Репочевская волости. Наименьшую площадь имели волости Теплостанская, Тудовская-

Сковоротыня и Берновская. Наибольшими по количеству дворов представляются Березовская, Сонская, Лещинская волости.

В писцовой книге присутствуют следующие типы землевладения: поместное, вотчинное светских и церковно-монастырских землевладельцев. Включены в описание и порозжие земли. Поместных поселений и пустошей насчитывалось 1640 (56%), порозжих – 852 (29%), вотчинных – 200 (7%) и церковных поселений – 231 (8%). Информации о наличии дворцовых земель в писцовом описании нет. Следует отметить, что все порозжие земли ранее числились за помещиками. Таким образом, в совокупности более 80% земель Ржевского уезда находились в поместном фонде до запустения.

В книге М. Чукарина и Л. Скобельцына, к сожалению, отсутствует информация о промысловых угодьях на территории уезда. Тем не менее, она, безусловно, имела место. Промысловую специфику косвенно отражает количество четей пашни в волостях, находящихся в озерных местах. В волостях, расположенных в озерном регионе, например, в Кличанской волости, в среднем на поселение приходилось 8 четей пашни, в Березовской волости – 15 четей пашни на поселение. В волостях, расположенных на удалении от озёр, расположенных около Ржева, доля пашни выше: в Кокошской волости – около 30 четей на поселение, в Поддобринском стане – 27 четей. Размер пашни в приозерных участках меньше в 2-3 раза. Это, предположительно, отражает специфику хозяйства населения приозерных волостей, занимавшегося рыбным промыслом.

В писцовой книге присутствуют указания на качество земли – «средняя» и «худая», при этом совсем отсутствует высокая оценка качества – «добрая» земля. Подсчет общего соотношении качества земли по левобережью Ржевского уезда показывает преобладание «средней» земли (73,5%) над «худой» (26,5%).

Таким образом, писцовая книга 1624-1626 гг. отражает характер территориальной организации уезда Ржевы Володимеровой – одного из крупнейших уездов Верхневолжья. Писцовая книга содержит наиболее раннее описание левобережной части уезда. Описание показывает, что

волостная структура уезда была достаточно дробной. Значительная часть уезда была запустевшей в первое десятилетие после окончания Смутного времени. Население концентрировалось преимущественно в округе самой Ржевы Володимеровой. Для уезда характерно поместное землевладение, сформировавшееся здесь еще в XVI в., о чем свидетельствует писцовая книга другой части уезда А.Е. Салтыкова 1580-х гг. Общее количество поселений и средние показатели дворности позволяют оценить численность населения левобережной части уезда Ржевы Володимеровой в 1620-х гг. в 5 000 человек.

Список источников и литературы

1. Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. М.: Наука, 1981. №3. С. 78-96.
2. Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» // Лаборатория исторической геоинформатики: сайт. М., 2015-2022. [Электронный ресурс] URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/1400000000/ (дата обращения: 09.04.2023).
3. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М.: Издательство "Наука". 1975. 607 с.
4. Историко-статистическое описание города Осташкова / [Сост. и предисл. В.И. Покровского]. - Тверь : тип. Губ. зем. управы, 1880. 180 с.
5. Матисон А.В. Писцовая и переписные книги Ржева XVII – начала XVIII веков. М.: Старая Басманная, 2018. 247 с.
6. РАДА. Ф. 1209. Оп. 1. №2084.
7. РАДА. Ф. 1209. Оп. 1. №372.
8. РАДА. Ф. 1209. Оп. 1. №373.
9. РАДА. Ф. 1209. Оп. 1. №374.
10. РАДА. Ф. 1209. Оп. 1. №70.
11. Фролов А.А. Писцовая и приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимеровой. М.; СПб., 2014. 486 с.

**Клировые ведомости как исторический источник по истории
церквей Нёнокского прихода XIX века***

Ключевые слова: Культовая архитектура, клировые ведомости, Ненокский приход.

Клировые ведомости являются одним из основных источников по истории церкви, в том числе и отдельных приходов. Они содержат обобщенную информацию о церквях в определенном приходе, клирах и прихожанах. В этой связи клировые ведомости могут служить очень важным источником по строительству и архитектуре церквей описываемого прихода. Кроме того, эти документы несут в себе информацию об истории духовенства XIX века. Подробно эту тему через клировые ведомости изучала Л.К. Дрибас. Она отмечала, что для качественного анализа «клировые ведомости являются незаменимым и наиболее полным источником сведений о церквях и духовенстве» [11]. Информация, содержащаяся в клировых ведомостях о прихожанах, позволяет проводить исследования в рамках исторической демографии. Такое направление получило широкое развитие в отечественной историографии. Например, В.М. Кобузян говорил, что «клировые ведомости являются незаслуженно забытым источником по учету населения, который обязательно должен использоваться и вводиться в научный оборот» [12].

Клировые ведомости были введены в 1769 году под названием «Именных списков всем лицам духовного звания православного исповедания». Такие ведомости составлялись в конце года и предоставлялись благочинному, который в свою очередь отправлял их епархиальному преосвященному [13]. Изначально клировые ведомости заполнялись в свободной форме, в них отсутствовали некоторые пункты. Например, в «Ведомости благосостояния церквей и причтов за 1806 год по Архангельской Епархии» нет информации о прихожанах [5, Л. 25]. Такая картина и в

* Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике», № гос. рег. – 122011300471-0.

ведомостях за 1821 год [2, Л. 39]. Информация о прихожанах появляется в ведомостях 1831 года. Это связано с тем, что в 1829 году была установлена единая форма ведомостей. В 1876 году она была дополнена графой об имущественных владениях духовного лица, а также его родителей и жены [13].

Таким образом, изначальные скудные по содержанию ведомости, после установления единой формы, стали содержать в себе больше данных.

Клировые ведомости по Ненокскому приходу являются уникальным историческим источником, содержащим в себе описание церквей, относящихся к приходу, причт и прихожан (последние предположительно появляются в документах в 1830-е гг.). В клировых ведомостях начала XIX в., хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, структура была следующей:

Описания церквей прихода.

Описание земли при церквях и доход с нее.

Причт по штату.

В ведомостях 1806 г., 1820 г. и 1821 г. все данные записывались в левой части листа, а в правой делались пометки. Так в ведомости за 1820 год в левой части листа написано: «Церковь живоначальная Троицы, с пределами Успения Богородицы и Святых Апостолов Петра и Павла: В Троицком Алтаре на Престоле Антимин на полотне, за подписанием Преосвященного Иосифа Епископа данный в 1763 году за кончиною Преосвященного Саввы Епископа. 1736го Года Февраля 16 дня». В правом же столбце: «О пяти Главах в благосостоянии. Украшение в сем храме более иконостасное, нежели из сокровищ состоящее. К охранению при входах сего храма имеет прочные двери, замки, в окнах оконницы, и железные решетки» [1, Л. 57]. Таким образом фиксировалась значимая информация. С преобразованием клировых ведомостей исчезает деление листа на две части и вся информация записывается на целом листе.

Новые клировые ведомости почти не отличались по содержанию, зато была большая разница по форме. Теперь опись церквей обогатилась деталями.

В первой части:

Дата постройки, кем («тщанием и иждивением прихожан» или «других усердствующих лиц»).

Материал и техника (деревянная, обшита, покрашена).

Количество престолов

Содержание утвари и облачение священнослужителей (скудна, не скудна).

Причт по штату.

Описание земли (пашенных и сенокосных в десятинах).

Жалованье священно и церковнослужителей (рублей серебром).

Описание домов при церкви для церковнослужителей.

Здания, принадлежащие церкви (для богомольцев и сторожа).

Расстояние церкви от консистории и от других церквей (в верстах).

По такому плану расписаны все первые части клировых ведомостей после 1829 года. Например, в ведомости за 1831 год одна из церквей описана так: «Живоначальная Троицы, имеющей пять отдельных церквей Архангельской Епархии и уезда Ненокоцкого посада за 1831 год.

1, ая построена 1729 года тщанием и иждивением прихожан.

2, Зданием деревянная крепка, исключая небеса, с такою колокольнею ветхою, которая по причине огнившего фундамента подперта с трех сторон подпорами.

3, Престолов в ней три, в настоящей холодной во имя Святыя Троицы, в пределе по правую сторону во имя Успения Божией Матери, а по левую во имя Апостолов Петра и Павла.

4, Утварью и одияниями Священно и церковнослужительскими не совсем достаточна.

Николая Чудотворца

1, Построена 1763 года тщанием прихожан же.

2, Зданием деревянная теплая, крытая

3, престолов в ней один, во имя Николая.

4, Утварью посредственна.

Святыя Мученицы Параскевы

1, Построена в 1738 года тщанием прихожан.

2, Зданием деревянная крепка.

3, Престолов в ней один.

4, Утварью скудна.

Климента Священномученика, что на кладбище.

1, Построена в 1748 года тщанием прихожан.

2, Зданием деревянная крепка но не очень тепла.

3, Престолов в ней два 1й в настоящей во имя Климента Папы Римского. В приделе во имя Соловецких Чудотворцев Зосимы и Савватия.

4, Утварью посредственна.

Алексея Человека Божия, что по Куртяевке реке в 15 версте от посада.

1, Построена по случаю явления Его образа 1721 года тщанием прихожан и других усердствующих лиц.

2, Зданием деревянная с такою же колокольнею крепка.

3, В ней один престол

4, Утварью хороша.

5, Причта положено по штату издавна Священников два, Дьякон и четыре причетника» (вся орфография сохранена – прим. автора) [3, Л. 138-139].

Ведомость же 1890 года немного отличается, появляются новые пункты: «о церковных капиталах, наименование % бумаг, о времени поступления их в церковь, их назначение по первоначальному поступлению и количество получаемых с них процентов; о доходах кружечных, кошелековых и других количество проданных свечей» [10, Л. 21]. Появляется и пункт «Об учреждениях при церкви и должностных лицах», где указываются наличие церковно-приходского попечительства церковно-приходской школы, церковные и противораскольнические библиотеки, раскольнические скиты и молельни.

Во второй части приводятся списки причт (послужные списки), куда входят: «кто именно, где и чему обучался, когда и кем в какой чин произведен и к какому месту, какие проходил и проходит должности, когда и чем награжден и кого имеет в семействе» [7, Л. 46]. Кроме того, указывался

возраст церковнослужителя, его жены, и детей; недвижимое имущество, как знает чтение, пение, катехизис, сколько проповедей говорил в год; какого поведения; кому в каком родстве; когда, за что был судим и чем штрафован.

В третьей части указываются статистические данные по приходу: «О прихожанах означенной церкви» (или «Прихожан Ненокоцкой церкви»). Приписывается в каких местах и какого звания прихожане; число дворов и душ («мужеска и женска пола»); в каком расстоянии от церкви, и имеет ли препятствие в сообщении [4, Л. 136].

В конце обязательно ставили свои подписи священник, дьякон и пономарь. Не было четкой формулы росписи должностных лиц. Например, в ведомости за 1847 год написано: «Священник Петр Титов подписуюсь» [8, Л. 6]. В ведомости за 1850 год: «В справедливости положений сей ведомости удостоверился Благочинный Священник Григорий Шилов» [7, Л. 48]. Все клировые ведомости составлялись в двух экземплярах, и один передавался в Архангельскую Духовную Консисторию.

В большей степени благодаря данным источникам удалось восстановить более полную картину Ненокского прихода XIX века: проследить изменения церквей, состав священнослужителей и количество прихожан. По данным клировых ведомостей, в Ненокском приходе существовало пять церквей (в начале 1940-х гг. осталось четыре, церковь Святой Мученицы Параскевы обветшала, была разобрана, а престол перенесен в Никольскую церковь) [6, Л. 1]. В частности, в 1729 году «тщанием и иждивением прихожан» была построена Церковь Живоначальной Троицы. По ведомости 1839 года «зданием деревянная, с такой же колокольнею, которая построена в 1834 году, обшита досками и раскрашена». Вторая церковь Николая Чудотворца «построена в 1763 году тщанием прихожан». Третья – Святой Мученицы Параскевы «построена в 1738 года прихожанами же. Зданием деревянная, крышею не совсем прочна». На кладбище находится церковь Святого Климента. «Построена в 1748 году тщанием прихожан. Зданием деревянная, теплая и крепка». Пятая церковь, которая относилась к Ненокскому приходу, Преподобного Алексия Человека Божия «при реке Куртяевке на пустом месте в 15 верстах от посада.

Построена по случаю явления иконы в 1721 году тщанием прихожан и других усердствующих лиц. Зданием деревянная, теплая, с деревянную же колокольнею, крепка» [8, Л. 5].

Таким образом, из проведенного выше анализа следует, что клировые ведомости являются одним из важных документов по истории Ненокского прихода XIX века. В них содержатся наиболее полные сведения о количестве церквей в приходе, их состоянии, штате причт и количестве прихожан. Последнее помогает проследить изменения населения в демографическом плане: за 1831-1890 гг. количество человек в приходе увеличилось с 848 до 1340. Число дворов возросло с 162 до 247. [3, Л. 142; 10, Л. 26]. Помимо этого, в поздних ведомостях содержится информация о суммах, коими владела церковь и которые получал священник. Так, в ведомости за 1887 год указано: «Штатного жалованья из Губернского Казначейства, полученных в год 1. Священник 180 рублей» [9, Л. 20]. Анализируемые ведомости позволяют составить общую картину Ненокского прихода с церквями, большинство из которых расположены в самом Посаде, священнослужителями и прихожанами. Вся эта информация помогает представить Ненокский Посад XIX века как процветающее поселение с большим количеством дворов и преобладанием мещанского населения.

Список источников и литературы:

1. ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 12.
2. ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 13.
3. ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 20.
4. ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 25.
5. ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 3.
6. ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 86.
7. ГААО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 54.
8. ГААО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 2.
9. ГААО. Ф. 448. Оп. 2. Д. 2.
10. ГААО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 16.

11. Дрибас Л.К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века. Дисс. канд. ист. наук (07.00.02). Иркутск, 2005. – 260 с.

12. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII - 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений. Дисс. докт. ист. наук. (07.00.02). Барнаул, 2000. - 832 с.

13. Павлова О.А. Клировые ведомости как источник по изучению единоверческих приходов по данным Центрального Архива Нижегородской области // Культура, духовность, общество. 2012. - № 1. С. 59–62.

**«Краткая инструкция» реорганизации управления Алтайским
округом от 24 января 1918 г. как нормативная основа советизации
управления в регионе**

Ключевые слова: Алтайский округ, земельно-лесное хозяйство, реорганизация, административно-хозяйственный комплекс, советская власть.

В предреволюционный период Алтайский округ представлял собой особый ведомственный административно-хозяйственный комплекс, принадлежавший правящему монарху. Управление комплексом осуществляла региональная структура Кабинета его императорского величества – Управление Алтайского округа. Несмотря на масштабные политические изменения, произошедшие на территории бывшей империи после Февральской революции, система управления хозяйством Алтайского округа была подвержена минимальным изменениям в течение всего 1917 г. Первые реальные шаги по преобразованию административно-хозяйственной системы округа были осуществлены в период временного установления советской власти в регионе.

Процесс реорганизации управления Алтайским округом в период временного установления советской власти был рассмотрен С.Е. Поляковым [8], М.О. Тяпкиным [11, с. 229–241], А.А. Калашниковым [6; 7]. Историки констатируют незавершенность процесса реорганизации, отмечают факт преемственности управленческих структур. Несмотря на неоднократное обращение исследователей, «Краткая инструкция» реорганизации управления округом не подверглась источниковедческому анализу, что и является целью настоящей публикации. Содержательная сторона инструкции была рассмотрена нами в контексте исследования административных преобразований советского периода, в данном случае мы бы хотели уделить внимание внешним особенностям источника.

По постановлению пятой сессии Алтайского губернского земельного комитета от 19 января 1918 г. Алтайский округ и прочие учреждения

бывшего Кабинета были переданы в ведение и распоряжение Алтайского губземкома. 20 января 1918 г. на общем собрании служащих Управления Алтайского округа было решено подчиниться решению комитета. Вечером того же дня началась работа над инструкцией по реорганизации управления Алтайским округом. Новая инструкция стала третьей с декабря 1917 г. и в отличие от предыдущих двух вариантов была создана при активном участии представителей Управления Алтайского округа. Первые две инструкции (начала и конца декабря 1917 г.) создавались в период конфронтации Управления Алтайского округа и Алтайского губземкома, чиновники бывшего Кабинета не признавали решения четвертой сессии губземкома о передаче земель и лесов округа в ведение земельных комитетов. Поэтому подготовка и распространение инструкций происходили без участия и ведома Управления округа. В течение нескольких дней новая инструкция была готова. 24 января 1918 г. пятой сессией Алтайского губернского земельного комитета была утверждена «Краткая инструкция» реорганизации управления Алтайским округом [2, л. 21–22 об.; 5, с. 3].

Инструкции реорганизации были отпечатаны на типографской бумаге на 2 листах близких по формату Legal. В январе-феврале 1918 г. сотни экземпляров «Краткой инструкции» были высланы всем уездным и волостным земельным комитетам, а также учреждениям Алтайского округа. Являясь продуктом труда членов Алтайского губземкома и чиновников Управления округа, документ представляет собой синтез двух предыдущих вариантов с более поздними вставками-предложениями чиновников.

Судя по всему, «Краткая инструкция» была отпечатана на основе черновика, использовавшегося во время совместного обсуждения. Вероятно, черновиком служил вариант инструкции от конца декабря, в который вносились различные исправления и пометы. Свидетельством этого являются встречающиеся в документе опечатки, заметки, явно случайно попавшие в текст без редактирования. Так, пункт «д)» § 5 выглядит следующим образом: «Ввести 1-го представителя от рабочих

лесничества». Однако все предшествующие пункты параграфа представляют собой просто перечисление членов земельно-лесных советов, исходя из контекста должно быть: «Представитель от рабочих лесничества». О более позднем характере вставки говорит отсутствие данного пункта в предыдущих вариантах инструкции. Также о черновом характере инструкции свидетельствует отсутствие единообразия в наименовании организуемых на базе лесничеств учреждений: «земельно-лесной совет», «районный земельно-лесной совет», «районный совет», «районно-земельно-лесной совет», «районный земельный совет», «районно-земельный совет» - шесть различных наименований на чуть более чем страницу текста, что лишний раз говорит о компилятивном характере документа. Например, упоминаемый в § 11 «районный земельный совет» очевидно появился в результате перепечатывания § 13 инструкции конца декабря 1917 г. Словом «совет» был заменен «комитет», который, в свою очередь, попал в инструкцию от конца декабря из § 15 проекта реорганизации, представленного четвертой сессией Алтайского губземкома 8 декабря [1, л. 25 об.; 3, л. 49; 4, л. 23 об.]. Путаница в наименовании новых земельно-лесных органов затем перекочевала и на страницы алтайской прессы, где их называли «земельно-лесные комитеты» [9, с. 4; 10, с. 4].

В тексте инструкции присутствуют орфографические ошибки, несогласованность предложений, а также другие несурезицы, перекочевавшие из декабрьских инструкций. Перечислять их все не имеет смысла. Для нас принципиально важным является другое – печать невыверенного чернового варианта свидетельствует о ее форсированном характере, инструкция поступила в типографию буквально «из-под коленки» составителей. Причины этого прозрачны: общий хаос и хозяйственная разруха в административно-хозяйственных единицах округа, значительно усугубляемый распространением двух других уже на тот момент не актуальных инструкций реорганизации управления.

Таким образом, внешние особенности «Краткой инструкции» реорганизации управления Алтайским округом свидетельствуют о

форсированной подготовке административных преобразований в округе. На наш взгляд, непоследовательность и несовершенство механизмов реорганизации управления округом стали одной из главных причин незавершенности преобразований советского периода. Подтверждением последнего является внутренне противоречивая «Краткая инструкция» реорганизации управления Алтайским округом, ставшая нормативной основой преобразований в хозяйстве округа в первой половине 1918 г.

Список литературы

1. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 34.
2. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 55.
3. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545.
4. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 553.
5. Голос труда. 1918. № 32. 23 февраля.
6. Калашников А.А. Начало реорганизации структур ведомства бывшего Кабинета на Алтае в контексте ликвидации кабинетского землевладения (декабрь 1917 – январь 1918 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. Новосибирск, 2018. С. 117–129.
7. Калашников А.А. «Продукт местного самостоятельного творчества»: реорганизация управления Алтайским округом в январе – марте 1918 года // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2021. С. 179–192.
8. Поляков С.Е. Реорганизация кабинетской системы управления на Алтае в 1917–1919 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2001. С. 249–253.
9. Свободный Алтай. 1918. №50. 21 марта.
10. Свободный Алтай. 1918. №41. 7 марта.
11. Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул, 2019. 496 с.

Пастырское служение протоиерея Михаила Кипреева на Русском Севере на рубеже XIX-XX вв.: генеалогия и историческая память

Ключевые слова: пастырское служение, Кипреев Михаил Александрович, русская православная церковь, Русский Север, миссионерство, Архангельская губерния, Тельвиска, Польский погост, Рязановский приход, священнический род.

В мире существует три группы однофамильцев носящих фамилию «Кипреев». Омские - происхождение фамилии точно неизвестно, предположительно от названия цветка – Кипрей, или Иван-чай. Эта группа самая многочисленная, до 50% носителей фамилии. Пермские - фамилию получили по названию деревни Кипреево, до 30% носителей фамилии. Предки Кипреева Михаила – Олонецкие, потомки четырех священников - детей дьячка Ивана Елисеева, получившие фамилию за усердие в учебе в 30-е годы 19 века (около 20 процентов носителей фамилии). Однако только от Кипреева Алексея Ивановича, деда рассматриваемого нами священника, пошло потомство по мужской линии и фамилия Кипреевы распространилась по всему северному краю.

Кипреев Михаил родился в 1859 году, вероятнее всего в Сумском погосте Пудожского уезда Олонецкой губернии, в семье пономаря Кипреева Александра. Он был одним из двух десятков священников, представителей «цветочной» фамилии, несших иерейское служение на Русском севере, многие из которых удостоились мученического венца в начале XX века.

В середине 19 века, на средства купца И. Юсова из Петербурга, было построено новое здание церкви, развалины которого сохранились до наших дней, в бывшем селе Сумы (в 5 км от селения Кривцы), Пудожский район, республика Карелия. Детство Михаила Александровича прошло вероятнее всего именно в Сумском погосте Пудожского уезда Олонецкой губернии, хотя данным об этом не сохранилось. Деревня Сума располагалась в Пудожском краю на реке с таким же названием, недалеко

от впадения ее в реку Водла, на холмистом месте, среди священной рощи. Может быть, первые поселенцы и появились на этой земле, приплыв сюда по воде.

Деревни этой на современных картах Пудожского района нет, как нет многих других небольших деревень и поселков, унесенных ветрами XX века. И остовов домов в них уже не осталось, но люди хранят воспоминания. Дома в деревне стояли не часто, но порядок застройки существовал. Они располагались по двум берегам реки. Маленьких домишек было немного – меньше десятка, остальные – одно-и двухэтажные, двуконечные, добротные, из ядреной северной сосны. Баньки, которые топились по-черному стояли у самой воды. Из горячего пара да в реку, какая благодать!

При въезде в деревню со стороны Кривец стояла часовня святителю Маковею. На этом берегу реки 14 августа отмечали праздник. А при въезде в деревню со стороны Кубово стояла часовенка Фрола, эта сторона деревни 31 августа праздновала. Соединял два берега мост. На престольные праздники сообща закидывали невод, а потом пекли рыбаки и «гостевались» друг у друга.

В деревне Гора были высокие холмы. На самом высоком стояла пожарная каланча. Забравшись на нее, можно было увидеть за восемь верст деревню Кривцы. Тут же, недалеко от нее, стоял дом батюшки. Он был обшит и выкрашен в синеватый цвет и привлекал внимание всей округи. А на левом склоне холма – кладбище и церковь Параскевы Пятницы.

Около 1880 года Кипреев Михаил поступил и 3 года обучался в Олонецкой духовной семинарии, затем оттуда ушел или был отозван (был отчислен с третьего класса). 15 декабря 1883 г. Кипреев Михаил Александрович рукоположен в сан священника. Не позже 1883 года иерей Михаил женился на Александре Ильинской (сестра священника Никольской церкви Паловского прихода 3-го благочиния Вытегорского уезда - Иоанна Иоанновича Ильинского, диаконом на вакансии псаломщика у которого был двоюродный брат Михаила - Василий Иванович Кипреев).

В семье Михаила Александровича Кипреева было предположительно десять детей. Четверо сыновей: Лев (8.02.1884 -1951) участвовал в 1 мировой войне на германском фронте, был диаконом в Н-Мудьюжской церкви пока ее не разрушили.), сменил фамилию на Иконников когда были гонения на церковь чтобы не быть расстрелянным; Иван (1886 г.р.) – был священником; Николай (1887-1918 гг.) - был священником, возможно ушел в монастырь, потомки затерялись после его смерти; Григорий (1890-1938) – ставший пономарем;

Шесть дочерей: Юлия –1897 (в 1913 году выпустилась из Архангельского епархиального училища, в 1914 году окончив 7-й дополнительный класс), по слухам вышла замуж за британского офицера, с которым познакомилась в период оккупации д. Рязаново интервентами, и уехала в Англию (данные не подтверждены); Анна 1895 г.р. (выпустилась из епархиального училища в 1914 году); Александра – 1899 г.р.; Анастасия –12.04.1902 - 08.08.1992 (в 1917 году была переведена в 4 класс, скорее всего, закончила училище в 1919 году, в 1920 училище закрыли). Вышла замуж за Сунцова Аркадия Георгиевича; Анфиса (подробных данных нет) Таисия -1891 г.р. Дочери вероятнее всего вышли замуж за священников, или членов причта.

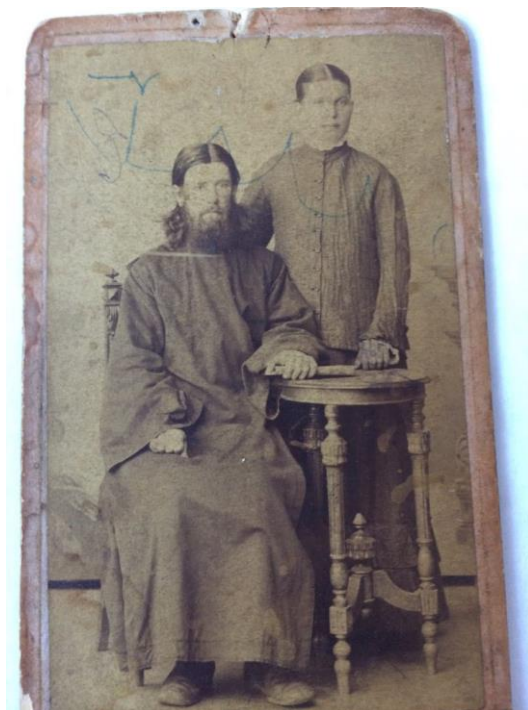

Рис. 1 Протоиерей Кипреев с женой (фото 80-х гг. XIX века):

Михаил после окончания обучения в семинарии изначально был священником Калгачинского прихода Онежского уезда Архангельской губернии, однако затем стал священником Тельвисочного прихода (поселок рядом с современным городом Нарьян-Мар, Ненецкий АО). В 1859 году «в Тельвиске из лиственничного леса, заготовленного крестьянами по рекам Цильме и Ижме, была построена деревянная церковь Богоявления, которая стала не только объединяющим духовным центром для всех национальностей, проживающих на территории, но и центром Тельвисочного прихода» [2].

В Тельвисочный самоедский приход входило огромное пространство Большеземельской тундры, с кочующими по ней (и даже за Уралом) ненцами, остров Колгуев, где «в 1875 году была построена приписная к приходу Спасская церковь, часовня на острове Варандей. Еще одна приписная Никольская церковь, построенная в 1886 году, находилась в становище Никольское» [5] на Югорском Шаре. Прихожанами Богоявленской церкви в Тельвиске были также жители близлежащих деревень Макаровской и Екушенской, рабочие и служащие лесопильных заводов предпринимателей А. Либдека и Ульсена («Стелла Поларе») на Печоре – более 700 человек. Это был самый северный церковный приход Европейской части России.

Дело миссионерства, заложенное и расширенное в ненецком крае такими пастырями как М.А. Кипреев, было продолжено, и дало богатые культурные всходы. Так, в Тельвисочной церковно-приходской школе учился А. П. Пырерка — «первый самоедский мальчик (окончил 3 класса) впоследствии первый ученый из ненцев, лингвист, фольклорист, этнограф, писатель, переводчик сказок А. С. Пушкина на ненецкий язык» [4].

В 1887 году 1 сентября в трапезной Богоявленской церкви открыли первую церковно-приходскую школу для ненецких детей, первым учителем которой и был священник Михаил Кипреев. В разное время в ней обучалось от 6 до 12 крестьянских мальчиков. Занятия с детьми велись на безвозмездной основе. В церковной библиотеке в 1911 году насчитывалось около 300 наименований книг, выписывались периодические издания

духовного содержания. За свою деятельность священники Тельвисочного прихода неоднократно поощрялись епархиальными властями.

Около 1889 года (но точно с 27.7.1893) - священник в Польском приходе Онежского уезда (ныне Архангельской области). «Приход состоял из 2-х деревень: Есенской (село Поле Есенское), в которой находится приходской храм, и Курсановское (Усолъе), в 6 верстах от 1-й. Расположены они среди болотистой местности, при р. Кодина, недалеко от места ее впадения в р. Онегу близ с.Чекуево. Жителей в них к 1896 г. состояло: 388 м.п. и 453 ж. п., дворов 145. Приходской храм находился в 420-ти верстах от г. Архангельска, в 85-ти верстах от г. Онеги, от ближайших приходов Чекуевского – в 17-ти, Н- Мудьюжского – 15-ти верстах» [6]. Церковь, в которой служил Михаил Александрович была деревянной, с колокольной над папертью, устроена в 1855 г. старанием и усердием прихожан.

Рис. 2. Вид на вход в церковь деревни Есенская (Поле):

В 1873 г. храм был отремонтирован, обшит тёсом и окрашен белилами на средства зажиточного крестьянина этого прихода Ивана Максимовича Попова. В ней было 2 престола: главный во имя Богоявления господня, придельный во имя священномученика Климента, Папы Римского. «Утварью, ризницей и богослужебными книгами церковь

достаточна. Кружечно – кошелькового сбора получалось до 12 рублей в год, а свечной прибыли – до 50 руб. в год. В церкви имелся капитал в 1350 рублей в билетах, из которых один 6-%-й в 1000р. Государственной Комиссии Погашения Долгов, за № 168954 и 9356, пожертвованный местным крестьянином Иваном Поповым, а остальные образовались частью из % с билета, а частью из свободных церковных сумм» [7].

В д. Усолъе (Курсановская) имелась деревянная часовня во имя пророка Ильи. Для обучения детей 15 сентября 1889 г. открыта церковно-приходская школа, размещается в собственном удобном доме, построенном её попечителем, крестьянином И.М. Поповым. Законоучителем состоял местный священник с платой по 40р. в год из % с билетами в 1000р., пожертвованного попечителем, с условием: законоучителю плата – 40р. и 20р. – на покупку учебных пособий. Другие предметы преподавала учительница, девица Клавдия Глядинская, кончившая курс обучения в Архангельском Епархиальном училище, с жалованием 120 р в год из сумм Земского сбора, учащихся в 1894-95 уч. год было: 31 мальчик и 4 девочки.

Причт (священник и псаломщик) владели 20-ю десятинами пахотной и сенокосной земли, дающей дохода ок. 60 р в год. Жалования священнику -110 р., псаломщику – 50 р. в год. Причтовых дома два, оба построены ок. 1850г. Псаломщиком был – Стефан Филиппович Юсов, 30л., крестьянского происхождения и домашнего образования; на службе в должности и в приходе с июня 1894г.

В Польском приходе Михаил Кипреев успел создать образцовую библиотеку. Деревня Поле входила в состав Чекуевского прихода. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились отчет за 1900 год и брошюра о деятельности Чекуевского библиотечного общества. «Народная библиотека-читальня открыта 1 октября 1899 года стараниями крестьянина Ивана Ивановича Попова при помощи архимандрита Соловецкого монастыря Иоанникия (Юсова). Иван Иванович Попов был попечителем местной школы. В организации библиотеки он содействовал и личным участием, и материально. Было создано Библиотечное общество,

на которое легла забота о поддержании библиотеки при помощи членских взносов, размер которых равнялся 3 рублям. Братья Иконниковы (на их сестре (дочке) женился сын Михаила Александровича – Лев) стали благотворителями Общества. Редакции периодических изданий бесплатно присылали журналы, авторы дарили свои произведения. Наблюдение за содержанием книг легло на отца Михаила Кипреева» [8].

В библиотеке все работали бесплатно. Учителю школы (Кипреев Михаил) поручено составление и заполнение каталогов. К первому октября 1900 года количество книг в библиотеке возросло до 1522 томов. На церковнославянском языке в читательском фонде библиотеки было 27 книг. Духовной литературы – 306 томов. Книги распределены на отделы: детский или ученический, общедоступный, учительский, духовный. Приблизительная стоимость всей библиотеки определялась в 827 рублей 76 копеек. Выдачей книг занимались заведующий библиотекой и старшие ученики. Книги выдавались сроком на две недели. Большинство посетителей – местные жители в возрасте от 7 до 50 лет и старше. Во время постов крестьяне читали только религиозную литературу.

К концу отчетного года число читателей достигло 175 человек, помимо читателей из Мондинской и Нижнее - Мудьюжской школ, куда по просьбе учащихся было выслано несколько книг. Библиотека располагалась в церковно-приходской школе, построенной на средства Ивана Максимова Попова. Заведующим библиотекой был местный диакон отец Николай (Кашин), библиотекарем – Августа Ивановна Попова, а ее помощником – псаломщик Стефан Юсов (его потомки также породнились с Кипреевыми), родственник Соловецкого архимандрита Иоанникия и, как удалось установить, уроженец села Поле. Книги из библиотеки безвозмездно переплетали в мастерских Соловецкого монастыря.

Преставился отец Михаил 5 октября 1904 года в возрасте 45 лет, в день памяти пророка Ионы. В 2010-х годах его правнучкой Галиной Порядиной был найден его личный молитвослов с образцами почерка и рассуждениями о духовных вопросах. Был достаточно высокого роста, носил шелковистую бороду. Нам неизвестно каким был по характеру

Михаил Александрович, так как до нас не дошли воспоминания родственников, все данные о его жизни получены из документальных источников. Был награжден медалью за труды в священническом служении. Известно из послужного списка священника Кипреева, что он имел желание уйти в монастырь, однако церковным начальством до этого допущен не был. Похоронен в д. Рязаново.

Сегодня в различных уголках нашей Родины проживает более двухсот потомков Кипреева Михаила. На сегодняшний день священнический род Кипреевых продолжен. Сегодняшние Кипреевы преимущественно люди светских профессий: врачи, учителя, рабочие, писатели и др. Носители фамилии сохраняют память о своих славных предках, чтут веру православную и трудятся на благо Отечества.

Список источников и литературы

1. Матонин В. Н. Чекуевский список «Службы благодарственной...» в честь Полтавской победы: идеологема «священства, царства и земства» / В. Н. Матонин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 6. – С. 150-157.

2. Тельвиске – 445! Округу – 90! Общественно-политическая газета Ненецкого АО - Нярьяна вындер. [Электронный ресурс] // URL: <http://nvinder.ru> (дата обращения: 15.04.2023).

3. Польский приход (1896 г.) | Поле - OnegaOnline.ru (Там, где течёт Онега...) [Электронный ресурс] // URL: <http://onegaonline.ru/seetext.php?kod=37> (дата обращения: 15.04.2023).

4. Бармич М. Я. Взаимодействие школы и семьи в сохранении родного ненецкого языка и культуры / М. Я. Бармич // Реальность этноса. Родной язык, фольклор, культура и литература коренных народов России в системе образования: проблемы и перспективы сохранения и развития: Сборник статей по материалам XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2019 года. – Санкт-

Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. – С. 95-101.

5. Давыдов А.И. Богоявленская церковь в селе Тельвиска ненецкого автономного округа. Материалы акта государственной историко-культурной экспертизы. [Электронный ресурс] // URL: <https://opentextnn.ru/space/cult/davydov-a-i-bogojavlenskaja-cerkov-v-sele-telviska-neneckogo-avtonomnogo-okruga-materialy-akta-gosudarstvennoj-istoriko-kulturnoj-jekspertizy/> (дата обращения: 15.04.2023).

6. Онега: Казаковы восстанавливают построенное 150 лет назад Иваном Поповым - Владимир Станулевич - ИА REGNUM [Электронный ресурс] // URL: <https://regnum.ru/news/2683374.html> (дата обращения: 15.04.2023).

7. Архангельская область, Онежский район, Чекуевская сельская администрация, д. Поле - Есенская (дд. Поле Есенское (Карручей) и Польский Погост) [Электронный ресурс] URL: <https://arni.petrso.ru/2014/texb7056.html> (дата обращения: 15.04.2023).

8. «Царство» и «земство» в чекуевском списке рукописи XVIII века. [Электронный ресурс] URL: <https://sci.lecture.center/istoriya-kulturyi-teoriya/tsarstvo-zemstvo-chekuevskom-spiske-rukopisi-93878.html> (дата обращения: 15.04.2023).

**Отчеты о состоянии начальных народных училищ
Каргопольского уезда Олонецкой губернии как исторический
источник по истории образования на Севере России в начале XX века**

Ключевые слова: образование, начальное народное училище, отчеты, Каргопольский уезд, Олонецкая губерния.

Во второй половине XIX в. народное образование достигло своего расцвета, существовало множество типов образовательных учреждений, была осуществлена систематизация нормативных актов в области образования, образование действительно стало «народным».

Высшими органами власти по управлению народным образованием на местах провозглашались губернские и уездные училищные советы. 17 августа 1867 г. штатному смотрителю Каргопольского уездного училища Федору Ивановичу Подосенову по постановлению Олонецкого губернского училищного совета было предписано открыть в городе Каргополе уездный училищный совет [9, с. 185–186].

Однако наибольшая нагрузка по руководству учебными заведениями ложилась на инспекторов народных училищ, должность которых была введена в 1869 г. Первоначально на губернию назначался один инспектор, а уже с 1874 г. – три инспектора на губернию. Деятельность инспектора регулировалась инструкцией 1871 г. Он должен был содействовать открытию новых школ и заботиться об их благоустройстве. На инспектора было возложено большое количество задач, что выполнение каждой можно выделить в самостоятельный круг обязанностей. Он фактически управлял не 50 училищами (как было предписано инструкцией), а в 2–3 раза больше. Например, в 1876 г. только в Каргопольском уезде было 41 училище, а обязанности инспектора распространялись на несколько уездов. Но именно от подхода инспектора к своему делу, его позиции и энтузиазма зависело состояние дел в образовании [9, с. 188–190].

Одним из основных источников по народному образованию служат отчеты о состоянии начальных народных училищ. Инспектора

представляли полные отчеты о состоянии народного образования с анализом существующих проблем в уезде, предлагали планы развития, писали просьбы со многими инициативами в земские учреждения, в учебный округ, в Министерство народного просвещения, участвуя в развитии и дальнейшем формировании образовательной политики государства. Отчеты о состоянии народных училищ по Каргопольскому уезду Олонецкой губернии объединены в Государственном архиве Архангельской области в фонд № 1353 «Инспектор народных училищ 3 района по Каргопольскому уезду Олонецкой губернии» (1867–1918 гг.).

Для сравнения были выбраны отчеты за период с 1905–1910 т.к. именно в это время сложилась система начального образования. Основные критерии: количество учебных заведений, финансирование, количество учеников и преподавателей.

1. Количество учебных заведений:

На территории Каргопольского уезда Олонецкой губернии существовали министерские училища, земские училища, церковно-приходские школы и школы грамоты. За период с 1905 – 1910 гг. заметен прогресс в развитии народного образования в Каргопольском уезде: произошло увеличения количества земских школ с 63 до 93. В 1906 г. было открыто одно земское училище – Лядинское женское [1, л. 52–56]. В 1907 г. было открыто 2 земских училища – Быковское женское и Печниковское женское [2, л. 11–16]. Осуществление плана по всеобщему начальному обучению было начато с 1908 г. В течение 1909 г. было открыто 21 земское училище [3, л. 12]. Среди остальных училищ земских больше всего, так как они закладывали фундамент общеобразовательной подготовки. Земская школа давала крестьянским детям навыки в освоении различных ремесел, а также прикладные знания в области сельского хозяйства. Таким образом, земские учреждения создавали сеть учебных заведений на территории Каргопольского уезда.

2. Финансирование учебных заведений:

Во второй половине XIX – начале XX вв. государство принимало непосредственное участие в обучении населения и придавало большое

значение поощрению народного образования. Учебные заведения получали финансирование из средств государственного казначейства, земских сборов, сборов с сельских обществ, пожертвований частных лиц, церквей, монастырей и пр. источников.

В 1905 г. на финансирование министерских и земских училищ было выделено 48 076 руб. 60 коп. [4, л. 7]. В 1908 г. – 50 976 руб. 17 коп. [5, л. 16]. В большей степени финансирование шло от государственного казначейства и уездного земства.

В среднем сумма на содержание министерского двухклассного училища составляла 1559 руб. 60 коп. в год в 1905 г. В 1909 г. на содержание Архангельского двухклассного министерского училища было выделено со стороны Государственного казначейства – 1300 руб., от уездного земства – 709 руб. Общая сумма составила 2009 руб. [6, л. 4]. Таким образом, финансирование на министерское училище росло, что было связано с возросшим количеством учеников и учителей, которых необходимо было содержать.

На содержание министерского одноклассного училища средняя сумма составляла 939 руб. 60 коп. в 1905 г. Если сравнивать с 1891 г., то суммы, выделяемые со стороны Государственной казны – 226 руб., уездного земства – 464 руб. В расходы было включено: жалование законоучителю, учителю, прислуге – 550 руб., на содержание библиотеки – 60 руб., на отопление помещения – 60 руб., на премию учителям – 60 руб. [7, л. 7].

В среднем сумма на содержание сельских земских училищ составляла в 1905 г. 534 руб. 90 коп. на одно училище. Расходы состояли из зарплаты законоучителю – 75 руб., учителю наук – 350 руб., учителю ремесла – 50 руб., расходы на «классные хозяйственные нужды» – 30 руб., расходы на отопление и освещение – 21 руб.

3. Количество учеников в учебных заведениях:

В министерских и земских училищах проводилось обучение для мальчиков и девочек. Существовали отдельные школы, как для девочек,

так и для мальчиков. В большинстве случаев обучение проводилось вместе для детей обоего пола.

Таблица 1. Количество учеников в 1905–1909 гг.

Год	Мальчики	Девочки
1905	2206	706
1906	2297	920
1907	2259	955
1908	2283	948
1909	2481	1104

Больше всего учеников проходило обучение в сельских училищах. Если взять данные за 1905 г., то училось 2067 человек, среди которых преобладает количество мальчиков – 1488, девочек – 579 в сельских училищах. В 1905 г. было 63 сельских училища и в каждом училось примерно по 32 ученика.

В министерских двухклассных училищах в 1905 г. училось 459 учеников, среди которых 406 мальчиков, 53 девочки. В каждом училище примерно по 92 ученика.

В министерских одноклассных училищах в 1905 г. училось 386 учеников, среди которых 312 мальчиков, 74 девочки. В каждом училище примерно по 55 учеников [4, л. 6].

Проанализировав отчеты за 1905 – 1909 гг. можно прийти к выводу о том, что у крестьян Каргопольского уезда появилось желание дать своим детям начальное образование, что выражалось в приговорах крестьянских обществ об открытии новых училищ на территории уезда.

4. Количество учителей в учебных заведениях:

В штате учебного заведения были один–два, максимум три–четыре преподавателя, один из которых был заведующим училищем. Характер обучения всецело зависел от личности педагога, который, наряду со священником, становится центральной фигурой в деревне того времени. [8, с. 49]. Исследователи отмечают, что учительство как социально-профессиональная группа складывалась и меняла свой облик в период реформирования системы народного просвещения [10, с. 149].

Таблица 2. Количество учителей в учебных заведениях в 1905–1908 гг.

Год	Законоучите- ль	Учителей	Учительни- ц
1905	67	45	42
1906	71	40	54
1907	65	42	53
1908	67	50	52

Согласно отчету за 1905 г., в министерских двухклассных училищах было 5 законоучителей, 10 учителей, 3 учительницы. В каждом училище был 1 законоучитель, 2 учителя либо 1 учитель и 1 учительница. В министерских одноклассных училищах 7 законоучителей, 7 учителей, 3 учительницы. В сельских училищах 55 законоучителей, 28 учителей, 36 учительниц [4, л. 7–8].

Согласно отчету за 1907 г., среди 42 учителей – 37 получили специальную подготовку и образование, 5 – со средним и начальным образованием. Все 53 учительницы имели среднее и начальное образование. Законоучителя, которых было 65 в 1907 г. получили образование в Олонецкой духовной семинарии, а также в двухклассных и одноклассных церковно-приходских школах [2, л. 11–16]. В 1909 г. при Архангельском двухклассном министерском училище работали два законоучителя, 3 учителя наук, 1 учительница – помощница [6, л. 4].

Оплата жалованья учителей была следующей:

- В двухклассных министерских училищах законоучителя получали по 150 руб. в год. В одноклассных министерских училищах по 100 руб. в год. В земских школах от 40 до 60 руб. в год.
- Учителя и учительницы получали от 240 до 420 руб. в год.
- Помощники учителей от 300 до 330 руб. в год.

Вышеупомянутые суммы указывают, каким значительным был социальный и материальный уровень учителя. В течение года ему было достаточно на питание, одежду, обувь, поездки и поддержку

родственников. Помимо этого, земские учреждения помогали учителям и в предоставлении им квартир и квартирных денег.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. в системе начального образования на территории Каргопольского уезда, как и повсеместно, в российской провинции, проводились реформы. Происходило не только увеличение числа учебных заведений, но и изменялась качественная сторона просветительской деятельности, — всё это демонстрируют отчеты, представленные инспекторами народных училищ.

Отчеты о состоянии народных училищ — важнейший исторический источник по истории народного образования в провинции. Прежде всего, в них представлена статистика народного образования: в отчетных документах представлены количество учебных заведений, данные по динамике численности учеников и преподавателей. Отчеты позволяют изучить структуру и принципы политики государства в сфере образования, выявить источники финансирования и проблемы в системе образования, а также оценить деятельность местных органов управления образованием.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1353. Оп. 1. Д. 189. Ведомости о состоянии начальных училищ третьего района Олонецкой губернии за 1906 г.

2. ГААО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 205. Отчет о состоянии народных училищ Каргопольского уезда, о расходах на их содержание за 1907 г.

3. ГААО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 237. Черновой отчет о состоянии народных училищ, народных библиотек за 1909 г. и др.

4. ГААО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 172. Отчет о состоянии начальных народных училищ Каргопольского уезда за 1905 г. Объяснительная записка к отчету и приложения.

5. ГААО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 217. Отчет о состоянии училищ Каргопольского уезда за 1908 г.

6. ГААО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 238. Статистические отчеты о состоянии Архангельского двухклассного училища и Каргопольского приходского училища за 1909 г.

7. ГААО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 59. Отчет о состоянии училищ Каргопольского уезда за 1891 г.

8. Новикова Ю.О. Земский учитель в конце XIX—начале XX века (по материалам Владимирской губернии). // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. 2019. № 38 (57). С. 49-55.

9. Попова Е.Н. Органы управления народным образованием в Каргопольском уезде во второй половине XIX – начале XX века (на основе документов, находящихся на хранении в Каргопольском муниципальном архиве и ГААО) // Материалы XV Каргопольской международной научной конференции. Каргополь, 2018. С. 185-192.

10. Сайфуллова Р.Р. Трудовая повседневность народных учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии) // Историческая этнология. 2018. № 1. С. 149-157.

**Протоколы волостных судов как источник правовых обычаев
крестьян Архангельской губернии**

Ключевые слова: волостной суд, приговоры волостных судов, исторический источник, правовой обычай.

Волостной суд – один из самых спорных институтов дореволюционной России. Этот правовой феномен исследовали многие ученые, начиная с момента его появления и заканчивая нашим временем, и до сих пор ведутся споры о значимости волостного суда в истории права России, например, в работе А. А. Леонтьева «Суд и его независимость» или статье В. Б. Безгина «Волостной суд сельской России».

Свою историю волостной суд ведет от освобождения крестьян из крепостной зависимости (1861). Дарование свободы крестьянам влекло за собой признание их полноправными членами общества, в то время еще сословного, а значит, требовало создания соответствующих государственных органов, которые могли бы обеспечивать и защищать права крестьян. В сфере правосудия с этой целью был создан волостной суд, который, в соответствии со ст. 69 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» являлся элементом волостного управления наряду с должностью волостного старшины, волостным сходом и волостным правлением. Местом проведения судебного заседания в этой же статье объявляется селение, в котором находится приходская церковь, но при отсутствии ее может быть место наиболее многочисленное и более развитое по своей инфраструктуре.

Формирование волостного суда – процедура, являющаяся выражением крестьянской воли, элементом местного самоуправления. Жители волости сами выбирают судей на определенный срок, и, что примечательно, за ними остается решение о назначении жалования судье, это прямо указано в ст. 93 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Обычно эта сумма варьировалась от 60 до 100 рублей в год [6], в зависимости от того, был ли это обычный судья, или же

председатель суда, но, в большинстве случаев, эта должность была общественной, а деятельность безвозмездной, поэтому, чаще всего ее занимали люди состоятельные.

Дела, которые рассматривал волостной суд, носили в основном характер проступков, которые не причиняли значительного вреда обществу. Наказания, которые волостной суд мог определять для провинившихся, были самыми разнообразными: от денежного штрафа до ударов розгами.

Рассмотрение дела в суде начиналось по жалобе истца, или представляющей его стороны, например родителей, если обиженный не достиг совершеннолетия. Сам судебный процесс протекал устно, а основной целью судьи являлось примирение сторон. Но если это в силу субъективных или объективных причин было невозможно, то суд, вынося решение, руководствовался обычаями, которые и составляли его «нормативную базу». Приговор волостного суда считался окончательным.

Причина, по которой этот институт можно назвать феноменом российской пореформенной действительности, — это принятие решений на основе обычаев, а не законов. То есть в России, чья правовая система относится к романо-германской правовой семье, возникает институт, подчиняющийся совершенно другим правилам.

Сфера применения обычаев в крестьянской среде очень широка – от обязательств до наследования. Обычаи являются выражением той части правовой культуры России, главную роль в которой играли крестьяне, их по современным подсчётам, насчитывалось во второй половине XIX в. более 80% от общего числа населения. Обычаи – это также своеобразное отражение многовековой истории крестьянской общины, почти не имевшей официально закреплённых в законодательстве прав, а только обязанности, и руководствовавшейся обычаями, которые после 1861 года получили легальное выражение.

Большинство правовых обычаев из протоколов волостных судов исторической Архангельской губернии касаются частного права, но встречаются и интересные исключения. Так, в одном из протоколов

упоминается обычай деревни Лисестровского сельского общества, согласно которому зимой в начале января «холостые» могут «производить безобразия». Под «безобразием» понималось «утягивание с улиц разного рода» имущества и перекрывание проезжей части, что при других условиях является кражей, но не в данной ситуации. То есть местный обычай исключал уголовную ответственность, хотя к участникам «безобразия» и могли применяться более легкие формы наказания [5, л. 3-5].

Во-вторых, отметим, что правовые обычаи Архангельской губернии подробно регулировали отношения, касающиеся наследства. Так во многих решениях волостных судов отражено, что наследуют в первую очередь переживший супруг и дети умершего: «У крестьян наследственное имущество наследуют: 1) жены 2) родные дети»[5, л. 39-40]. То есть вдова была финансово защищена после смерти мужа. Также интересно дело из книги «Лисестровского волостного правления», по которому, несмотря на дарственную от мачехи одному из сыновей, братья все равно делят имущество поровну[5, л. 50-53]. Это позволяет говорить о большей значимости наследования по «обычаю», чем завещанию.

При анализе протоколов волостных судов выявлен ещё один правовой обычай, на основании которого было вынесено решение: отмечается, что после смерти отца дети должны проявлять уважение к своей матери. Так, суд, ссылаясь на местный обычай, обязывает сына и его супругу «не под каким предлогом мать свою не оскорблять», а также поддерживать её хозяйство[4, л.209 – 210]. Данный факт подчеркивает как уважение к женщине в целом, так и почитание родителей, отражая многовековую традицию построения большой патриархальной семьи, необходимой на севере.

В Книгах на записку решений волостных судов находят отражение и обычаи, связанные с традициями сватовства. Так из записей становится известно, что после сватовства невеста и жених молились при свидетелях, обменивались подарками и жених угощал соседей. Последствиями отказа вступить в брак со стороной невесты является возмещение родителями

девушки части ущерба жениху, что отражает и взгляд закона на эту ситуацию. В данном случае найденный обычай сватовства будет интересен не только историкам права, но и этнографам, так как документ содержит в себе, в некоторой степени, обрядовую часть[4, л. 21-25].

Большая часть протоколов волостных судов посвящена тяжбам между крестьянами в области обязательственного права, которое имеет довольно продуманную конструкцию, основываясь на многовековых традициях. О развитости этой отрасли права свидетельствует следующий обычай: если был внесен задаток по договору – его исполнение обязательно и от него уже нельзя отказаться[3, л. 59(об)-63]. Или же обычай, который гласит, что долг можно вернуть только, если договор займа был заключён письменно[3, л. 6(об)-8]. В то же самое время в силу местного обычая обязательственные правоотношения могут не иметь письменной формы. Так, получение денег по выплатам не всегда оформляется письменно, что не давало право кредитору требовать сверх долга[2, л. 36], это подчёркивает справедливость правового обычая в частности и крестьянского обычного права в целом.

В заключении, подчеркнем, что институт волостных судов представляется хотя и спорным, но прогрессивным институтом, привнесшим правовой обычай в российскую правовую систему. Из протоколов волостных судов территорий, относящихся к современной Архангельской области, можно выявить уникальные правовые обычаи, интересные для историков, юристов и этнографов. Обычаи, содержащиеся в данных документах, отражают как связь населения региона с государством, ибо ряд обычаев соответствует закону, так и передают особенности региона и отражают уровень правосознания и правовой культуры населения, что делает обычаи из протоколов волостных судов уникальным источником информации, но недостаточно изученным на данный момент.

Список источников и литературы:

1. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Российское законодательство X–XX вв.
2. Государственный архив Архангельской области (далее - ГААО). Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр.498.
3. ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр.596.
4. ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 40.
5. ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 17.
6. Безгин В.Б. Волостной суд сельской России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №12(20). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volostnoy-sud-selskoy-rossii> (29.04.23).
7. Степанова С.О. Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период // Труды Института государства и права РАН. 2013. №2. С. 58-70.
8. Сушкова Ю.Н. Практика применения волостными судами народных обычаев // Социально-политические науки. 2017. №2. С. 166-168.
9. Шишкарёва Т.Н. Волостной суд в системе крестьянского правосудия в 1889-1912 гг. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. №4. С. 203-209.

Взаимоотношения интервентов и руководства Северной области в Гражданской войне в Архангельской губернии в 1918-1919 гг. (по материалам фонда генерал-губернатора Северной области)

Ключевые слова: интервенция, Северная область, генерал-губернатор, Гражданская война, Архангельск

Долгое время в исторической науке не ослабевает интерес к проблемам и событиям Гражданской войны в России. Широкий спектр проблем и дискуссионных вопросов до сих пор привлекает многих исследователей обращаться к этим трагичным событиям XX в.

Гражданская война – это период в истории нашей страны, который необходимо глубоко осмыслить, поскольку он предопределил дальнейшее её развитие на десятилетия и оставил неизгладимый след в судьбах многих. Немаловажной частью войны стала вооруженная интервенция отдельных государств и военно-политических блоков против большевиков, которая развернулась в 1918 г. К сожалению, проблемам интервенции в последние годы уделяется недостаточное внимание в исследованиях и публикациях.

Стоит отметить, что в разных районах России интервенты играли разную роль и преследовали разные цели. На Европейском Севере России интервенты Антанты играли главную роль в развязывании и ведении Гражданской войны [5, С. 26]. В данном исследовании в качестве хронологических рамок взят период присутствия интервентов в Архангельске – с августа 1918 г. по сентябрь 1919 г. Антанта оказывала белым войскам всестороннюю помощь от финансовой до вооруженной.

Также в данной работе приведён анализ архивных материалов генерал-губернатора Северной области. Эти документы представляют собой приказы и постановления, однако, на основе данных материалов можно проанализировать роль интервентов в борьбе с большевиками и отношения между союзниками и руководством Северной области, выделить роль интервентов в борьбе с большевиками.

Антибольшевистские силы формировались в первые месяцы существования Верховного управления Северной Области, т. е. август и осень 1918 г. [6, С. 72]. В первую очередь это войска Антанты. Очевидно, что главной целью Северных добровольческих войск и Союзников была борьба совместными усилиями против Советского правительства. И для реализации этой цели, например, с 22 октября 1918 г. Союзным Штабом был организован ряд лекций для Генералов и Штаб-Офицеров русской армии с целью более детального ознакомления с организацией Союзных армий и с применением на войне новейших технических средств [1, л. 14].

Так как Союзные войска служили главной опорой и помощью для добровольческой армии Северной области, каждый военнослужащий должен был быть знаком со схемой организации административной службы Главного Штаба Северного Русского Экспедиционного корпуса, для правильного взаимодействия войск между собой [1, л. 29]. Чаще всего солдаты обращались по вопросам о расквартировании, пайках в Архангельске и пригородах, обмундирования и денежного довольствия, Американский Красный Крест и Британская Миссия снабжения передавали медицинские средства в распоряжение города Архангельска и Губернского Земства. Можно сказать, что Союзники обеспечивали и русских солдат, и гражданское население.

Если рассматривать основу антибольшевистских сил на Севере, то как известно, все силы интервентов в Северной области находились под британским командованием, но состав Союзной армии был разнообразным. 15 января 1919 г. Миллер стал председателем Временного правительства Северной области [2, л. 1]. В его приказах можно найти большое количество наградений орденами за боевые отличия не только русских солдат, но и солдат британской армии, американской, французской, итальянской, сербской и др. В боевых действиях участвовали также военные корреспонденты – в приказе Миллера от 1 мая 1919 г. содержится информация о награждении корреспондента английской газеты «The Morning Post», графа Гастона де Мерендоль. Он «по личному желанию принял участие в разведке и атаке противника, причем, находясь

под пулеметным огнём примером личной храбрости, пренебрегая жизнью, ободрял солдат и тем способствовал выполнению поставленной боевой задачи» [2, л. 84].

Конечно, выделить реальное положение дел внутри как добровольческой, так и союзной армии через одни только приказы и постановления достаточно сложно, так как командующие войсками — Миллер, Самарин, Жилинский, и др. старались не допустить негативных настроений внутри армии, до последнего они в своих приказах писали о надёжном сотрудничестве с союзниками, даже не смотря на их уход в сентябре 1919 г., о важности дисциплины внутри войск, несмотря на то, что неоднократно среди солдат появлялись те, кто подхватывал идеи большевиков и переходил на их сторону [2, л. 216].

Стоит добавить, что русские главнокомандующие северных «белых» войск отводили большую роль королю Великобритании Георгу V в силу его родства с Николаем II. И хотя Временное правительство Северной области старалось отойти от монархических ценностей, однако, сделать это было достаточно сложно, во-первых, состоя в союзнических отношениях с монархической Великобританией, а во-вторых, ввиду разобщенности белого движения. Так 6 июня 1919 г. Главнокомандующий Экспедиционными войсками Северной России Генерал-Майор Айронсайд уведомил Миллера о том, что им получена телеграмма от Его Величества Короля Великобритании, в которой Георг V подбадривает британскую, русскую и союзные армии и отмечает то, что они «доблестно встречали и преодолевали все возникавшие трудности» [2, л. 141]. По словам Миллера эта телеграмма «явилась первым приветствием возрождающейся Русской армии от Главы Великого Союзного нам Народа». Через два месяца интервенты ушли с Севера.

Уходя с Севера, союзники были убеждены в обреченности вооруженной борьбы без них и предлагали эвакуировать войска белых, в т. ч. командование, за границу. Однако, командование ответило отказом, вероятнее всего из-за надежды на успех Колчака и войск на других фронтах.

После ухода Союзников 25 сентября 1919 г. Миллер издаёт приказ об объявлении Архангельска на осадном положении [3, л. 130]. Конечно, это было сделано ради безопасности и в первую очередь для пресечения большевистских выступлений. Однако, меньше, чем через месяц, 14 октября 1919 г. Миллер снимает осадное положение гор. Архангельска «в виду установившегося, после ухода союзников, нормального течения жизни и порядка» [3, л. 181]. После поражения белого движения осенью 1919 г. на других фронтах существование Северного фронта было лишь вопросом времени. Он потерпел крах в феврале 1920 года.

Надежда на победу над большевиками, поддержку со стороны войск Антанты была до самого конца: Миллер вплоть до февраля 1920 г. награждал солдат Союзной армии, несмотря на их уход из Северной области [4, л. 40]. Хочется ещё раз отметить, что роль интервентов на Севере в ведении Гражданской войны была очень велика. Союзники снабжали всем – оружием, флотом, транспортом, одеждой, продовольствием, деньгами, медикаментами. В документах генерал-губернатора Северной области явно прослеживается эта роль, в них открыто пишется о помощи извне, без которой, вероятнее всего, ведение борьбы было бы невозможным.

Список источников и литературы

1. ГААО. Ф. 2834. Оп. 1. Д. 36.
2. ГААО. Ф. 2834. Оп. 1. Д. 37.
3. ГААО. Ф. 2834. Оп. 1. Д. 47.
4. ГААО. Ф. 2834. Оп. 1. Д. 54.
5. Голдин, В. И. Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере: актуальные и дискуссионные проблемы // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2018. №4. С. 16-49.
6. Силин, А. В. Начальный этап формирования вооруженных сил антибольшевистской Северной области (август сентябрь 1918 года) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2008. №4. С. 68-72.

СЕКЦИЯ VI. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В МУЗЕЕВЕДЕНИИ, АРХИВНОМ ДЕЛЕ И АРХЕОЛОГИИ

Л.Г. Богданов

Комплектование музейных фондов в 1960-1970-е гг. как процесс конструирования памяти

Ключевые слова: конструирование памяти, музей, комплектация фондов

Memory studies за последние годы достаточно прочно укоренились в отечественной историографии. Исследования, посвященные конструированию памяти в музеях, фокусируются, преимущественно, на современных экспозициях, освещающих тему репрессий, имперского прошлого т.д. [1, 10] Однако при этом недостаточно внимания уделяется созданию памяти в позднесоветских музеях.

Проследить же этот процесс, на наш взгляд, можно обратившись к музейной учетной документации. Значение и актуальность данного вида источников уже обозначалась, но, преимущественно, в связи с вопросом формирования коллекций в музейных собраниях крупных столичных музеях [2, 11]. Мы же хотим сфокусировать внимание на комплектовании региональных музейных фондов.

Практика пополнения музейных хранилищ кажется достаточно рутинной деятельностью, однако это лишь на первый взгляд. Чтобы понять, почему комплектование фондов может нести ценную информацию, необходимо обратить внимание на ряд моментов. Начиная с эпохи зарождения публичного музея в конце XVIII – начале XIX вв. [12, р. 59-88], проявляется ряд характерных для данного института черт: музей – это не только новый аппарат производства знаний, сотканный из различных предметов, но и место по созданию и организации транслируемых им нарративов. Перед нами предстают новые технологии, манипулирующие музейными предметами: методы реставрации, фиксация передачи

собственности, и самое главное — методы идентификации и отбора материалов [14, р. 167-190].

С этого времени одной из центральных проблем организации музейного пространства, становится проблемы организации хранилища музейных предметов, а также их отбора, актуальные и поныне [15, р. 173-195; 16, р. 123]. Важно понимать, что любой депозитарий, будь то архив, библиотечные, музейные фонды – это ограниченное пространство. Соответственно, далеко не все предметы пройдут отбор, будут организованы в коллекции и сохранены для будущих поколений [13, р. 23]. К тому же, предполагается, что из отложенных предметов могут создаваться экспозиции, в связи с чем необходимо четко понимать, что подойдет для выставки, а что – нет [13, р. 23]. С отбором предметов, безусловно, связан и формируемый канон памяти, который подразумевает систему норм и правил, которые нельзя нарушать. Все это говорит нам о том, что практика отбора предметов может показывать нам процесс создания образа прошлого.

Основу источниковой базы составили годовые отчеты объединения ивановских историко-революционных музеев, отложившихся в государственном архиве Ивановской области [далее – ГАИО – прим.]. В данной работе мы сфокусируемся лишь на ключевом звене этого объединения – краеведческом музее. Хронологически мы охватим период с середины 1960-х гг. по конец 1970-х гг., который охватывает создание музейной сети в Ивановской области.

Сбор предметов шел в это время по трем основным отделам музея: периоды досоветской, советской истории, а также отдел природы. Наиболее часто пополняемым был раздел советской истории. Особенность предметов, относящихся к нему, была в том, что это были вещи часто современные процессу сбора. Так, в 1964 году в фонды музея поступили: образцы химической и текстильной продукции, образцы и детали с заводов ЗИП и Ивмашприбор, грамоты передовиков; различные фотографии и т.д. [4, л. 5-6]. В 1960-х гг. по отчетам фиксируется продолжение сбора предметов, связанных с Великой Отечественной войной: конкретно в 1965

год были отобраны воспоминания участников, фотографии, личные вещи, фронтовые газеты и многое другое [5, л. 5]. Похожая ситуация наблюдается и в последующих отчетах за 1960-е гг. Например, в 1966 году собирались грамоты передовиков производства; материалы по отдельным личностям-героям социалистического труда; сувенирные подарки делегатам XXV съезда ВЛКСМ, а также фотографии со строительства ТЭЦ-2 [6, л. 5-6]. Отчасти ситуация меняется в 1970-е гг. Так, постепенно в отчетах появляются, пусть и очень краткие, упоминания о коллекционировании предметов, связанных с бытом рубежа XIX-начала XX вв. В 1970-м году часть из собранных материалов относилась к истории крестьянства (платья, сарафаны), а часть изученных документов и предметов были приурочены к теме революционной борьбы в период рубежа веков [7, л. 7-8].

На данном моменте мы можем выделить несколько тем, которые и будут составлять репертуар канона памяти: это события революционной борьбы конца XIX-первой половины XX вв., тема Великой Отечественной Войны [далее – ВОВ – прим.], а также тема успехов Советского Союза в послевоенное время. Сбор предметов по ВОВ являлся следствием тенденции мифологизации данной темы при Л. И. Брежнев [3, с. 102-105] и вписывался в общегосударственный контекст, тема же революционной борьбы и коллекционирование предметов с текстильных производств, были больше связаны с региональными мифами, т.к. Иваново позиционировалось как «текстильная столица» и «родина первого Совета» [9]. Также важно отметить и сбор вещей, приуроченных к советским праздникам. Например, к 100-летию В. И. Ленина собирались материалы о проведении субботника, книги трудовых подарков ко дню рождения Владимира Ильича, а также о праздновании этой юбилейной даты [7, л. 7].

Но наиболее сложной представляется тема коллекционирования предметов, связанных с самой изучаемой эпохой: различные детали с машиностроительных заводов, образцы текстильной продукции и многое другое. Но одной из самых интересных групп собираемых источников, были фотографии, которые могли создавать значимое событие. В качестве

примера, возьмем отчет о комплектации фондов за 1979 год, где описывается подобный процесс. 4 марта указанного года музейные сотрудники выехали на избирательные участки, где запечатлели на камеру «знатных людей» в процессе голосования, а именно: героиню социалистического труда, ткачиху камвольного комбината В. Н. Голубева, директора ткацкой фабрики им. 8 марта З. П. Пухову, а также кандидатку в депутаты Верховного Совета СССР Е. А. Кирьянову [8, л. 10].

В этом кейсе мы можем увидеть сразу несколько важных моментов: во-первых, среди выделенных «знатных» людей мы встречаем рабочих и управленцев (директора фабрики и депутата) – это те слои общества, которые были достойны остаться в истории; во-вторых, сам выбор мероприятия, которое нужно зафиксировать – это выборы, которые демонстрируют устройство политической системы. В данном случае проявляется плановость пополнения музейного фонда по периоду советской истории – необходимость закрывать цифровые показатели приводила к практике съемок выборов, что позволяло конструировать прошлое буквально в текущий момент.

Оптика рассмотрения комплектации музейных депозитариев как инструмента по созданию прошлого может указывать нам не только на факт самого сбора материала, но и на его основные направления и значения, что позволяет рассматривать нарративы памяти не только в экспозиционной, но и в фондовой деятельности. В своей работе мы охватили лишь несколько показательных кейсов коллекционирования, однако остается множество тем для дальнейшего изучения вопроса: сбор предметов по Великой Отечественной войне, отделу природы, отношение сотрудников музея к комплектуемым предметам и т.д.

Список литературы

1. Абашин С. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 37-54.

2. Баранова С. И. Музейные учетные документы как исторический источник // Мировые тренды и музейная практика в России. М., 2019. – С. 178-185.
3. Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.
4. Отчет о работе музея за 1964 год // ГАИО. Ф. Р-2135. Оп. 1. Д. 34.
5. Отчет о работе музея за 1965 год // ГАИО. Ф. Р-2135. Оп. 1. Д. 37.
6. Отчет о работе музея за 1966 год // ГАИО. Ф. Р-2135. Оп. 1. Д. 39.
7. Отчет о работе музея и его филиалов за 1970 год // ГАИО. Ф. Р-2135. Оп. 1. Д. 53.
8. Отчет о работе музея и его филиалов за 1979 год // ГАИО. Ф. Р-2135. Оп. 1. Д. 105.
9. Семененко А. М., Тимофеев М. Ю. // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. №. 1. С. 77-86.
10. Хлевнюк Д. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М., 2019. С. 106-122.
11. Юмашева Ю. Ю. Музейная документация как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 265-270.
12. Benett T. The birth of the museum: history, theory, politics. – London; New York: Routledge, 1995.
13. Brown R. H., Davis-Brown B. The making of memory: the politics of archives, libraries and museums in the construction of national consciousness // History of the human sciences. 1998. V. 11. №. 4. P. 17-32.
14. Hooper-Greenhill E. Museums and the Shaping of Knowledge. London: Routledge, 1992.
15. Knell S. J. (ed.). Care of collections. – Psychology Press, 1994.
16. Matassa F. Museum collections management. – Facet Publishing, 2011.

**Репрезентация первичных материалов Первой всеобщей
переписи населения 1897 г. в сети интернет (на примере переписных
листов по городскому населению Сибири)**

Ключевые слова: перепись 1897 г., база данных, архивные документы, цифровые копии исторических документов

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>

Одной из тенденций развития современного общества является расширение открытости и обеспечение доступа к историческим источникам и их данным. За последние несколько лет были созданы крупные научно-познавательные и просветительские проекты, например, «Электронная библиотека исторических документов, получили развитие отраслевые информационные ресурсы такие, как Центральный фондовый каталог Архивного фонда Российской Федерации. Кроме того, развивается и исследовательский сегмент исторических ресурсов: результатом части научных проектов становятся базы данных, интерактивные карты, 3D модели памятников и других объектов, а также электронные публикации исторических документов, в том числе представленные в свободном доступе онлайн. Вместе с тем, можно отметить, что регионы в цифровом пространстве отражены весьма неравномерно, поэтому одним из актуальных тенденций видится расширение представительства региональных исторических материалов, в том числе архивных, в онлайн доступе. В докладе будут рассмотрены варианты репрезентации в сети интернет таких видов массовых источников, как переписные листы переписи 1897 г. по населению Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, будет уделено внимание проблемам создания и преимуществ использования информационной системы по населению городов Сибири конца XIX – начала XX в., одним из основных источников для которой стали переписные листы переписи 1897 г.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи была проведена по состоянию на 28 января 1897 г. и охватила все регионы и все

население страны. По признанию международного статистического сообщества конца XIX в. российская перепись была признана крупнейшей в мире по объему собираемых сведений [4, С. 85]. Особый интерес представляют первичные материалы переписи, а именно переписные листы, долгое время считавшиеся утраченными, но сохранившиеся в ряде российских и зарубежных архивов [1]. Переписные листы содержат уникальные персональные данные о населении регионов Российской империи конца XIX века, что сделало их объектом интереса не только научного сообщества, но и широкого круга лиц, занимающихся составлением родословных и историей семьи. Это обстоятельство способствовало популяризации данного вида источников и расширения его представительства в сети интернет как в виде оцифрованных копий, так и в виде баз данных.

Одним из вариантов репрезентации переписных листов является создание коллекций цифровых копий. Наиболее качественные коллекции оцифрованных архивных документов создаются самими архивными органами. Так, коллекции с электронными образами переписных листов представлены в информационных системах государственных архивов в г. Тобольске [9], а также Красноярского [3] и Хабаровского краев [10]. Несмотря на некоторые недостатки оцифровки (случайный пропуск листов, отсутствие в пользовательском интерфейсе цветовых и размерных линеек, которые призваны обеспечить представление о размерах и цветовых особенностях источника), архивные коллекции обладают рядом преимуществ: размещение цифровых копий в структуре архивного фонда позволяет пользователю проследить исторические связи и условия сохранности дел, а сплошная оцифровка – увидеть внутренние генетические связи источника. Стоит отметить, что в сети интернет также можно найти цифровые образы переписных листов по населению Сибири, ориентированные, прежде всего, на генеалогический поиск и отличающиеся рядом особенностей (выборочная оцифровка, неполная индексация или отсутствие архивного шифра, систематизация по населенным пунктам и т.д.)

Другим вариантом репрезентации материалов переписных листов переписи 1897 г. являются базы данных, создаваемые как архивами, так и исследователями. Стоит отметить, что архивы создают базы данных по типу именных указателей, содержащих краткую информацию о персоне и поисковые данные к ней [9]. Пользовательские базы данных отличаются разнообразием тематик и структур, при чем, сведения переписных листов становятся объектом исследования не только историков [5], но и антропологов [6], и лингвистов [8]. К сожалению, большинство исследовательских баз данных создаются для конкретных научных задач и не ориентированы на размещение в свободном доступе.

Другой подход представлен в информационной системе по населению городов Сибири на рубеже XIX-XX вв. [7]. В настоящее время база данных включает сведения по более, чем 85 тыс. персон из 12 городов Сибири. Архитектура базы данных, созданной по материалам переписных листов, сохранившихся в нескольких архивах Сибири и Дальнего Востока и имеющих некоторые региональные особенности, изначально проектировалась для представления в открытом доступе с возможностью поиска и систематизации данных по различным критериям. Для создания качественного ресурса и широких пользовательских возможностей требовалась последовательная реализация ряда шагов. Прежде всего, был проведен детальный источниковедческий анализ переписных листов с учетом как внутренних особенностей (например, сведения о физических недостатках вносились в графу имени/отчества), так и генетических связей (переписной лист – обложка (для многоквартирных домохозяйств) – ведомость подсчета населения). Это позволило осуществить, с одной стороны, декомпиляцию, с другой – унификацию сведений, и построить структуру базы данных [2].

При работе с информационной системой следует учитывать некоторые особенности: база данных не имеет синхронизацию с цифровыми копиями, но содержит полные поисковые данные на каждое домохозяйство и каждую персону; сведения могут содержать ошибки написания и прочтения, поэтому следует задавать различные варианты

личных данных; структура и репрезентация данных, несмотря на то, что является источникоориентированной, представлена в авторской интерпретации. Вместе с тем, база данных позволяет: 1) восстановить домохозяйства, части которых сохранились в разных архивных делах (например, Тобольская губернская больница); 2) собрать в единый комплекс данные о жителях одного города, переписные листы по которым сохранились в разных архивах (переписные листы по Благовещенску сохранились в архиве Амурской области и РГИАДВ). В пользовательском интерфейсе есть возможность поиска не только по личным данным, но и по населенным пунктам, а также отдельным характеристикам (вероисповеданию и сословию). Таким образом, информационная система может рассматриваться как новый источник, основанный на собственно исторических материалах и отражающий их источниковедческий анализ и авторский подход к унификации и репрезентации данных. В таком контексте актуальность приобретает выработка правил отсылки к используемым ресурсам, а не только историческим источникам, ставшим основой базы данных.

В целом, информационная система может использоваться в целях изучения различных аспектов истории городского населения, генеалогического поиска, а также компаративных, в том числе международных, исследований.

Список источников и литературы

1. Брюханова Е.А. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года в архивах России и ближнего зарубежья: монография. Барнаул, 2019.

2. Брюханова Е.А., Неженцева Н.В., Чекрыжова О.И., Иванов Д.Н. База данных по первичным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: структура и возможности анализа // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 20 – 33.

3. Государственный архив Красноярского края: электронный каталог [Электронный ресурс] URL: <https://catalog.krasarh.ru/>

4. Елисеева И.И., Попова И.Н. Начало международного признания российской государственной статистики // Вопросы статистики. 2013. № 8. С. 80-85.
5. Зверев В.А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4(8). С. 63–70.
6. Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Формирование и расселение групп коми на территории Ялуторовского уезда Тобольской губернии в XIX начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 113–119.
7. Население городов Сибири на рубеже XIX – XX вв. [Электронный ресурс] URL: <https://person1897.histcensus.asu.ru/>
8. Сулямова Р.М. Этимологический анализ антропонимов сибирских татар в XIX в. (на примере юрт Араповских Тобольской губернии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 165–170.
9. Электронный архив Государственного архива в г. Тобольске// Управление по делам архивов Тюменской области [Электронный ресурс] URL: <http://archiv.72to.ru/index.php/ga-tobolsk/tobolsk-ob-material>
10. Электронный читальный зал Государственного архива Хабаровского края [Электронный ресурс] URL: <https://gakhk.khabkrai.ru/services/>

**Фонд «Департамент образования и науки администрации
муниципального образования город Сургут» как источник по
проблемам в развитии образования в Сургуте 1966-1976 гг.**

Ключевые слова: история образования, региональные архивы, Сургут, эпоха застоя, региональная история

Образование играет важнейшую роль в современном динамично развивающемся обществе. Это огромная система, которая состоит из множества компонентов как организационного, так и содержательного характера. История развития образования Сургута многогранна и пережила несколько этапов. Одним из интереснейших этапов развития образования является время формирования г. Сургута как одного из индустриальных центров освоения нефти и газа на территории Западной Сибири.

Для изучения темы развития образования в нашем регионе и городе одними из интересных источников являются документы Департамента образования и науки Администрации муниципального образования город Сургут. Архивный фонд, где отложились данные документы, образован отделом народного образования Сургутского исполнительного комитета городского совета депутатов, который был образован на 4 сессии городского Совета депутатов трудящихся от 27 января 1966 года. Отделу предписывались следующие функции: руководство народным образованием в городе; руководство методической работой школ, финансирование школ, контроль правильности расхода средств, отпущенных школам, обобщение и распространение опыта учителей [13, с. 1].

Все документы фонда можно классифицировать по следующим группам:

- протоколы гос. совещаний и заседаний при отделе, которые описывают решения и постановления заседаний [1, с. 12-15];
- годовые планы работы отдела, где прописаны вопросы на обсуждение на Совете ГорОНО, организационно-педагогические

мероприятия на учебный год, распределение обязанностей среди работников ГорОНО [2, с. 1-3].

- штатные расписания, где прописана приходно-расходная смета, включающая заработную плату, канцелярские и хозяйственные расходы, вложения по государственному плану капитальных работ [3, с. 110];

- приказы по основной деятельности образовательных учреждений [4, с. 1-2].

- бухгалтерские отчёты с объяснительными записками, в которых расписаны источники средств и расходов, а также сведения о проверке наличия денежных средств в кассе ГорОНО [5, с. 9-13];

- статистические отчёты школ городского отдела народного образования, вечерних школ, учебно-производственного комбината о состоянии успеваемости, о движении учащихся, состоянии школ и составе учащихся [6, с. 22-25];

- документы по награждению, которые содержат наградные листы и характеристики педагогов [87, с. 15];

- социалистические обязательства учреждений и городского отдела народного образования [8, с. 18].

Наибольший интерес представляют годовые планы, бухгалтерские отчеты, штатные расписания. Так, с помощью этой отчетной документации школ по успеваемости и материальному состоянию школ, бухгалтеров о затратах, протоколов гос. совещаний можно изучить различные направления работы школ, такие как:

- материально-техническая составляющая школ;
- уровень квалификации учителей;
- итоговые положения заседаний по разработке государственных планов на учебный год;

- уровень образованности и качество обучения и т.д.

Также одним из направлений, информация о котором содержится в материалах фонда, является выявление и анализ проблем системы образования г Сургута. На основе документов фонда, таких как годовые

планы, протоколы гос. совещаний, штатные расписания можно выделить следующие проблемы развития образования в 1966-1976 гг.:

1) организация всеобщего образования в национальных республиках, т.к. нужно было переводить школы на единую программу. Этой проблеме уделялось особое внимание: введение родного языка на подготовительных курсах, перевод всех национальных школ на программу и учебные планы школ Крайнего Севера, выполнялся контроль за выполнением мероприятий, проводимых в окраинах [9, с. 3];

2) отсутствие высшего образования у значительной части учителей. Так, например, на 1975-1976 учебный год из 582 учителей высшее образование было только у 386 [10, с. 9];

3) Неудачающие ученики. Вследствие чего велась постоянная отчетность об учениках, на основе проводившихся экзаменов [11, с. 22-24];

4) нехватка мест в образовательных учреждениях. Предприятиями проводится комплектование на новый учебный год, проверяются списки, проводятся собрания с учащимися, которые должны учиться в новом учебном году, ведется индивидуальная работа. Но «требуется делать еще больше, т.к. количество не имеющих образования значительно больше количества обучающихся», говорилось на одном из заседаний ГорОНО [12, с. 12];

5) недостаточное материальное обеспечение. Далеко не все детские учреждения города располагали необходимым запасом рисовальной, цветной бумаги, цветных карандашей, красок, методической и художественной литературы [12, с. 14].

Таким образом, архивный фонд «Департамент образования и науки Администрации муниципального образования город Сургут» является ценным источником при изучении истории образования региона. Он дает целостное представление о проблемах в развитии образования в стране и регионе в 1960-1970-е годы, показывает, как осуществлялась политика государства по преобразованию сферы образования, раскрывает проблемы и механизмы их решения в рамках формирующегося нового города Сургута.

Список источников и литературы

1. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 7.
2. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 3.
3. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 8.
4. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 75.
5. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 9.
6. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 4.
7. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 112.
8. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 88.
9. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 117.
10. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 126.
11. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 4.
12. МКУ МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 124.
13. Муниципальное казенное учреждение «Муниципальный архив города Сургута» [Электронный ресурс] URL: <https://admsurgut.ru/rubric/24069/Municipalnoe-kazennoe-uchrezhdenie--Municipalnyy-arhiv-goroda-Surguta?stayHere=1> (дата обращения: 10.03.2023).

А.Д. Малярова, А.С. Тараканов

Опыт графической реконструкции сосудов гребенчато-ямочной керамики средствами трехмерного моделирования

Ключевые слова: типичная гребенчато-ямочная керамика, Берёзово 2, трехмерное моделирование.

На сегодняшний день вопросы восстановления внешнего облика археологических сосудов продолжают оставаться актуальными. Существует два способа восстановления сосудов: реконструкция формы и недостающих частей с помощью гипса или мастики и графическая реконструкция, основанная на ранее сформировавшихся представлениях специалиста. К разновидности графической можно отнести реконструкцию сосудов при помощи компьютерного моделирования на основе точных 3D-моделей фрагментов сосудов.

Работы по получению профилей и контуров сосудов для их классификации с помощью компьютерных технологий проводились западными коллегами [например, Gualandi et al. 2016: 203-205; Gilboa et al. 2003: 681-694]. Эксперименты проводились на римской керамике (где профиль часто играет классифицирующую роль). Также разработаны системы автоматизированной ориентировки фрагментов керамики и создания графических реконструкций (DACORD – Computer-Assisted Drawing of Archaeological Pottery (theCADAPtable system) (Wilczek et al. 2017: 4-5). Компьютерные технологии позволяют строить модели археологических находок бесконтактно, т.е. производить манипуляции не с реальным артефактом, а с его виртуальной копией.

Традиционно формы сосудов гребенчато-ямочной керамики специалисты восстанавливают и представляют по археологическим эталонам сосудов, собранным по фрагментам практически полностью. По этим представлениям, сосуды этого типа практически симметричны вокруг своей оси вращения (простые конические сосуды, пулевидные). Знание о приблизительной конфигурации сосудов может помочь в верификации полученных данных. Для проверки метода были использованы фрагменты

типичной гребенчато-ямочной керамики, обнаруженные на памятнике Березово 2 в Северо-западном Приладожье [Герасимов и др. 2018: 9-20]. Всего обработано 3 фрагмента, относящихся к одному условному сосуду (венчик и верхняя часть сосуда была реставрирована из семи фрагментов, стенка – из двух, донце тоже из двух). Трехмерные модели получены методом фотограмметрии, обработка фотоснимков проводилась в программе Agisoft Metashape. Реконструкция формы сосудов производилась в программе трехмерного моделирования Blender с дополнением tinyCAD Mesh tools. Форма условного сосуда была получена по венчику.

Ориентирование фрагментов осуществлялось вручную, опираясь на профиль фрагментов (венчик, донце) и пояса орнамента (Рис.1). При помощи трех точек на внешней поверхности фрагмента была прочерчена окружность и восстановлен диаметр сосуда. Из центра окружности проведена линия, соответствующая центральной оси вращения сосуда. На поверхность фрагмента спроецирована линия, перпендикулярная касательной к окружности. На этой линии выбрано еще три точки, по которым прочерчена еще одна окружность. Пересечение окружности с центральной осью и окружностью сосуда образует дугу, составляющую внешний контур сосуда.

Следует перечислить некоторые допущения, сделанные перед реконструкцией. 1. Не учитываются деформации формы сосуда, произошедшие в процессе изготовления. Трехмерная реконструкция симметрична по центральной оси. 2. Не учитываются деформации фрагментов вследствие нахождения в слое. Но стоит отметить, что фрагменты гребенчато-ямочной керамики сохраняются хорошо (сильный обжиг и плотное тесто с примесью дресвы, перекрыты слоем Ладожской трансгрессии), практически не деформируются. Считается, что на степень деформации сосудов влияет пористость теста и условия залегания фрагментов. 3. Метод проверен на сосудах сравнительно простой формы со слабой профилировкой.

В процессе работы было выполнено ориентирование всех трех фрагментов одного условного сосуда для воссоздания его формы. Однако по каждому из фрагментов была получена разная форма сосуда (Рис.1). Таким образом, мы столкнулись с трудностями в реконструкции форм сосудов гребенчато-ямочной керамики. С какой стороны можно рассматривать такой результат? Во-первых, несмотря на отнесение всех фрагментов к одному условному сосуду по ряду очевидных признаков (морфологические, технико-технологические и орнаментальные), фрагменты могут относиться к разным сосудам. Такой вариант усложняет сам процесс выделения на памятнике условных сосудов как единиц анализа. Во-вторых, деформация фрагментов в слое может быть сильнее, чем представлялось ранее. В-третьих, представляется, что сосуд может быть асимметричен, что вполне возможно при ручной лепке. Также можно предположить, что форма сосудов гребенчато-ямочной керамики может быть несколько разнообразнее, чем считалось ранее. Разработка надежного метода реконструкции сосудов требует дальнейших изысканий

Список литературы

1. Герасимов Д.В., Ткач Е.С., Гончарова Е.Н. Раскопки неолитической стоянки Березово 2 в Северо-Западном Приладожье (полевые наблюдения и предварительные интерпретации) // Бюллетень ИИМК РАН №8. СПб., 2018. С. 9-20.
2. Gilboa A., Karasik A., Sharon I., Smilansky U. Towards computerized typology and classification of ceramics. *Journal of Archaeological Science* 31, 6. 2004. pp. 681– 694.
3. Gualandi ML., Scopigno R., Wolf L., Richards J., Buxeda i Garrigos J., Heinzelmann M., Hervás MA., Vila L., Zallocco M. ArchAIDE Archaeological Automatic Interpretation and Documentation of ceramics. In: Catalano CE, De Luca L (eds) EUROGRAPHICS Workshop on Graphics and Cultural Heritage. 2016. Eurograph Assoc pp. 203–206.
4. Wilczek J., Monna F., Jébrane A., Labruère-Chazal C., Navarro N., Couette, S., Chateau C. DACORD – Computer-Assisted Drawing of

Archaeological Pottery (the CADAPtable system). MORPH2017: A Conference on the Archaeological Application of Geometric Morphometrics, Aarhus, Denmark. 2017. pp. 4-5.

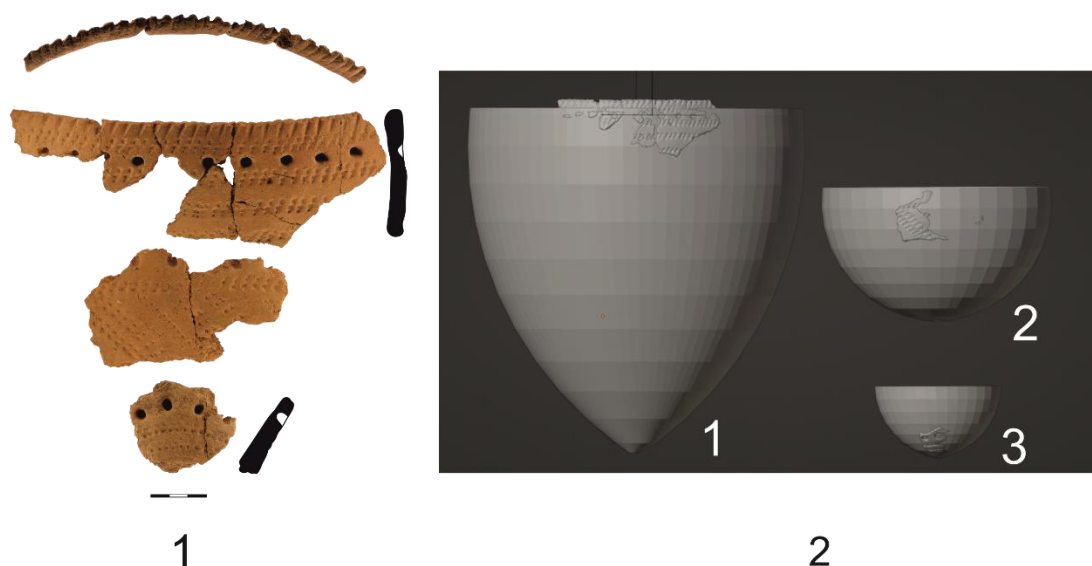

Рис. 1 Условный сосуд и формы сосудов, полученные по трем его фрагментам (1 – фрагменты условного сосуда с памятника Березово 2; 2 – трехмерные изображения форм сосудов, которые получены по трем фрагментам (венчик - 1; стенка - 2; донце - 3)).

**Украшения в контексте детского погребального обряда периода
средней бронзы: по материалам погребальных комплексов низовьев
Северского Донца**

Ключевые слова: Северский Донец, катакомбная культура, средняя бронза, украшения, детские погребения

Детская погребальная обрядность затрагивается в научных работах, посвященных периоду средней бронзы Нижнего Подонья. Исследователи обращают внимание на присущий детским захоронениям инвентарь: наличие керамических сосудов в позднем и раннекатакомбный этапы (в противоположность взрослым погребениям) [11, с. 62], размещение миниатюрных моделей повозок, «люлек», птичьих костей [9; 15, с. 87; 16, с. 69] и наборов костяных колец [12, с. 65]. Данное исследование выполнено в целях проследить особенности детского погребального обряда периода средней бронзы на основе изучения контекста украшений. Выборку составило 31 захоронение с погребенными в возрасте от 0 до 12-15 лет, содержащие украшения в детском погребальном инвентаре.

Анализ расположения украшений в погребениях выявил наиболее часто украшаемую зону тела - голову. Височные кольца являются самым распространенным типом украшений периода средней бронзы. Преимущественно располагаются у височных костей, нижней челюсти, под затылочной частью черепа погребенных детей, женщин и мужчин по одному или несколько экземпляров. В нашей выборке 21 погребение детей всех возрастов с височными кольцами. Однако в коллективных захоронениях они принадлежат младшим в погребениях (9 из 10 случаев).

По типологии Е.И. Гака встречены следующие типы височных колец: округлые в плане типов I, III, IV, VI, VII, VIII и овальные в плане типов II и III. Серьгообразные кольца и «с обратным разворотом» встречаются исключительно в раннекатакомбных комплексах Доно-Донецкого бассейна [5, с. 93-95]. Кольцо из погребения Упраздно-Кагальницкий II 2/2 украшено косыми насечками, вероятно, также

является признаком донецкой металлообработки. Орнаментированные, но псевдозерную, кольца известны с территории р. Егорлыка [6, с. 131; 15, с. 79].

В 6 погребениях к украшениям головы отнесены перевитые стерженьки и костяные пронизи под черепами погребенных, бронзовые и костяные бусины возле черепов и две низки из петлевидных подвесок и бронзовых бусин у левого и правого висков погребенного. В последнем комплексе зафиксирована последовательность расположения подвесок на низке (Мокрый Волчик I 3/7). В погребении НДЧК 20/12 прослежены охристые следы от нитей головного убора, нижний край ткани был опущен на плечи, здесь же два височных кольца [10, с.26-28]. Ряд исследователей предлагают относить такие детали головных уборов к маркерам высокого социального статуса погребенных [1, с. 72]. О престижности овальных в плане колец восточноманычской катакомбной культуры писала М.В. Андреева [2, с.40]. По мнению С.Н. Братченко в рядовых погребениях могли быть деревянные кольца, не сохранившиеся с течением времени [3, с.27]. В нескольких случаях зафиксированы остатки кожаного ремешка с внутренней стороны височных колец. Так рассматриваемые изделия могли крепиться к налобной ленте или головному убору.

Элементы украшенного детского костюма обнаружены в курганном могильнике Мокро-Дюдеревский I 1/12. У стоп погребенного зафиксировано ожерелье из костяных пронизей, бочонковидных бусин, здесь же 9 экземпляров капсул зубов рыбы с лицевой подточенной стороной, 4 костяные пронизи у колен и 1 у плечевого сустава. Под затылком 2 перевитых стерженька и 2 костяные пронизи. Пояс украшен бисером и двумя пронизями нанизанными на шнурок.

Низки из зубов ископаемой рыбы также найдены у берцовых костей ребенка в одном случае и в другом - чуть выше колен. Капсулы часто встречаются в погребениях северокавказской культуры совместно с бронзовыми молоточковидными булавками, подвесками «северокавказского стиля» и могут служить характерным признаком начального этапа средней бронзы степного Предкавказья [8, с. 44].

К поясным украшениям отнесены две бусины у пояса подростка из курганного могильника Богоявленская 2/7, остальные найдены в заполнении с фрагментом бронзовой подвески и изделием из кости с отверстием в центре. Возможно, это вариант костяных медальонов (пряжек), подобных пряжке из погребения Мокрый Волчик I 3/2 у таза ребенка. Данная категория украшений рассматривается как маркер позднего этапа катакомбных культур. Развитие их форм и территориальное распространение приходится на финал средней бронзы в памятниках «КМК» [4, с. 33; 14, с. 109].

Подвески из клыков животных также встречаются в инвентаре детских погребений на Северском Донце: одна подвеска из клыка кабана обнаружена в заполнении входного колодца (НДЧК 20/12); другая перед грудной клеткой ребенка (Богоявленская 1/6); и клык собаки у головы ребенка (Мокрый Волчик I 3/2).

Интерес представляют круглые изделия, диаметром 2-2,6 см, изготовленные из поперечных спилов трубчатых костей животных, тщательно обработанные, отшлифованные, иногда присутствует щиток или круговые бороздки на внешнем контуре изделия. В научной литературе с начала XX века за ними закрепилось название «костяные кольца». В.А. Городцов по итогам археологических раскопок в Изюмском уезде обратил внимание на особенность их расположения в погребениях: 8 костяных колец «лежали перед лицом покойника, вытянутыми в одну линию, как будто были нанизаны на толстый шнур или палку» в детском погребении на Анновском поле 5/5. Но относя костяные кольца к украшениям, В.А. Городцов пишет «назначение их не вполне выяснено» [7, с. 194].

Костяные кольца находят в погребениях развитого и позднего этапов катакомбной культуры, в более раннее время они будто не известны. Преобладающе связаны с детскими захоронениями. В нашей выборке таких погребений 5. Встречаются они и во взрослых захоронениях. Однако если взрослых сопровождают кольца в количестве 1-2 единиц, в некоторых случаях надетыми на фаланги пальцев рук, то в детских погребениях

другая тенденция: до 20 экземпляров в погребении, расположенных у головы, перед коленями, рядом с наборами астрагалов. В погребении Молокановский III 2/4 у черепа старшего ребенка 11 колец стояло вертикально как наборная рукоять какого-то предмета или в качестве наконечника [13, с. 99]. Среди наборов колец встречаются пронизи в виде неразрезанных колец.

Таким образом, нами были проанализированы комплекты украшений в детском погребальном обряде средней бронзы низовьев Северского Донца. Все погребения оказались впускными в более ранние насыпи курганов, датируются развитым и поздним этапом катакомбной культуры с керамическими сосудами классического донецкого, среднедонского и павловско-усть-курдюмского типов, с небогатым погребальным инвентарем и редкими украшениями поздних форм. Наблюдается перемена в символике обрядности, отсутствуют украшения запястий и молоточковидные булавки, чаще встречаются астрагалы и украшения головы.

Список литературы

1. Авилова Л.И., Гей А.Н., Клещенко А.А. Головные уборы, венчики и диадемы: континуитет традиций в эпоху энеолита и бронзы // Археология евразийских степей. 2022. №2. С. 64-76.
2. Андреева, М.В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М., 2014.
3. Братченко С.Н. Донецкая катакомбная культура раннего этапа /Адаптированный перевод на русский язык А.В. Файферта. Луганск, 2001.
4. Василенко А.И., Супрун А.В. К вопросу о происхождении костяных поясных пряжек // Проблемы Археологии Юго-Восточной Европы. Сб. науч. трудов. Ростов н/Д, 1998. С. 32-35.
5. Гак Е.И. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца // диссертация на соискание кандидата исторических наук. М., 2005.
6. Гак Е.И., Калмыков А.А. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного-раннекатакомбного времени Егорлык-

Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. М., 2013. Вып. IX. С. 117-158.

7. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Труды XII АС. М., 1905. Т.1. С. 174-225.

8. Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.

9. Избицер Е. Модели «повозок», «флейты Пана» и северокавказская культура // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. ст., пос. 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004. С. 409-422.

10. Ильюков Л.С. Исследование курганного могильника Нижнедонские Частые курганы в Белокалитвенском районе Ростовской области в 2004 г. // Архив РОМК. Ростов н/Д, 2005. С. 26-28.

11. Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

12. Панасюк Н.В., Усачук А.Н. Костяные кольца и трубочки маньчжурских катакомбных культур // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркуммонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. М., 2018. С. 63-66.

13. Прокофьев Р.В. Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертовском районе Ростовской области //Археологические записки. Ростов н/Д, 2002. Вып. 2. С. 109–133.

14. Рогудеев В.В. Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург, 2001. С. 107-109.

15. Фомичев Н.В. Катакомбное погребение с Правобережья реки Егорлык // Tyragetia. Serie nouă. 2012. nr. 1(21). pp. 73-89.

16. Шишлина Н.И., Жилин М.Г., Ковалев Д.С. Кости диких птиц в культуре населения эпохи бронзы на юге Русской равнины // Краткие сообщения Института археологии. 2022. №267. С. 59-71.

Исторический источник как элемент музейной педагогики (на примере малых музеев, посвященных Великой Отечественной войне)

Ключевые слова: музейная педагогика, малые музеи, музеи по истории Великой Отечественной войны, школьные музеи

Исторические источники являются средством музейной педагогики, так как через призму его легенды можно изучить историческую эпоху или событие, которое является свидетелем того времени [1]. Информационные свойства предмета включают в себя: оттиски, гравировки, надписи, которые отражают культуру письма, чтения или отсутствие грамотности. Материальную основу музейного предмета составляют: размер, вес, габариты, свойство материала, что также отражает период создания данного объекта.

Идея историзма свойственна каждому экспонату, поэтому изучать предмет с привлечением школьной аудитории позволяет выполнять учебные задачи во внеурочной деятельности с углубленным курсом в предмете «История», где исторический источник является одним из основных элементов музейной педагогики.

В ежегодных планах историко-краеведческих музеев, комнат Боевой Славы находится предметный ряд, посвященный Второй мировой войне, поэтому мероприятия, экскурсии, Акции, квесты, викторины, выставки проводятся с использованием оружия, личных вещей красноармейцев, предметов полевого быта и мн. др. Демонстрация каждого военного экспоната строится на трех постулатах: история предмета, события и личности, что позволяет более эффективно и полно представить картину предмета. Например, в школьном музее МБОУ ООШ № 22 находилась военная фляжка, на которой надпись: «1944-1950. Заполярье-Луостари-Норвегия Донец И.К.».

При работе с интернет-порталом подлинных документов периода Второй мировой войны «Память народа» установлено, что на Мурманском направлении на Карельском фронте служил один Донец И.К. - Иван Кириллович, который родился 10 июня 1926 г. в х. Кут-Кудинов

Дубовского района. Призван в РККА в 1943 году, служил в зенитно-артиллерийской дивизии [2]. При проведении поиска родственников установлено, что они проживают в Ростовской области и хранят архив о военном и трудовом пути прадеда. Таким образом, известно, что ветеран годы войны служил в Заполярье, принимал участие в Петсамо-Киркенесской операции и после войны до 1950 г. служит в военной части под Мурманском.

Данное исследование легло в основу Урока мужества ко Дню Победы для учащихся 8-9 классов. Урок мужества состоит из двух частей: теоретическая и практическая. Теоретическая часть включает в себя лекционный материал о событиях войны в Заполярье в октябре 1944 г.: даты, события, этапы Петсамо-Киркенесской операции. Практическая часть включает работу с экспонатом - военной фляжкой, где атрибутика артефакта прошла по алгоритму: описание материальной основы и информационной части. Далее работа с платформой «Память народа», где учащиеся извлекли информацию о владельце военной фляжки. В завершении практики – представление выводов и подготовка информационного буклета об экспонате.

Таким образом, исторический источник выступает средством музейной педагогики, где через формы работы: лекция и практическое занятие, школьники прослушали материал, провели исследование, сбор об экспонате и в проектном направлении создали информационный буклет о музейном предмете.

Список литературы

1.Родионова Д.Д., Реховская Т.А. Современные подходы к музейному источниковедению // Вестник КемГУКИ. 2015. Т. 32. С. 53-57.

2.Память народа [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero84321129/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%86%26first_name%3D%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%26middle_name%3D%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8

7%26date_birth_from%3D10.06.1926%26static_hash%3Db97b5058cdfaa8a7b309487131483626b3573f3600cdb1aa8742bd494516397v16%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_ino_stranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_isklu_chenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_e_xtra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=smperson_doroga2846650 (28.04.2023)

Сведения об авторах*

Алямовская Анастасия Андреевна – студентка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ. Научный руководитель – Гриценко Святослав Александрович, к.и.н., доцент кафедры иностранных языков Российского технического университета – Московского института радиотехники, электроники и автоматики.

Антоновская Варвара Владимировна – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Рагозин Герман Сергеевич, к.и.н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Богданов Владимир Олегович – аспирант Тверского государственного университета. Научный руководитель – Степанова Юлия Владимировна, к.и.н., доцент, доцент кафедры отечественной истории ТвГУ.

Богданов Лев Георгиевич – студент Ивановского государственного университета. Научный руководитель – Комиссарова Ирина Анатольевна, к.и.н., доцент, заместитель директора Института гуманитарных наук по образовательной деятельности, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИвГУ.

Брюханова Елена Александровна – к.и.н., доцент, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета.

Вакорин Степан Юрьевич – студент Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Репневский Андрей Викторович, д.и.н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Герасимова Алёна Игоревна – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, младший научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики УрО РАН. Научный руководитель – Супрун Михаил

* Сведения даны на момент представления статей в редакцию.

Николаевич, д.и.н., профессор, профессор кафедры отечественной истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Гриценко Алина Игоревна – соискатель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Научный руководитель – Цыганков Дмитрий Андреевич, к.и.н., доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века МГУ им. М.В. Ломоносова.

Гриценко Святослав Александрович – к.и.н., доцент кафедры иностранных языков Российского технического университета – Московского института радиотехники, электроники и автоматики.

Дариенко Андрей Сергеевич – студент Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Соловьева Анна Николаевна, д.филол.н., доцент, профессор кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Калашников Андрей Алексеевич – аспирант Алтайского государственного педагогического университета. Научный руководитель – Афанасьев Павел Алексеевич, к.и.н., доцент, доцент кафедры отечественной истории АлтГПУ.

Клюшкина Мария Антоновна – студентка Сургутского государственного педагогического университета. Научный руководитель – Стафеев Олег Николаевич, к.и.н., доцент, декан Социально-гуманитарного факультета, доцент кафедры социально-гуманитарного образования СурГПУ.

Колегичев Кирилл Михайлович – заведующий отделом научно-экспозиционной работы Каргопольского музея.

Кондратьев Игорь Владимирович – студент Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Зарецкая Оксана Валерьевна, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Копосова Екатерина Александровна – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Сосина Мария Александровна, к.ю.н., доцент

кафедры государственного и международного права САФУ имени М.В. Ломоносова.

Куракин Николай Дмитриевич – студент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Научный руководитель - Золотарев Олег Васильевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран СыктГУ им. П. Сорокина.

Малахова Серафима Игоревна – аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Научный руководитель – Пименова Людмила Александровна, к.и.н., доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

Малярова Анжела Дмитриевна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – Холкина Маргарита Алексеевна, к.и.н., доцент кафедры археологии СПбГУ.

Николиди Диана Дмитриевна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель - Цыпкин Денис Олегович, к.и.н., доцент заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ.

Нистратова Елена Денисовна – студентка Российского государственного гуманитарного университета. Научный руководитель – Косиченко Иван Никитович, к.и.н., старший преподаватель Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ.

Новикова Мария Андреевна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – Цыпкин Денис Олегович, к.и.н., доцент заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ.

Опарин Виталий Алексеевич – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Рагозин Герман Сергеевич, к.и.н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Охлопкова Виктория Александровна – аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Научный

руководитель – Володихин Дмитрий Михайлович, д.и.н., профессор, профессор кафедры источниковедения МГУ им. М.В. Ломоносова.

Павленко Алла Игоревна – студентка Московского городского педагогического университета. Научный руководитель – Малышева Ольга Геральдовна, д.и.н, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ.

Покачева Елизавета Андреевна – студентка Сургутского государственного педагогического университета. Научный руководитель - Гаврисенко Елена Андреевна, к.и.н., старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования СурГПУ.

Раздьяконова Дарья Владимировна – студентка Южного федерального университета. Научный руководитель – Кияшко Алексей Владимирович, д.и.н., профессор, профессор кафедры археологии и истории древнего мира ЮФУ.

Рощина Диана Константиновна – студент Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Трофименко Василий Георгиевич, к.и.н., доцент, заместитель директора Государственного архива Архангельской области, доцент кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова

Свергунов Владислав Сергеевич – студент Пермского государственного национального исследовательского университета. Научный руководитель – Булахтин Максим Анатольевич, д.и.н., доцент, профессор кафедры истории и археологии ПГНИУ.

Соковнина Светлана Александровна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – Филюшкин Александр Ильич, д.и.н., проф., заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран СПбГУ.

Субботин Владислав Игоревич – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Научный руководитель – Медяков Александр Сергеевич, д.и.н., доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории МГУ им. М.В. Ломоносова.

Сущева Ксения Владимировна – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Фельдт Алексей Евгеньевич, к.и.н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Тараканов Артем Сергеевич – студент Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель - Холкина Маргарита Алексеевна, к.и.н., доцент кафедры археологии СПбГУ.

Таслахчян Алла Артемовна – студентка Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики. Научный руководитель – Бабкова Галина Олеговна, к.и.н., доцент, руководитель Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Федулин Никита Сергеевич - студент Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Чуракова Ольга Владимировна, к.и.н., доцент, доцент кафедры отечественной истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Хадиев Руслан Русланович – студент Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – Шапошник Вячеслав Валентинович, д.и.н., профессор, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века СПбГУ.

Хатанзейская Виктория Васильевна – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Рагозин Герман Сергеевич, к.и.н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Хребтов Никита Андреевич – аспирант / ассистент Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Минаева Татьяна Станиславовна, д.и.н., доцент, профессор кафедры отечественной истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Циганкова Анна Сергеевна – студентка Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Научный руководитель – Марченко Анастасия Юрьевна, к.филос.н., доцент, доцент кафедры философии и культурологии ВГСПУ.

Чудинова Анастасия Дмитриевна – студентка Государственного академического университета гуманитарных наук. Научный руководитель – Гладышев Андрей Владимирович, д.и.н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Чурлик Анна Юрьевна – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Зарецкая Оксана Валерьевна, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.

Яковлева Валерия Викторовна – студентка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Сосина Мария Александровна, к.ю.н., доцент кафедры государственного и международного права САФУ имени М.В. Ломоносова.

Янглеева Марина Леонидовна – аспирантка Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Репневский Андрей Викторович, д.и.н., профессор, профессор кафедры всеобщей истории САФУ имени М.В. Ломоносова.